СТИВЕН

КИНГ

ПОД КУПОЛОМ

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Король на все времена

Стивен Кинг

Под Куполом. Том 2. Шестое чувство

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Кинг С.

Под Куполом. Том 2. Шестое чувство / С. Кинг — «Издательство АСТ», 2009 — (Король на все времена)

ISBN 978-5-17-116975-6

История маленького городка, который настигла большая беда. Однажды его, вместе со всеми обитателями, накрыло таинственным невидимым куполом, не позволяющим ни покинуть город, ни попасть туда извне. Что теперь будет в городке? Что произойдет с его жителями? Ведь когда над человеком не довлеет ни закон, ни страх наказания — слишком тонкая грань отделяет его от превращения в жестокого зверя. Кто переступит эту грань, а кто — нет? Вторая часть романа «Под Куполом».

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-116975-6

© Кинг С., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Шестое чувство 7
1 7
2 11
3 13
4 15
5 17
6 18
7 20
8 21
9 23
10 24
11 32
12 33
13 36
14 37
15 39
16 40
17 41
18 42
19 43
20 44
21 46
В кутузке 47
1 47
2 48
3 51
4 52
5 54
6 57
7 60
8 62
9 68
10 69
11 70
12 71
13 73
14 74
15 77
16 78
17 80
18 82
19 83
20 85
21 86
22 89
Соль 90

1 90
2 93
3 95
4 99
5 100
6 101
7 103
8 105
9 107
10 108
11 110
12 111
13 114
14 117
Конец ознакомительного фрагмента. 118

Стивен Кинг
Под Куполом
Шестое чувство
Том 2

Stephen King
Under the Dome

* * *

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Stephen King, 2009
© Перевод. В. Вебер, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Шестое чувство

1

Помимо увлечения городской политикой, за Большим Джимом Ренни числился один-единственный грех – беззаветная любовь к школьному женскому баскетболу, если точнее, к баскетбольной команде «Дикие кошки». Он покупал годовой абонемент с 1998 года и за сезон посещал как минимум десяток игр. В 2004 году, когда «Дикие кошки» выиграли первенство штата среди старших школ, он не пропустил ни одной игры. И хотя люди, приглашенные в его домашний кабинет, замечали прежде всего автографы Тайгера Вудса, Дейла Эрнхардта и Билла Ли по прозвищу Инопланетянин, Большой Джим больше гордился автографом Ганны Комптон, разыгрывающей защитницы, которая в том году училась во втором классе старшей школы. Именно ее стараниями «Дикие кошки» первый и последний раз в своей истории выиграли Золотой мяч.

Обладатель годового абонемента знает других обладателей таких же абонементов, сидящих вокруг, и причины, по которым им нравится этот вид спорта. Большинство – родственники играющих девушек (и зачастую активисты «Клуба поддержки», организующие распродажи домашней выпечки и собирающие деньги для все более дорожающих выездных игр). Другие – баскетбольные пуристы, которые и постараются вам объяснить, что школьный женский баскетбол интереснее. Девушки куда в большей степени заражены командным духом, чем юноши, которые склонны к головокружительным проходам, броскам, данкам, короче, сбиваются на индивидуальные действия. Скорости в женском баскетболе не столь высокие, что позволяет вникнуть в тонкости игры, насладиться каждым заслоном или «стенкой». Болельщики такого баскетбола ценят небольшой счет, с каким обычно заканчиваются игры (поклонники мужского баскетбола фыркают, когда слышат такое мнение), заявляя, что девушки делают упор на защите и стараются помешать броску даже ценой нарушения правил, то есть следуют основным принципам школьного баскетбола, каким он был раньше.

Есть также люди, которым просто нравится наблюдать, как по площадке бегают длинноногие девушки в коротких шортиках.

Большой Джим мог подписаться под всеми этими причинами, но его страсть к школьному женскому баскетболу базировалась совсем на ином. Только эту причину он никогда не озвучивал, обсуждая с другими болельщиками перипетии игры. Это не принесло бы политических дивидендов.

Девушки воспринимали спорт как что-то личное, а потому проявляли большую ненависть к сопернику.

Юноши хотели выиграть, это так, и иногда игра достигала очень высокого эмоционального накала, особенно если команде противостоял принципиальный соперник (для «Диких котов» Милла – презренные «Ракеты» Касл-Рока), но по большей части юношей интересовали индивидуальные достижения. Попросту говоря, им хотелось показать себя. И когда игра заканчивалась, для них она действительно уходила в прошлое.

А девушки просто терпеть не могли проигрывать. Проигрыш они уносили с собой в раздевалку и долго над ним раздумывали. Более того, они *всей командой* терпеть не могли проигрыш, ненавидели его. Большой Джим часто наблюдал, как эта ненависть давала о себе знать. Во второй половине игры, особенно при равном счете, до него частенько долетало с площадки что-то вроде: «Хрен тебе, маленькая сучка, этот мяч мой!» Такие фразы заряжали его энергией.

До сезона 2004 года «Дикие кошки» только однажды выходили в финальную часть первенства штата, двадцатью годами раньше, и сразу же проиграли Бакфилду. Потом появилась Ганна Комптон. По мнению Большого Джима, умеющая ненавидеть как никто.

Дочь Дейла Комптона, сухопарого лесоруба из Таркерс-Миллса, обычно пьяного и всегда сварливого, Ганна естественным образом обрела выражение лица, которое ясно и понятно говорило всем: отвалите от меня. Перейдя в старшую школу, она почти весь сезон отыграла в команде дублеров. В основной состав попала только в двух последних играх, перебросала всех и оставила свою соперницу из «Ричмондских рысей» корчиться на паркете после жесткого, но чистого защитного приема.

После завершения игры Большой Джим подошел к тренеру Вудхеду:

> «Если эта девочка в следующем сезоне не выйдет на площадку в основном составе, ты псих».

«Я не псих», – ответил Вудхед.

Ганна начала сезон на отлично. А закончила еще лучше, оставив такой яркий след, что болельщики «Диких кошек» не могли забыть ее и годы спустя: средний показатель за игру – 27,6 очка. Она могла в любой момент забросить трехочковый, но больше всего Большому Джиму нравилось, как она разрезает оборону противника и рвется к кольцу: курносое лицо сосредоточено до предела, черные глаза предупреждают – не стой на моем пути, конский хвост мотается из стороны в сторону, как поднятый средний палец. Второй член городского управления и главный продавец подержанных автомобилей влюбился.

В игре за звание чемпиона 2004 года «Дикие кошки» выигрывали у «Ракет» десять очков, когда Ганна уселась на скамейку за пять персональных замечаний. К счастью для «Кошек», произошло это в самом конце игры. Так что в итоге они победили с перевесом в одно очко. Из набранных «Дикими кошками» восьмидесяти шести очков Ганна Комптон записала на свой счет невероятные шестьдесят три. Той же весной ее сварливый папаша оказался за рулем новенького «кадиллака», который Джим Ренни продал ему с сорокапроцентной скидкой. Новые автомобили Большой Джим обычно не продавал, но всегда мог такой достать, если хотел.

Сидя в кабинете Питера Рэндолфа в те самые минуты, когда последние розовые метеоры еще прочерчивали небо (а его трудные дети ждали – и Ренни надеялся, что в тревоге, – пока их призовут и вынесут приговор), Большой Джим вспоминал тот удивительный, поистине фантастический матч, особенно первые восемь минут второй половины, которую «Кошки» начали, отставая на девять очков.

Ганна подмяла игру под себя с жестокостью, с какой Сталин подмял под себя Россию. Ее черные глаза блестели (и видели перед собой некий баскетбольный рай, скрытый от простых смертных), лицо застыло в усмешке, говорившей всем и каждому: *Я лучше тебя, я лучшая, уйди с моего пути, или я, нахрен, раздавлю тебя*. Все ее броски в течение этих восьми минут попадали в кольцо, включая один, совершенно нелепый, из центрального круга, который она сделала только потому, что ноги у нее заплелись, и судьи обязательно отобрали бы мяч за пробежку.

Существуют слова и фразы, определяющие такое состояние, чаще всего говорят: «в ударе». Но Большому Джиму нравилось другое определение – «шестое чувство». «Она это действительно чувствует», – вот что он мог сказать про Ганну в те минуты. Словно ее игра приобрела некий божественный ингредиент, недоступный обычным игрокам (хотя иногда даже обычные игроки обретали шестое чувство, на короткое время трансформировались в богов и богинь, и все физические дефекты исчезали на период их божественного превращения), ингредиент, который может проявиться лишь по особым случаям.

На следующий год Ганне Комптон не удалось сыграть ни одной игры: финальный матч стал для нее прощальным. В то лето, сев за руль пьяным, ее отец убил себя, жену и трех дочерей по пути в Таркерс-Миллс из «Брауна», куда они ездили за фраппе с мороженым. Купленный со скидкой «кадиллак» стал им гробом.

Автомобильная авария с таким количеством жертв, конечно же, попала на первые полосы газет в Западном Мэне – «Демократ» Джулии Шамуэй на той неделе вышел с черной рамкой, – но Большой Джим особо не горевал. Он подозревал, что Ганна не пробилась бы в стартовую пятерку команды колледжа; там играли девушки покрупнее, и она могла рассчитывать только на редкие выходы на замену. Ганна с этим бы не смирилась. Ее ненависть подпитывалась постоянным пребыванием на площадке. Большой Джим прекрасно это понимал. Полностью разделял ее чувства. По той самой причине у него не возникало даже желания покинуть Милл. В большом мире он мог бы заработать больше денег, но что есть богатство, как не пиво существования, тогда как власть – шампанское.

Ему нравилось управлять Миллом и в обычные дни, но в кризис удовольствие увеличивалось многократно. В такие времена он буквально летал на крыльях интуиции, зная, что не мог напортачить, абсолютно не мог напортачить. По аналогии с баскетбольной площадкой, он словно просчитывал все действия защиты до того, как эти действия предпринимались, и мяч попадал в кольцо всякий раз, когда оказывался у него в руках. Поскольку возникало шестое чувство, и что могло быть лучше, чем его появление по ходу игры, определяющей чемпиона?

И сейчас шла чемпионская игра Большого Джима, и все складывалось в его пользу. Он чувствовал – абсолютно верил, что все пойдет как надо, в этот магический период. И то, что вроде бы создавало помехи, наоборот, открывало новые возможности, а не превращалось в неприступные оборонительные редуты – по аналогии с отчаянным броском Ганны с середины площадки тот заставил вскочить на ноги всех зрителей, собравшихся тогда в городском центре Дерри: болельщики Милла ликовали, Касл-Рока хватались за головы, не понимая, как такое могло случиться.

Шестое чувство. Благодаря ему Большой Джим не уставал, хотя, казалось бы, должен был валиться с ног. Благодаря ему не волновался из-за Младшего, несмотря на молчаливость и настороженность последнего. Благодаря ему не тревожился из-за Дейла Барбары и сеющих смуту его друзей, особенно этой газетной суки. Благодаря ему лишь улыбался, когда Питер Рэндолф и Энди Сандерс ошеломленно таращились на него. Он мог позволить себе улыбаться. Он руководствовался шестым чувством.

– Закрыть супермаркет? – переспросил Энди. – Многим это не понравится, Большой Джим.

– Супермаркет и «Бензин и бакалею», – поправил его Ренни, продолжая улыбаться. – О «Брауне» можно не беспокоиться, этот магазин уже закрылся. И это хорошо. Мерзкая забегаловка. – Но не добавил: «где продаются мерзкие порножурналы».

– Джим, в «Мире еды» продуктов предостаточно, – вставил Рэндолф. – Я только сегодня разговаривал с Джеком Кейлом. Мясо подходит к концу, но с остальным полный порядок.

– Я знаю, – кивнул Большой Джим. – Понимаю, что такое инвентаризация, и Кейл это тоже понимает. Должен. В конце концов, он еврей…

– Ну… я просто говорю, что пока у нас более-менее поддерживается порядок. Потому что у людей кладовые набиты всем необходимым. – Тут Рэндолф просиял. – Надо сократить время работы «Мира еды». Думаю, Джека можно на это уговорить. Он, вероятно, уже сам думает об этом.

Большой Джим покачал головой, по-прежнему улыбаясь. Вот и еще один пример того, как все складывается в твою пользу, когда тебя ведет шестое чувство. Герцог Перкинс сказал бы, что это ошибка, особенно сразу после такого жуткого небесного шоу. Но Герцог мертв, что не просто хорошо – божественно.

– Закрыть, – повторил он. – И супермаркет, и магазин. На замок. А когда они откроются, продукты будем выдавать мы. Тогда их хватит на более продолжительное время и распределение будет более справедливым. Я объявлю о введении плана нормирования в четверг, на городском собрании. Если, разумеется, Купол к тому времени не исчезнет.

– Я не уверен, что у нас есть право закрывать частные предприятия, Большой Джим. – В голосе Энди слышалась неуверенность.

– При таком кризисе это не только наше право, но и обязанность. – Ренни с силой хлопнул по плечу Пита Рэндолфа. Новый начальник полиции Милла этого не ожидал и испуганно вскрикнул.

– А если начнется паника? – Энди хмурился.

– Что ж, этого исключить нельзя. Если расшевелить мышиное гнездо, мыши обязательно побегут. Нам, возможно, придется увеличить численность полиции, если этот кризис не разрешится в самое ближайшее время.

На лице Рэндолфа отразилось удивление.

– У нас и так двадцать человек. Включая… – Он мотнул головой в сторону двери.

– Да, – кивнул Большой Джим, – и раз уж о них зашла речь, ты приведи их сюда, чиф, чтобы мы закончили с этим делом и отправили ребят спать. Я думаю, завтра у них будет тяжелый день.

И если сегодня их чуть вздрючить, завтра они проявят большее рвение. А вздрючить их надо, раз уж они не могут держать свои дубинки в штанах.

2

Френк, Картер, Мел и Джорджия переминались с ноги на ногу, как подозреваемые, привезенные в полицейский участок для опознания. Чувствовалось, что вызывающее выражение их лиц всего лишь ширма. Ганна Комптон подняла бы этих ребят на смех. Они не поднимали глаз, изучая свою обувь. Большой Джим видел – они ждут, что их сейчас уволят, а то и отправят в камеры. Его это устраивало. На страхе играть проще всего.

– А вот и наши доблестные патрульные, – поприветствовал он их.

Джорджия Ру что-то пробормотала себе под нос.

– Говори громче, милая. – Большой Джим поднес сложенную лодочкой руку к уху.

– Мы не сделали ничего плохого. – Голос жалобный, как у школьницы, незаслуженно обвиненной в чем-то учителем.

– А что именно вы сделали? – И когда Джорджия, Френк и Картер начали говорить одновременно, указал на Френка: – Ты. И ради Бога, поубедительнее.

– Мы там были, – начал Френк, – но она пригласила нас.

– Точно! – крикнула Джорджия, сложив руки под внушительной грудью. – *Она…*

– Заткнись! – Большой Джим наставил на нее мясистый палец. – Один говорит за всех. Так это делается, если вы команда. Вы команда?

Картер Тибодо уже понял, к чему все идет:

– Да, сэр, мистер Ренни.

– Она сказала, что у нее есть пиво, – продолжил Френк. – Мы пошли к ней только по этой причине. Не могли купить в городе, вы знаете. В любом случае мы сидели, пили пиво, каждому досталось по банке, уже в какой-то степени не при исполнении.

– *Вообще* не при исполнении, – вмешался чиф. – Ты хотел сказать, в свободное от службы время.

Френк кивнул:

– Да, сэр, именно это я и хотел сказать. Мы выпили пива и сказали, что нам лучше уйти, но она сказала, что мы делаем важную работу, она это ценит и хочет поблагодарить каждого из нас. А потом раздвинула ноги.

– Показала свою мохнатку, вы понимаете. – Мел широко и тупо улыбнулся.

Большой Джим поморщился, радуясь тому, что здесь нет Андреа Гриннел. Наркоманка или нет, в такой ситуации она начала бы возмущаться.

– Одного за другим она отвела нас в свою спальню. Я знаю, мы приняли плохое решение, но с ее стороны все было добровольно, – закончил Френки.

– Я в этом уверен, – подал голос чиф Рэндолф. – У девицы та еще репутация. Как и у ее мужа. Наркотики вы там, кстати, не видели?

– Нет, сэр. – Четырехголосый хор.

– А вы не причинили ей боли? – спросил Большой Джим. – Как я понимаю, она заявляет, что ее били.

– Никто ее не бил, – ответил Картер. – Могу я сказать, что думаю по этому поводу?

Большой Джим согласно махнул рукой. У него начало складываться впечатление, что мистер Тибодо может принести пользу.

– Она, вероятно, упала после того, как мы ушли. Может, и пару раз, потому что сильно напилась. Служба опеки должна лишить ее родительских прав до того, как она прибьет своего малыша.

На последнее замечание никто не отреагировал. С учетом сложившихся обстоятельств служба опеки, расположенная в Касл-Роке, могла находиться и на Луне.

– То есть по большому счету вы ни в чем не виноваты, – подвел итог Большой Джим.

– Абсолютно, – подтвердил Френк.

– Что ж, думаю, нам все ясно. – Большой Джим оглядел остальных: – Нам все ясно, господа?

Энди и Рэндолф кивнули, на лицах читалось облегчение.

– Хорошо, – продолжил Ренни. – День выдался длинный, насыщенный событиями, и я уверен, что нам всем надо поспать. Молодежи особенно, потому что завтра вы должны быть на службе в семь утра. Супермаркет и «Бензин и бакалея» закрываются на период кризиса, и чиф Рэндолф думает, что именно вам нужно поручить охрану супермаркета на случай, что появятся люди, которым не понравится новый порядок. Вам это по силам, мистер Тибодо? Учитывая ваше… боевое ранение?

Картер согнул руку:

– Я в порядке. Ее собака сухожилия не порвала.

– Мы можем отправить с ними и Фреда Дентона. – Чиф Рэндолф уже сообразил, что к чему. – Уэттингтон и Моррисона поставим у «Бензина и бакалеи».

– Джим, – Энди повернулся к Ренни, – может, лучше выставить опытных полицейских у супермаркета, а новичков у…

– Я так не думаю. – Большой Джим улыбался. Его вело шестое чувство. – Именно эти молодые люди нужны нам у «Мира еды». Именно они. И кто-то ненароком шепнул мне, что вы держите в своих автомобилях оружие, а некоторые из вас берут его на патрулирование.

Ему ответило молчание.

– В полиции вы пока на испытательном сроке, – напомнил Большой Джим. – Но если у вас есть оружие, вы, как и все американцы, имеете право носить его при себе. Однако если я узнаю, что кто-то из вас будет стоять у «Мира еды» при оружии, да еще пустит его в ход, на том ваша служба в полиции и закончится.

– Совершенно верно, – поддакнул Рэндолф.

Большой Джим оглядел Френка, Картера, Мела и Джорджию.

– Есть насчет этого возражения? У кого-нибудь?

Им это определенно не нравилось. Большой Джим ничего другого и не ожидал, но они и так легко отделались. Тибодо крутил плечом, сгибал и разгибал пальцы, проверяя их состояние.

– А если оружие будет незаряженным? – спросил Френк. – Просто будет, вы понимаете, как предупреждение.

Большой Джим наставительно поднял палец.

– Я скажу тебе то же самое, что говорил мне отец. Незаряженного оружия не существует. У нас хороший город. Люди будут вести себя достойно, я в этом уверен. Если они изменятся, мы тоже изменимся. Понял?

– Да, сэр, мистер Ренни. – Не нравилось это Френку, что вполне устраивало Большого Джима.

Он встал. Только вместо того, чтобы выпроводить их за дверь, протянул им руки. Увидел недоумение на их лицах, кивнул, по-прежнему улыбаясь.

– Подойдите сюда. Завтра у нас знаменательный день, и нам не следует встречать его без молитвы. Так что возьмемся за руки. – Они взялись. Большой Джим закрыл глаза. – Господь наш…

Какое-то время говорил, тогда как остальные внимали.

3

Барби поднялся по наружной лестнице, ведущей к его квартире, за несколько минут до полуночи с поникшими от усталости плечами, думая о том, что сейчас хочет только одного – шести часов забвения, чтобы встать по будильнику и идти в «Эглантерию» готовить завтрак.

Но усталость как рукой сняло, едва он включил свет: генератор Энди Сандерса обеспечивал электричеством и квартиру над его аптечным магазином.

Кто-то здесь побывал.

Признаки чужого присутствия были настолько неявными, что поначалу Барби не смог их установить. Закрыл глаза, открыл, прошелся взглядом по гостиной, объединенной с кухонькой, ни на чем не заостряя внимания, но стараясь ничего не упустить. Книги, которые он намеревался оставить здесь, не передвигали по полкам, стулья стояли на привычных местах, один – у торшера, второй – у единственного в комнате окна с чудесным видом на проулок между домами, кофейная чашка и тарелка оставались там, куда он их и поставил: на сушилке у крошечной раковины.

А потом все сложилось, как обычно и бывает, если не стремиться максимально быстро выйти на правильный ответ. Ковер. Для себя Барби называл его Не-Линдсей.

Примерно пять футов в длину и два в ширину Не-Линдсея выткали повторяющимися синими, красными, белыми и коричневыми ромбами. Барби купил ковер в Багдаде, а иракский полицейский, которому он доверял, заверил его, что сработан ковер на курдской фабрике.

«Очень старый, очень прекрасный, – говорил полицейский. Звали его Латиф Абд аль-Халик Хассан. Хороший солдат. – Выглядит турецким, но нет-нет-нет. – Широкая улыбка. Белые зубы. Через неделю после того дня на рынке пуля снайпера вышибла мозги Латифа Абд аль-Халика Хассана через дыру в затылке. – Не турецкий, иракский!»

Продавец ковров в желтой футболке с надписью «НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В МЕНЯ, Я ВСЕГО ЛИШЬ ПИАНИСТ» начал что-то говорить. Латиф слушал, кивая. Потом оба рассмеялись. После чего продавец сделал на удивление американский жест: ладонью правой руки обхватил левую повыше локтя и согнул ее, сжав пальцы в кулак. Они засмеялись еще громче.

«Что такое?» – спросил Барби.

> «Он говорит, что американский сенатор Линдсей Грэм купил пять ковров, похожих на этот, за пятьсот долларов. Пятьсот долларов из рук в руки перед прессой. Больше – под прилавком. Но ковры сенатора – подделка. Да-да-да. Этот не подделка, настоящий. Я – Латиф Хассан, говорю тебе это, Барби. Не Линдсей Грэм ковер».

Латиф поднял руку, и Барби ударил по ней своей пятерней. Хороший тогда выдался день. Жаркий, но хороший. Он купил ковер за двести американских долларов и ди-ви-ди-плейер «Коби», твердую валюту в любой стране. Не-Линдсей стал его иракским сувениром. Барби намеревался оставить ковер, уходя из Милла, глубоко в душе полагая, что тем самым окончательно оставляет в прошлом Ирак, но куда там. Где бы ты ни побывал, там ты и оставался. Великая буддийская истина нашего века.

Он никогда не наступал на ковер, испытывал к нему суеверный страх, всегда обходил, будто прикосновение его ноги к ковру могло активировать какой-то компьютер в Вашингтоне, и он вновь оказался бы в Багдаде или Фаллудже. Но кто-то на ковер наступил, потому что кое-где шерстинки Не-Линдсея спутались, примялись, согнулись. А они были прямыми, когда он уходил этим утром, тысячу лет назад.

Барби прошел в спальню. Покрывало, как обычно, аккуратно обтягивало кровать, но ощущение, что здесь побывал чужак, никуда не делось. Остался запах пота? Следы чьей-то

ауры? Барби не знал, да и не хотел знать. Он шагнул к комоду, выдвинул верхний ящик и увидел, что линялые джинсы, которые лежали сверху, теперь переместились в самый низ. И шорты цвета хаки, которые он клал молнией вниз, теперь лежали молнией вверх.

Он открыл второй ящик, с носками. Ему потребовалось меньше пяти секунд, чтобы убедиться, что его армейские идентификационные жетоны исчезли, и Барби это не удивило. Совершенно не удивило.

Он схватил свой мобильник, который тоже намеревался оставить в Милле, и вернулся в гостиную. Объединенный телефонный справочник Таркерса и Честерса лежал на столике у двери, тоненький, как брошюра. Он поискал нужный номер, не надеясь, что найдет: телефон начальника полиции в таких справочниках обычно не значился.

Да только в маленьких городках этого правила не придерживались. По крайней мере в этом маленьком городке, хотя про должность Герцога справочник умалчивал, ограничившись скромным: «Г. и Б. Перкинс, 28 Морин-стрит». И пусть уже перевалило за полночь, Барби без колебания набрал номер. Ждать он позволить себе не мог. Чувствовал, что время стремительно уходит.

4

Зазвонил телефон. Гови, без сомнения, звонил, чтобы предупредить, что задерживается, и ей лучше запереть дверь и лечь… Но тут же реальность вновь обрушилась на нее, как неприятные подарки, посыпавшиеся из отравленной пиньяты[1]: пришло осознание, что Гови мертв. Бренда не знала, кто может ей звонить – она посмотрела на часы – в двадцать минут первого, но уже поняла, что это не Гови.

Садясь, Бренда поморщилась от боли, потерла плечо, отругала себя за то, что заснула на диване, отругала того, кто разбудил ее в столь поздний час и вновь заставил вспомнить, что она теперь вдова.

Потом в голову пришла мысль, что глубокой ночью ей могли позвонить только по одной причине: Купол исчез или в нем пробита дыра. Бренда ударилась ногой о кофейный столик так сильно, что разлетелись лежавшие на нем листы бумаги, захромала к телефонному аппарату у кресла Гови (у нее защемило сердце при взгляде на пустое кресло) и схватила трубку.

– Что? Кто?

– Это Дейл Барбара.

– Барби! Его взломали? Купол взломали?

– Хотелось бы позвонить по этому поводу, но увы.

– Тогда почему? Уже почти половина первого.

– Вы говорили, что ваш муж расследовал делишки Джима Ренни.

Бренда ответила не сразу, догадываясь, что за этим последует. Поднесла ладонь к шее, к тому месту, которое в последний раз погладил Гови.

– Он, как я вам и говорила, не располагал стопроцентными доказательствами…

– Я помню, что вы мне говорили, – прервал ее Барби. – А сейчас выслушайте меня, Бренда. Можете это сделать? Проснулись?

– Теперь да.

– Ваш муж оставил записи?

– Да. В своем ноутбуке. Я их распечатала.

Она посмотрела на листы распечатки файлов из папки «ВЕЙДЕР», рассыпанные по кофейному столику и полу.

– Хорошо. Надо, чтобы завтра утром вы положили распечатку в конверт и отнесли Джулии Шамуэй. Попросите ее спрятать распечатку в безопасное место. В сейф, если он у нее есть. В денежный ящик или запирающийся металлический шкаф, если нет. Скажите ей, что вскрыть конверт она должна только в том случае, если с вами или со мной что-то случится, или с нами обоими.

– Вы меня пугаете.

– В противном случае она не должна вскрывать конверт. Если вы ей это скажете, она вас послушает? Интуиция подсказывает мне, что да.

– Разумеется, но почему не дать ей взглянуть на содержимое конверта?

– Потому что, если издатель местной газеты узнает, какой компромат собрал ваш муж на Большого Джима, а Большому Джиму станет известно, что она этот компромат видела, мы практически лишимся того преимущества, которым сейчас располагаем. Вы это понимаете?

– Д-да… – Как бы ей хотелось, чтобы в этом полуночном разговоре участвовал Гови.

– Я говорил, что меня могут арестовать, если с ракетным ударом ничего не получится. Помните?

– Разумеется.

---

[1] Пиньята – полая игрушка, которую начиняют угощениями или подарками. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Что ж, меня не арестовали. Этот сукин сын умеет выжидать. Но долго он теперь выжидать не будет. Я почти на сто процентов уверен, что произойдет это завтра… то есть уже сегодня. Если, конечно, вы не сможете остановить его, пригрозив сделать достоянием общественности компромат, добытый вашим мужем.

– И за что вас арестуют?

– Понятия не имею, но точно не за карманную кражу. А в тюрьме, думаю, со мной произойдет несчастный случай. В Ираке я видел такого предостаточно.

– Это безумие, – сказала она, но его слова обладали той жуткой убедительностью, с какой ей иногда приходилось сталкиваться в кошмарных снах.

– Подумайте об этом, Бренда. Ренни есть что скрывать, ему нужен козел отпущения, а новый начальник полиции у него в кармане. Так что все сошлось.

– В любом случае я собиралась повидаться с Ренни. И я хотела взять с собой Джулию из соображений безопасности.

– Джулию не берите, но и одной вам идти нельзя.

– Вы же не думаете…

– Я не знаю, что он сделает, как далеко зайдет. Кому вы можете довериться, кроме Джулии?

Ей вспомнился прошедший день, почти потушенный пожар, когда она стояла на Литл-Битч-роуд в прекрасном, благодаря выбросу эндорфинов, настроении – несмотря на утрату Гови, – и Ромео Берпи говорил ей, что она должна возглавить как минимум пожарную команду.

– Ромми Берпи.

– Отлично. Пусть он составит вам компанию.

– Я должна сказать ему, что Гови…

– Нет, – оборвал ее Барби. – Он нужен вам только для подстраховки. И вот что еще, спрячьте ноутбук вашего мужа.

– Хорошо… но, если я спрячу ноутбук Гови и оставлю распечатку Джулии, что мне показать Джиму? Впрочем, я могу сделать вторую распечатку.

– Нет. Одной вполне достаточно. По крайней мере на текущий момент. Испугать его – это одно. Загнанный в угол, он может стать непредсказуемым, а это совсем другое. Бренда, вы верите, что он преступник?

Она ответила без запинки:

– Всем сердцем.

Потому что в это верил Гови – чего мне более чем достаточно.

– И вы помните, что в файлах?

– Точные цифры и названия банков, которые они использовали, наверное, нет, но многое другое помню.

– Тогда он вам поверит. Он вам поверит и без второй распечатки.

5

Бренда положила распечатку файлов из папки «ВЕЙДЕР» в конверт из плотной бумаги. На лицевой стороне написала «ДЖУЛИИ ШАМУЭЙ». Оставила конверт на кухонном столе, пошла в кабинет Гови и убрала компьютер в сейф. Последний оказался маловат, и «Мак» влез в него только по диагонали. Закончила она тем, что дважды, а не один раз повернула наборный диск, выполняя рекомендации усопшего мужа. В этот самый момент погас свет. Бренду охватил какой-то животный страх: второй поворот диска вырубил электричество.

Потом она поняла, что сдох генератор: закончился пропан.

6

Когда Младший вернулся домой во вторник утром, в пять минут седьмого, с щетиной на бледных щеках и торчащими во все стороны волосами, Большой Джим сидел за кухонным столом в белом банном халате размером с грот клипера. Он пил колу.

Младший указал на банку:

– Хороший день начинается с хорошего завтрака.

Большой Джим отсалютовал ему банкой, глотнул колы, поставил банку на стол.

– Кофе нет. Точнее, кофе есть, но нет электричества. Пропан закончился. Если хочешь, возьми банку и себе. Они еще холодные, и кола, судя по твоему виду, тебе не повредит.

Младший открыл холодильник, заглянул в его темное нутро:

– Я должен поверить, что ты не можешь обеспечить собственный дом сжиженным газом?

Большой Джим вздрогнул, но тут же расслабился. Логичный вопрос, не означающий, будто Младшему что-то известно. *Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним*[2], напомнил себе Большой Джим.

– Скажем так, на данный момент это политически неправильно.

– Ну-ну.

Младший закрыл холодильник и сел по другую сторону стола. Смотрел на отца с легким удивлением (которое тот истолковал как привязанность).

Семья, где убивают вместе, не разваливается, подумал Младший. *По крайней мере какое-то время. Пока…*

– Политически, – повторил он.

Большой Джим кивнул, изучающе глядя на сына, который, помимо банки колы, прихватил из холодильника копченую колбаску «Биг джерк». Он не спросил: «Где ты был?» Он не спросил: «Что с тобой происходит?», хотя утренний свет, вливающийся через окна на кухню, однозначно показывал, что у Младшего какие-то нелады со здоровьем. Но вопрос задал:

– Там трупы. Несколько. Это так?

– Да. – Младший откусил большой кусок колбаски и запил колой. Без урчания холодильника и бульканья «Мистера Кофе» на кухне царила необычная тишина.

– И все эти трупы можно будет подложить под дверь мистера Барбары?

– Да, все. – Еще кусок колбаски, исчезнувший во рту. Еще один глоток. Младший пристально смотрел на отца, потирая левый висок.

– Сможешь ты случайно найти их около полудня?

– Нет проблем.

– И само собой, улики, свидетельствующие против нашего мистера Барбары.

– Да. – Младший улыбнулся. – Это весомые улики.

– Сегодня утром, сын, в полицейский участок не приходи.

– Мне лучше прийти. Если не приду, это покажется странным. Кроме того, я не устал. Спал с… – Младший покачал головой. – Я спал, на том и остановимся.

Большой Джим не спросил: «С кем ты спал?» Ему и так хватало забот, чтобы еще и волноваться о том, с кем спит его сын. Слава Богу, Младшего не было среди тех, кто занимался этим делом с той отвратительной шлюхой в трейлере на Моттон-роуд. Заниматься этим делом с такими девками – верный способ подцепить что-нибудь и заболеть.

Он уже болен, прозвучал голос в голове Большого Джима. Возможно, затихающий голос жены. *Достаточно взглянуть на него*.

---

[2] Книга Притчей Соломоновых. 28:1.

Голос, вероятно, говорил правду, но в это утро Большого Джима занимали более серьезные проблемы, чем самочувствие сына.

– Я не говорю – ложись спать. Я хочу, чтобы ты поездил по городу и сделал для меня одну работенку. Просто при этом держись подальше от «Мира еды». Я думаю, там будет заварушка.

Глаза Младшего вспыхнули.

– Какая заварушка?

Большой Джим ушел от прямого ответа:

– Ты сможешь найти Сэма Вердро?

– Конечно. Сейчас он в своей маленькой лачуге на Год-Крик-роуд. Обычно утром он отсыпается, но сегодня, наверное, бьется в судорогах. – Младший засмеялся, представив себе эту картину, потом скривился от боли и вновь принялся потирать висок. – Ты действительно думаешь, что именно мне следует с ним поговорить? В настоящий момент я у него не в фаворе. Наверное, он даже удалил меня со своей страницы в «Фейсбуке».

– Не понимаю.

– Это шутка, папа. Забудь.

– Как по-твоему, его отношение к тебе изменится к лучшему, если ты предложишь ему три кварты виски? И еще больше, если он справится с полученным делом?

– Эта старая гнида будет целовать мне руки, если я предложу ему полстакана двухбаксовки[3].

– Виски ты сможешь взять в «Брауне». – Помимо дешевой бакалеи и порнографических журналов, в «Брауне» продавали и спиртное: магазин имел лицензию на торговлю алкогольными напитками. В Милле таких магазинов насчитывалось три, и в полицейском участке хранились ключи от всех. Большой Джим положил ключ на стол: – От двери черного хода. Постарайся, чтобы никто тебя не видел.

– И что Сэм Бухло должен сделать за спиртное?

Большой Джим объяснил. Младший слушал с бесстрастным лицом, если не считать налитых кровью глаз, которые танцевали.

Он задал только один вопрос:

– Думаешь, сработает?

Большой Джим кивнул:

– Обязательно. Есть у меня *такое чувство*.

Младший откусил еще один кусок колбаски, запил колой.

– У меня тоже, папа. У меня тоже.

[3] Имеются в виду вина, продающиеся под маркой «Чарльз Шоу» по цене 1 доллар и 99 центов за бутылку.

7

После ухода Младшего Большой Джим в раздувающемся за спиной халате прошел в кабинет. Достал из среднего ящика стола мобильник, где тот почти всегда и находился. Большой Джим полагал, что мобильники – творения дьявола, способствующие пустопорожним разговорам: сколько часов рабочего времени благодаря им ушли зазря? Не говоря уже о вредном излучении, которым они воздействуют на твою голову, пока ты болтаешь ни о чем.

Однако мобильники могли приносить и пользу. Он знал, что Сэм Вердро в точности выполнит указания Младшего, но знал и другое: не подстраховываться – глупо.

Набрал номер в «тайной» телефонной книге, которая открывалась при наборе цифрового кода. И только после пяти или шести гудков в трубке рявкнул голос отца великого множества Кильянов:

– Чего?

Большой Джим поморщился и на секунду оторвал мобильник от уха. Когда приставил снова, услышал приглушенное кудахтанье.

– Ты в курятнике, Родж?

– Э… да, сэр, Большой Джим. Конечно. Кур надо кормить, несмотря на ад или потоп. – Раздражение в голосе сменилось уважением. И Роджер Кильян не имел права говорить с ним иначе. Большой Джим сделал его трехнутым миллионером. А если тот не мог насладиться жизнью, лишенной финансовых тревог, и по-прежнему вставал на заре, чтобы накормить кур, значит, такова воля Божья. Роджер был слишком тупым, чтобы остановиться. Таким уж создали его Небеса, и сегодня тупость Кильяна могла сослужить Большому Джиму добрую службу.

И городу. Я делаю это ради города. На благо города.

– Роджер, у меня есть работа для тебя и трех твоих старших сыновей.

– Дома только двое. Рики и Рэндолл здесь, но Роланд поехал в Оксфорд за едой, когда возник этот Христов Купол. – Он замолчал, думая о том, что сказал. В трубке слышалось кудахтанье кур. – Извините за богохульство.

– Я уверен, Бог тебя простит, – заверил его Джим. – Тогда, значит, для тебя и двух твоих старших сыновей. Сможете вы приехать в город к… – Большой Джим прикинул, когда именно. Много времени на это не ушло. Когда тебя ведет *шестое чувство*, решения обычно находятся сразу. – В девять утра, самое позднее в девять пятнадцать.

– Мне придется их разбудить. Что мы будем делать? Нам надо захватить с собой чуток пропа…

– Нет, – оборвал его Большой Джим, – и никому об этом не говори. Бог любит тебя. А теперь слушай.

Большой Джим говорил.

Роджер Кильян, которого любил Бог, слушал.

Под кудахтанье восьмисот кур, клюющих сдобренное стероидами зерно.

8

– Что? *Что? Почему?*

Джек Кейл сидел за столом в крошечном кабинете управляющего «Мира еды». На столе лежали листы инвентарной описи, которые он и Эрни Кэлверт закончили заполнять в час ночи. Их надежды уложиться до полуночи похоронил метеорный дождь. Теперь Джек сгреб в охапку толстую пачку этих длинных листов из блокнота, заполненных от руки, и потряс перед Рэндолфом, который стоял в дверях. Новый начальник полиции вырядился как на парад.

– Посмотри на это, Пит, прежде чем сделаешь какую-нибудь глупость.

– Извини, Джек, магазин закрыт. Он откроется в четверг уже как раздаточный склад. Все будет выдаваться поровну. Мы будем вести точный учет, так что владельцы супермаркета не потеряют ни цента. Я обещаю тебе…

– Не в этом дело! – Джек чуть не стонал. Тридцати с небольшим лет, с детским лицом, свободной рукой он дергал огненно-рыжие, жесткие вьющиеся волосы, а другой протягивал Питу Рэндолфу длинные листы, которые тот не собирался брать.

В кабинет вошел Эрни Кэлверт, который поднялся из расположенного в подвале склада. С большим животом, краснолицый, с коротко стриженными седыми волосами. Этой прическе он отдавал предпочтение всю жизнь. Поверх одежды Эрни надел зеленый фартук с логотипом «Мира еды».

– Он хочет закрыть супермаркет! – воскликнул Джек.

– Почему, скажи на милость, ты этого хочешь, если продуктов предостаточно? – сердито спросил Эрни. – Зачем тебе пугать людей? Им еще будет чего пугаться, если так пойдет и дальше. Чья это тупая идея?

– Члены управления проголосовали. И если ты не согласен с этим планом, можешь высказать свои возражения на чрезвычайном городском собрании в четверг вечером. Если, разумеется, к тому времени все не закончится.

– Каким планом?! – прокричал Эрни. – Ты хочешь сказать, что и Андреа Гриннел проголосовала за такое безобразие? Она-то понимает, к чему это может привести.

– Насколько мне известно, у нее грипп. Лежит дома пластом. Так что решал Энди. Большой Джим его решение поддержал. – Никто не говорил Рэндолфу, что отвечать надо именно так; не было в этом необходимости. Он хорошо знал тактику Большого Джима при ведении городских дел.

– Нормирование в какой-то момент может стать необходимостью, – заметил Джек, – но почему сейчас? – Он вновь потряс исписанными листами, его щеки цветом сравнялись с волосами. – Почему, если у нас по-прежнему так много всего?

– Сейчас лучшее время для того, чтобы начать экономить, – пояснил Рэндолф.

– Умные слова, произнесенные человеком, у которого моторная лодка на озере Сибаго и дом на колесах «Уиннибейго-Вектра» во дворе.

– Не говоря уже о «хаммере» Большого Джима, – поддакнул Эрни.

– Достаточно, – отчеканил Рэндолф. – Члены городского управления решили…

– Двое решили, – поправил его Джек.

– Ты хочешь сказать – один из них, – уточнил Эрни, – и мы знаем кто.

– …и я сообщаю вам об этом решении, так что говорить не о чем. Вывесите на дверях объявление: «СУПЕРМАРКЕТ ЗАКРЫТ. ОБ ОТКРЫТИИ СООБЩИМ ДОПОЛНИТЕЛЬНО».

– Пит, послушай, прояви благоразумие. – Эрни больше вроде бы и не злился, теперь он чуть ли не умолял. – Такое объявление чертовски перепугает людей. Если уж ты настаиваешь, как насчет того, если я напишу: «МЫ ЗАКРЫТЫ НА ИНВЕНТАРИЗАЦИЮ, СКОРО ОТКРО-

ЕМСЯ»? Может, добавлю: «ИЗВИНИТЕ ЗА ВРЕМЕННЫЕ НЕУДОБСТВА». «Временные» выделю красным или что-то в этом роде.

Питер Рэндолф медленно и значимо покачал головой:

– Не могу позволить тебе этого, Эрн. Не смог бы позволить, будь ты таким же сотрудником супермаркета, как он. – Рэндолф указал на Кейла, который положил листы на стол, чтобы терзать волосы обеими руками. – «Закрыто до последующего уведомления», так сказали мне члены городского управления, и я выполняю их приказы. А кроме того, ложь обязательно тебе же и аукнется.

– Да уж, Герцог Перкинс предложил бы им взять этот конкретный приказ и подтереться им, – фыркнул Эрни. – Стыдно, Пит, смотреть в рот этому жирному говнюку. Он скажет: прыгай, так ты спросишь, как высоко.

– Для вас будет лучше, если вы закроетесь прямо сейчас. – Рэндолф наставил на Эрни чуть трясущийся палец. – А ты, если не хочешь остаток дня провести в камере по обвинению в неуважении, заткнись и выполняй приказ. Это кризисная ситуация и…

Эрни изумленно переминался с ноги на ногу.

– Обвинение в неуважении? Нет такого обвинения!

– Теперь есть. Если не веришь, продолжай свое и увидишь, что из этого выйдет.

9

Позже – слишком поздно, чтобы принести хоть какую-то пользу, – Джулия Шамуэй по крупицам соберет всю информацию о том, как начался бунт у «Мира еды», хотя у нее не будет ни единого шанса опубликовать этот материал. Если б даже она и смогла, получилась бы чисто газетная статья с ответами на шесть основных вопросов: кто участвовал, что, где, когда, почему и каким образом все произошло? А если б ее попросили написать об эмоциональной подоплеке случившегося, у нее бы не вышло. Как объяснить, что люди, которых она знала всю жизнь, люди, которых уважала, которых любила, превратились в толпу? Джулия говорила себе: *Я смогла бы все понять, если б находилась там с первых мгновений и видела, как все началось*. Но это всего лишь отговорка, Джулия была не готова встать лицом к лицу с безрассудным, неуправляемым чудовищем, которое может появиться, если спровоцировать испуганных людей. Она видела таких чудовищ в новостных телевизионных выпусках, обычно в далеких странах, и никак не ожидала, что столкнется с ним в родном городе.

А ведь появление такого чудовища не было неизбежным. Эта мысль вновь и вновь приходила Джулии в голову. Всего семьдесят часов прошло с того момента, как Честерс-Милл отрезало от окружающего мира, всего, что ни назови, хватало, за исключением сжиженного пропана, запасы которого таинственным образом куда-то подевались.

Потом она скажет: «Именно в этот момент город наконец-то осознал, что происходит». Наверное, вывод Джулии отчасти соответствовал действительности, но полностью ее не устроил. С полной определенностью Шамуэй могла сказать (и сказала себе) только одно: она наблюдала, как ее город сходит с ума, и после этого ей уже никогда не стать прежней Джулией.

10

Первыми объявление видят Джина Буффалино и ее подруга Гарриет Бигелоу. Обе девушки в белой униформе медсестер (идея принадлежала Джинни Томлинсон; она полагала, что белая униформа успокаивала пациентов лучше, чем полосатая) и выглядят такими милашками. Также они выглядят усталыми, несмотря на свойственное молодости умение восстанавливать силы. За их плечами остались два тяжелых дня, впереди – еще один, а выспаться им не удалось. Они пришли, чтобы купить шоколадные батончики – для всех пациентов, кроме бедного диабетика Джимми Сируа, – и девушки говорят о метеорном дожде. Разговор обрывается, когда они видят объявление на двери.

– Магазин не может закрыться, – не верит своим глазам Джина. – Сегодня вторник. – Она прижимается лицом к стеклу, руками отсекает яркий утренний свет, чтобы посмотреть, что происходит внутри.

Пока она этим занимается, прибывает Энсон Уилер в маленьком автофургоне. Рядом с ним на пассажирском сиденье находится Роуз Твитчел. В «Эглантерии» обслуживать последних посетителей они оставили одного Барби: завтрак подходил к концу. Роуз выскакивает из кабины автофургона еще до того, как Энсон заглушает двигатель. Список покупок у нее длинный, и она хочет купить все, что сможет, и побыстрее. Потом замечает объявление о закрытии.

– Какого черта?! Я виделась с Джеком Кейлом вчера вечером, и он ничего такого не говорил.

Обращается она к Энсону, который идет следом, но отвечает ей Джина Буффалино:

– Внутри по-прежнему всего полно. Все полки заставлены.

Подъезжают другие люди. Супермаркет должен открыться через пять минут, и Роуз – не единственная, кто решил начать день с покупок. Люди проснулись по всему городу, увидели, что Купол на месте, и приехали, чтобы пополнить домашние запасы. Если бы Роуз спросили, почему многие изменили привычный распорядок дня, она бы ответила: «Такое случается всякий раз, когда синоптики выдают штормовое предупреждение или сообщают о надвигающемся буране. Сандерс и Ренни не могли выбрать худшего дня, чтобы сыграть в свою грязную игру».

Среди тех, кто приехал пораньше, Второй и Четвертый патрульные автомобили полицейского участка Честерс-Милла. Тут же подкатил и Френк Дилессепс на своей «нове» (наклейку «Задница, БЕНЗИН ИЛИ ТРАВКА – НА ХАЛЯВУ НЕ ПОДВОЖУ» он с бампера соскоблил, чувствуя, что для полицейского это перебор). Картер и Джорджия – во Втором, Мел Сирлс и Фредди Дентон – в Четвертом. Они припарковались на улице, около «Maison des Fleurs»[4] Леклерка, выполняя приказ чифа Рэндолфа. «Не надо приходить туда слишком рано, – инструктировал их Рэндолф. – Подождите, пока на парковку не съедутся с десяток автомобилей. Возможно, люди прочитают объявление и разъедутся по домам». Этого, разумеется, не происходит, и Большой Джим прекрасно знал, что не произойдет. А появление полицейских, особенно таких молодых и по большей части таких грубых, только разжигает страсти, вместо того чтобы их успокоить.

Роуз накидывается на них первой. Целью для атаки выбирает Фредди, показывает ему длинный список всего, что надо купить, тычет пальцем в окно, за которым на полках выложены практически все товары, за которыми она приехала.

Фредди поначалу вежлив, отдавая себе отчет, что люди (не совсем толпа, пока еще не толпа) наблюдают, но так трудно сдерживаться, когда тебя тюкают и тюкают. Разве Роуз не понимает, что он всего лишь выполняет приказ?

---

[4] «Дом цветов» (*фр.*).

– И кто, по-твоему, кормит этот город, Фред? – спрашивает Роуз. Энсон кладет руку ей на плечо. Роуз ее стряхивает. Она знает, что Фред видит ярость на месте глубокой печали, которую Роуз испытывает, но ничего не может с этим поделать. – Ты думаешь, грузовик «сиско», набитый продуктами, спустится с неба на парашюте?

– Мэм…

– Ты это прекрати! С каких пор я стала для тебя «мэм»? Ты двадцать лет четыре или пять дней в неделю ешь в моем заведении пирожки с черникой и отвратительный непрожаренный бекон, который тебе так нравится, и всегда называл меня Роуз. Но завтра ты есть пирожки не будешь, если я не куплю муку, и разрыхлитель теста, и сироп, и… – Она замолкает. – Наконец-то! Кто-то внял голосу разума. Слава Тебе, Господи!

Джек Кейл открывает половинку одной из двух двустворчатых дверей. Мел и Френк тут же встают перед ней. Потенциальные покупатели – их уже почти два десятка, хотя до открытия магазина (девять утра) еще минута, – придвигаются, но останавливаются, когда Джек достает ключ и запирает дверь. Слышится общий стон.

– Какого черта ты это делаешь?! – негодующе вопрошает Билл Уикер. – Жена послала меня за яйцами.

– С этим к членам городского управления и чифу Рэндолфу, – отвечает Джек. Его волосы торчат во все стороны. Он бросает мрачный взгляд на Френка Дилессепса и еще более мрачный на Мела Сирлса, который безуспешно пытается подавить улыбку, разве что не смеется своим знаменитым «няк-няк-няк». – Я знаю, что теперь случится. Но я сыт по горло всем этим дерьмом. С меня хватит. – Он продирается сквозь толпу, опустив голову, и его щеки пылают ярче волос. Лиссе Джеймисон, только что подъехавшей на велосипеде (все, что ей необходимо, может уместиться в корзинке для молочных бутылок, закрепленной над задним крылом), приходится отступить в сторону, чтобы разминуться с ним.

Картер, Джорджия и Фредди стоят перед большим окном. В обычные дни Джек ставил там тачки и мешки с удобрениями. Пальцы Картера обмотаны пластырем, под рубашкой более плотная повязка. Фредди держит руку на рукоятке пистолета. Роуз продолжает честить его, и Картеру хочется влепить ей оплеуху. Пальцы в порядке, но плечо чертовски болит. Маленькая толпа покупателей становится большой по мере того, как все новые автомобили сворачивают на стоянку.

Но прежде чем патрульный Тибодо успевает оценить размеры толпы, в его личном пространстве возникает Олден Динсмор. Олден осунулся и, похоже, потерял добрых двадцать фунтов после гибели сына. На рукаве черная траурная повязка, и он мало что соображает.

– Мне надо в магазин, сынок. Жена послала меня за консервами.

Олден не говорит, за какими именно. Возможно, за всем, что консервируют. А может, он просто думал о пустующей кровати на втором этаже, которая теперь навсегда останется пустой, о постере группы «Фу файтерс», на который больше никто не глянет, о модели самолета на столе, которую уже некому собрать до конца, и забыл внести уточнение.

– Извините, мистер Диммерсдейл, – говорит Картер. – Вы не можете туда войти.

– Я – Динсмор, – отсутствующим голосом поправляет его Олден. Идет к дверям.

Они закрыты, он никак не сможет войти, но Картер все равно с силой отталкивает фермера. Впервые у Тибодо возникает сочувствие к учителям, которые оставляли его после уроков. Это так раздражает, если тебя не слушают.

Опять же погода жаркая и плечо болит, несмотря на две таблетки перкосета, которые дала ему мать. Семьдесят пять градусов в девять утра в конце октября – редкий случай, и блекло-синий цвет неба говорит о том, что к полудню станет жарче, а к трем часам дня еще жарче.

Олден спиной врезается в Джину Буффалино, и оба упали бы, но Петра Сирлс – она не из легкой весовой категории – успевает удержать их на ногах. Олден не злится, на лице отражается лишь недоумение.

– Жена послала меня за консервами, – объясняет он Петре.

Собравшиеся откликаются ропотом. В нем еще не слышится злости – пока не слышится. Они приехали за продуктами, и продуктов достаточно, но дверь заперта. А теперь мужчину толкнул парень-недоучка, который не смог закончить старшую школу, а на прошлой неделе еще работал автомехаником.

Джина смотрит на Картера, Мела и Френка Дилессепса, и глаза у нее раскрываются все шире. Она указывает на них пальцем.

– Эти парни изнасиловали ее! – говорит она своей подруге Гарриет, не понижая голоса. – Это те самые парни, которые изнасиловали Сэмми Буши!

Улыбка исчезает с лица Мела. И желание понякнякать разом пропадает.

– Заткнись! – выкрикивает он.

В это время на пикапе «шевроле» прибывают Рики и Рэндолл Кильяны. Сэм Вердро чуть-чуть отстает, но он, разумеется, добирался до супермаркета на своих двоих: водительского удостоверения его пожизненно лишили еще в 2007 году.

Джина отступает на шаг, не отрывая от Мела широко раскрытых глаз. Стоящий рядом с ней Олден Динсмор напоминает фермера-робота с севшим аккумулятором.

– И эти парни теперь полиция? – бормочет он. – При-вет!

– История об изнасиловании – ложь шлюхи, – говорит Френк. – И тебе лучше замолчать, если ты не хочешь, чтобы тебя арестовали за нарушение порядка.

– Чертовски верно! – восклицает Джорджия.

Она уже придвинулась к Картеру. Он ее игнорирует. Оглядывает толпу. И теперь это толпа. Если пятьдесят человек образуют толпу, то она перед ним. И прибывают все новые люди. Картер сожалеет, что у него нет оружия. Не нравится ему враждебность окружающих.

Велма Уинтер, которая управляет «Брауном» (или управляла, пока магазин не закрылся), прибывает с Томми и Уиллоу Андерсонами. Велма – женщина крепкая, прическа у нее, как у Бобби Дарина[5], и выглядит она королевой-воительницей Лесбиянии. Но Велма похоронила двух мужей, и за базарным столом в «Эглантерии» можно услышать историю о том, что она затрахала их до смерти и по средам ищет третьего в «Дипперсе». Там еженедельно проводятся Вечера караоке округа, на которые приходят люди постарше. Теперь она встает перед Картером, уперев руки в мощные бедра.

– Закрыто, значит? – спрашивает Велма деловым тоном. – Покажи бумагу.

Картер в замешательстве, а замешательство вызывает у него злость.

– Отвали, сука! Не нужны мне никакие бумаги. Нас прислал сюда чиф. Члены городского управления отдали приказ. Здесь будет распределительный склад.

– Нормирование? Это ты хочешь сказать? – Она фыркает. – Не в моем городе. – Протискивается между Мелом и Френком и начинает молотить в дверь: – Открывайте! Открывайте немедленно!

– Никого нет дома, – говорит Френк. – Так что вам лучше прекратить.

Но Эрни Кэлверт не ушел. Он идет по проходу между стеллажами с мукой, макаронами, сахаром. Велма видит его и молотит сильнее:

– Открывай, Эрни! Открывай!

– Открывай! – поддерживают голоса из толпы.

Френк смотрит на Мела и кивает. Вдвоем они хватают Велму и оттаскивают ее двести фунтов от двери. Джорджия Ру поворачивается и машет Эрни рукой: мол, уходи. Эрни не уходит. Застывает как столб.

– Открывай! – орет Велма. – Открывай! Открывай!

---

[5] Бобби Дарин (1936–1973) – один из самых популярных американских исполнителей рок-н-ролла и кантри в конце 1950 – начале 1960-х гг., актер, известный поэт-песенник.

Томми и Уиллоу присоединяются к ней. И Билл Уикер, почтальон. И Лисса. Ее лицо горит – всю жизнь она мечтала поучаствовать в такой спонтанной акции протеста и теперь не желает упустить своего шанса. Лисса поднимает руку со сжатыми в кулак пальцами и начинает ритмично ею трясти, два раза чуть-чуть, один раз – с большой амплитудой. Остальные подхватывают заданный Лиссой ритм. «Открывай» превращается в «От-кры-ВАЙ! От-кры-ВАЙ!». Теперь все трясут кулаками в ритме два-один, семьдесят человек, может, восемьдесят, а на стоянку сворачивают и сворачивают автомобили. Тонкая линия синих перед супермаркетом выглядит все тоньше. Четверо молодых копов смотрят на Фредди Дентона в надежде, что он подскажет им, как вести себя в такой ситуации, но никаких идей у Фредди нет.

У него, однако, есть пистолет. *Тебе лучше побыстрее выстрелить в воздух, Лысый*, думает Картер, *а не то эти люди нас растопчут*.

Еще двое полицейских, Руперт Либби и Тоби Уилен, подъезжают по Главной улице со стороны полицейского участка (где пили кофе и смотрели Си-эн-эн). Они обгоняют Джулию, которая трусцой бежит к супермаркету, с фотоаппаратом на плече.

Джекки Уэттингтон и Генри Моррисон тоже направляются к «Миру еды», когда оживает рация Генри. Это чиф Рэндолф. Он говорит, что они, Генри и Джекки, должны оставаться у «Бензина и бакалеи».

– Но мы слышим… – начинает Генри.

– Это приказ! – обрывает его Рэндолф, не добавляя, что приказ он только передает, а исходит тот из более высоких инстанций.

– От-кры-ВАЙ! От-кры-ВАЙ! От-кры-ВАЙ! – Толпа трясет кулаками в теплом воздухе. Еще испуганная, но уже и возбужденная, входящая в раж. Окажись тут Шеф, он сразу признал бы в них компанию наркоманов, только начавших приобщаться к метамфетамину, и указал бы, что для полноты картины не хватает только музыки «Грейтфул дэд».

Братья Кильян и Сэм Вердро продираются сквозь толпу. Тоже скандируют – не потому, что не хотят выделяться, просто захватывает настрой готовой к бунту толпы, – но не трясут кулаками, они же на работе. Никто не обращает на них особого внимания. Потом их вспомнят лишь несколько человек.

Медсестра Джинни Томлинсон тоже пробирается сквозь толпу. Ей нужно сказать девушкам, что они нужны в «Кэтрин Рассел». Там новые пациенты, одна женщина в тяжелом состоянии. Это Ванда Крамли из Истчестера. Крамли живут рядом с Эвансами, у самой административной границы с Моттоном. Этим утром Ванда пошла к соседям, чтобы проведать Джека, и обнаружила его мертвым в двадцати футах от того места, где Купол отрезал руку Майре Эванс. Джек лежал на земле, бутылка – рядом с ним, и тут же на траве подсыхали его мозги. Ванда побежала к своему дому, выкрикивая имя мужа, и упала в его объятия с инфарктом. Уэнделлу Крамли еще повезло, что он не разбил свой маленький универсал «субару» по пути в больницу: большую часть пути проехал на скорости восемьдесят миль в час. Сейчас больной занимался Расти, но Джинни не думала, что Ванда – пятидесятилетняя, грузная, смолящая сигарету за сигаретой – выживет.

– Девочки, – говорит им она, – вы нужны нам в больнице.

– Это они, миссис Томлинсон! – кричит Джина. Ей приходится кричать, чтобы перекрыть шум скандирующей толпы. Она указывает на копов и начинает плакать – отчасти от страха и усталости, по большей части от ярости. – Это они изнасиловали ее!

На этот раз Джинни отрывает взгляд от белых униформ и осознает, что Джина права. Джинни не обладает легендарной вспыльчивостью Пайпер Либби, но она и не холодная лягушка, и есть повышающий градус фактор: в отличие от преподобной она видела Сэмми без штанов. Ее распухшее и порванное влагалище, огромные синяки на бедрах, которые открылись глазам Джинни после того, как она смыла кровь. Так много крови.

Джинни забывает о том, что девушки нужны в больнице. Забывает о том, чтобы увести их из этого взрывоопасного места. Она даже забывает о Ванде Крамли, которую привезли в больницу с инфарктом. Большими шагами идет вперед, по пути кого-то отталкивает (Брюса Ярдли, кассира-упаковщика, который трясет кулаком, как и остальные). Она направляется к Мелу и Френку. Те не видят ее приближения, смотрят на становящуюся все более враждебной толпу.

Джинни поднимает обе руки и на мгновение напоминает плохиша, сдающегося шерифу. Потом ее руки вновь приходят в движение, и она одновременно отвешивает молодым людям по оплеухе.

– Мерзавцы! – кричит она. – Как вы могли? Как вы могли вести себя так позорно? Так мерзко! За это вы сядете в тюрьму, вы…

Мел не думает, просто реагирует. Бьет Джинни в лицо, разбивает очки и нос. Она отшатывается, залитая кровью, кричит. Старомодная медсестринская шапочка, выскочив из шпилек, которые удерживали ее, падает с головы. Брюс Ярдли, молодой кассир, пытается поймать шапочку, но промахивается. Джинни ударяется о ряд тележек для покупок, вставленных друг в друга. Они откатываются, как маленький поезд. Джинни падает на руки и колени, крича от боли и шока. Яркие капли крови из ее носа (не сломанного, но заметно изменившего форму) капают на большие желтые буквы надписи на асфальте «ПАРКОВКА ЗАПРЕЩЕНА».

Толпа временно замолкает, Джина и Гарриет бегут к упавшей Джинни.

И тут тишину прорезает голос Лиссы Джеймисон, чистое, идеальное сопрано:

– *Ублюдочные свиньи!*

Именно тогда и полетели камни. Первого камнеметателя так и не определили. Возможно, только это правонарушение Сэма Вердро по прозвищу Бухло осталось безнаказанным.

Младший подвез его до центра города, и Сэм, перед мысленным взором которого плясали бутылки виски, зашагал по левому берегу Престил-Стрим, подыскивая подходящий камень. Большой, но не очень, иначе он не смог бы бросить его с надлежащей точностью, хотя в свое время – иногда казалось, лет сто назад – выходил на поле питчером в стартовом составе «Диких котов» в первой игре чемпионата штата Мэн. Наконец камень он нашел, неподалеку от моста Мира: весом в фунт, может, в полтора, гладкий, как утиное яйцо.

«И вот что еще», – сказал Младший, высаживая Сэма Бухло из автомобиля. Идея принадлежала не Младшему, но он не стал говорить Сэму, от кого она исходила, точно так же, как и чиф Рэндолф не сказал Уэттингтон и Моррисону, кто приказал оставить их у «Бензина и бакалеи». Это аполитично.

«Целься в девку, – вот что напоследок сказал Младший Сэму Бухло перед тем, как уехать. – Она того заслуживает, так что не промахнись».

И когда Джина и Гарриет, обе в белой униформе, падают на колени рядом с рыдающей, окровавленной, сертифицированной медсестрой, которая тоже стоит на коленях, упираясь руками в землю (внимание остальных сосредоточено на них), Сэм размахивается, совсем как в тот давно ушедший день 1970 года, камень летит… и вот он, первый страйк за более чем сорок лет.

Страйк не только в одном смысле этого слова. Кусок гранита с блестками кварца попадает Джорджии Ру точно в рот, ломает челюсть в пяти местах и выбивает все, кроме четырех, зубы. Ее отбрасывает к витрине, челюсть отвисает чуть ли не до груди, из раззявленного рта хлещет кровь.

Мгновением позже летят еще два камня, один – от Рики Кильяна, второй – от Рэндолла. Камень Рики попадает в затылок Билла Оллната и укладывает уборщика на землю, неподалеку от Джинни Томлинсон. *Дерьмо!* – досадует Рики. *Мне же следовало попасть в гребаного копа!* И дело не только в полученном приказе. Ему самому всегда хотелось того же.

У Рэндолла с прицелом получше. Его камень попадает Мелу Сирлсу в лоб. Тот валится как подкошенный.

Короткая пауза – все словно набирают в грудь воздух. Представьте себе автомобиль, катящийся на двух колесах и будто решающий, перевернуться ему или нет. Посмотрите на Роуз Твитчел, оглядывающуюся, недоумевающую, не очень-то понимающую, что происходит, не знающую, как поступить. Посмотрите на Энсона, обнимающего ее за талию. Послушайте крики Джорджии Ру, которые вырываются из ее раскуроченного рта; странным образом крики эти напоминают звуки, которые издает ветер, играющий на лосиной дудке – консервной банке без донышек, внутри которой натянута вощеная веревка. И пока она кричит, кровь льется из рассеченного языка.

Посмотрите на подкрепления. Первыми прибывают Тоби Уилен и Руперт Либби (он двоюродный брат Пайпер, но она не гордится таким родством). Они оглядывают толпу… и пятятся назад, не предпринимая попытки занять позицию между ней и супермаркетом. Следом появляется Линда Эверетт. Она патрулировала улицы на ногах в паре с Марти Арсено, который, как и Линда, служил неполный рабочий день. Марти пыхтит, отставая на шаг-другой. Когда Линда пытается вклиниться в толпу, Марти – этим утром он даже не надел форму, поднялся с постели и натянул старые джинсы – хватает ее за плечо. Линда почти что вырывается, потом вспоминает о дочерях. Стыдясь собственной трусости, позволяет Марти отвести ее к тому месту, где Руп и Уилен наблюдают за развитием событий. Из этой четверки оружие сейчас только у Рупа, но будет ли он стрелять? Конечно же, нет. Он видит в толпе жену, которая держит за руку мать (тещу бы Руп пристрелил).

Посмотрите на Джулию, которая едва не догнала Линду и Марти. Она тяжело дышит, но уже хватается за фотоаппарат. Даже роняет крышку, которую сняла с объектива, так торопится начать съемку. Посмотрите на Френка Дилессепса, который опускается на колено рядом с Мелом и благодаря этому уворачивается от еще одного камня, который пролетает у него над головой и пробивает дыру в одной из двустворчатых дверей супермаркета.

Потом…

Потом кто-то кричит. Кто именно, выяснить так и не удалось. Даже с полом кричащего не определились, хотя большинство склонялось к тому, что кричала женщина, а Роуз потом скажет Энсону, что, по ее убеждению, кричала Лисса Джеймисон.

– *Бей их!*

Кто-то еще кричит: «*Продукты!*» – и толпа подается вперед.

Фредди Дентон стреляет один раз, в воздух. Потом опускает пистолет и в охватившей его панике едва не разряжает в толпу. Но прежде чем успевает это сделать, кто-то вырывает пистолет из его руки. Фредди падает, крича от боли, а потом мысок большого старого фермерского сапога – Олдена Динсмора – ударяет ему в висок. Полностью патрульный Дентон не отключается, но свет меркнет у него перед глазами, и к тому времени, когда он окончательно приходит в себя, Великий продовольственный бунт уже завершен.

Кровь проступает сквозь повязку на плече Картера Тибодо, и красные розочки расцветают на его синей рубашке, но он – во всяком случае, какое-то время – боли не чувствует. Картер не пытается бежать. Широко расставляет ноги и укладывает на землю первого, кто оказывается в непосредственной близости от него. Это Чарльз Норман по прозвищу Коротышка, которому принадлежит антикварный магазин на шоссе номер 117, расположенный у самой административной границы города. Коротышка падает, зажимая руками рот, из которого льется кровь.

– Назад, говнюки! – кричит Картер. – Назад, сучьи дети! Никакого грабежа! Назад!

Марта Эдмундс, которая сидит с дочерьми Расти и Линды, наклоняется, пытаясь помочь Коротышке, и за свои старания получает удар кулаком по скуле от Френка Дилессепса. Она отшатывается, держась за скулу, в изумлении смотрит на молодого парня, который только что

ударил ее… а потом оказывается на Коротышке: ее сбивает с ног нахлынувшая волна несостоявшихся покупателей.

Картер и Френк пускают в ход кулаки, но успевают нанести только три удара на двоих, прежде чем их отвлекает жуткий, завывающий крик. Рвется он из груди городского библиотекаря, волосы развеваются вокруг ее обычно спокойного лица. Она толкает перед собой вставленные друг в друга тележки для покупок и скорее всего кричит: «*Банзай!*» Френк успевает отпрыгнуть, и тележки врезаются в Картера, отбрасывая его в сторону. Он машет руками, пытаясь сохранить равновесие, и, наверное, ему бы это удалось, если б не ноги Джорджии. Споткнувшись о них, Картер падает на спину, и его топчут. Он переворачивается на живот, закрывает голову руками и ждет, когда все закончится.

Джулия Шамуэй снимает, снимает, снимает. Возможно, на фотографиях проявятся лица, которые она знает, но в видоискателе Джулия видит только незнакомцев. Толпу.

Руп Либби достает пистолет и четырежды стреляет в небо. Выстрелы раскатываются по теплому воздуху, шумные и помпезные, череда звуковых восклицательных знаков. Тоби Уилен ныряет в патрульный автомобиль, ударяется головой, фуражка сваливается (с надписью желтыми буквами «ПАТРУЛЬНЫЙ ЧЕСТЕРС-МИЛЛА» над козырьком). Он хватает с заднего сиденья мегафон, подносит ко рту и кричит:

– ПРЕКРАТИТЕ ЭТО ДЕЛАТЬ! ОТОЙДИТЕ! ПОЛИЦИЯ! ПРЕКРАТИТЕ, ЭТО ПРИКАЗ!

Джулия фотографирует его.

Толпа не обращает внимания ни на выстрелы, ни на усиленный мегафоном голос. Не обращает она внимания и на Эрни Кэлверта, выбегающего из-за угла здания. Он по-прежнему в зеленом фартуке, который обтягивает то одно, то другое колено.

– Идите к служебному входу! – кричит Эрни. – Вам нет нужды это делать! Я открыл служебный вход!

Толпа намерена сломать все преграды и войти. Люди бьются о двери с надписями «ВХОД», «ВЫХОД», «КАЖДЫЙ ДЕНЬ НИЗКИЕ ЦЕНЫ». Двери поначалу не поддаются, потом замки не выдерживают напора толпы. Первые – их вдавливают в двери – получают тяжелые травмы: у двоих сломаны ребра, у одного растяжение мышц шеи, еще двое отделываются переломом руки.

Тоби Уилен вновь собирается поднести мегафон к губам, потом очень осторожно кладет его на капот автомобиля, на котором они с Рупом приехали. Поднимает фуражку с надписью «ПАТРУЛЬНЫЙ», отряхивает от пыли, надевает. Он и Руп направляются к магазину, останавливаются, понимая, что ничего не смогут сделать. К ним присоединяются Линда и Марти Арсено. Линда видит Марту и подводит ее к горстке копов.

– Что случилось? – спрашивает Марта. Она еще не пришла в себя. – Кто-то меня ударил? Половина лица горит. Кто с Джуди и Джанель?

– Сегодня утром их взяла твоя сестра. – Линда обнимает ее. – Не волнуйся.

– Кора?

– Уэнди.

Кора, старшая сестра Марты, давно уже живет в Сиэтле. Линда задается вопросом: а не получила ли Марта сотрясения мозга? Она думает, что хорошо бы показать ее доктору Хаскелу, потом вспоминает, что тот или в морге больницы, или в «Похоронном бюро Боуи». Расти теперь все должен делать сам, и сегодня он будет очень занят.

Картер буквально тащит на себе Джорджию к патрульному автомобилю номер Два. Она по-прежнему издает эти жуткие лосинодудочные крики. Мел Сирлс очнулся, но еще ничего не соображает. Френки ведет его к Линде, Марти, Тоби и другим полицейским. Из рваной раны на лбу льется кровь, рубашка мокрая.

Толпа вливается в супермаркет. Люди разбегаются по проходам, толкая перед собой тележки или хватая корзины, которые стоят рядом со стендом, где выложены брикеты древесного угля (рекламный слоган: «УСТРОЙ СЕБЕ ОСЕННИЙ ПИКНИК»). Мануэль Ортега, наемный рабочий Динсмора, и его близкий друг Дейв Дуглас прямиком бегут к кассовым аппаратам и начинают нажимать кнопки «НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ», хватают деньги, рассовывают по карманам, хохочут, как безумные. Супермаркет набит людьми, это день распродажи. В отделе замороженных продуктов две женщины дерутся из-за последнего лимонного торта «Пепперидж фарм». В отделе деликатесов какой-то мужчина легонько стукает другого батоном колбасы и говорит, что надо бы оставить немного нарезки другим. Покупатель нарезки поворачивается и отвешивает тумака любителю колбасы. Скоро они катаются по полу, мутузя друг друга.

Вспыхивают еще драки. Рэнс Конрой, владелец и единственный сотрудник «Конройс Уэстерн Мэн электрик сервис энд сэпплейс» («Улыбки – наша специальность»), бьет кулаком Брендана Эллерби, вышедшего на пенсию преподавателя физики Университета Мэна, когда тот первым успевает схватить последний десятифунтовый пакет сахара от компании «Домино». Эллерби падает, но не выпускает из рук добычу, а когда Конрой наклоняется, чтобы вырвать пакет, Эллерби шипит: «Хрен тебе!» – и ударяет Рэнса этим пакетом в лицо. Упаковка разрывается, и сахар белым облаком окутывает Рэнса Конроя. Электрика отбрасывает на стеллажи, лицо у него белое, он кричит, что ничего не видит, что ослеп. Карла Вензиано – ребенок сидит у нее на спине в сумке-кенгуру и таращит глаза над плечом матери – отталкивает Генриетту Клавар от стеллажа с рисом «Тексмати». Крошка Стивен любит рис, он также любит играть с пустыми пластиковыми контейнерами, и Клара намерена позаботиться о том, чтобы ему хватило и риса, и контейнеров. Генриетта, ей в январе исполнилось восемьдесят четыре года, плюхается на костлявый, с годами совсем высохший зад. Лисса Джеймисон толкает Уилла Фримена, которому принадлежит местный салон «Тойоты», чтобы добраться до последней курицы в прилавке-холодильнике. Но прежде чем успевает схватить ее, это делает девушка-подросток в футболке с надписью «ЯРОСТЬ ПАНКОВ», показывает ей проколотый язык и убегает с победным воплем.

За звоном разбитого стекла следуют радостные крики. По большей части (но не все) голоса мужские. Многие покупатели, возможно, планировавшие «УСТРОИТЬ СЕБЕ ОСЕННИЙ ПИКНИК», перемещаются в том направлении. Только вместо «от-кры-ВАЙ» скандируется: «Пиво! Пиво! Пиво!»

Другие спускаются в подвал и возвращаются. Некоторые тащат вино бутылями и коробками. Встречаются и такие, кто поставил картонный ящик с бутылками на голову. Они напоминают носильщиков-туземцев из старого фильма о джунглях.

Джулия – под ее туфлями хрустят осколки стекла – фотографирует, фотографирует, фотографирует.

К супермаркету подъезжают остальные городские копы, включая Джекки Уэттингтон и Генри Моррисона, которые по взаимному согласию оставили свой пост у «Бензина и бакалеи». Они присоединяются к группе полицейских, которые стоят в стороне и наблюдают. Джекки видит огорченное лицо Линды Эверетт и обнимает ее. Эрни Кэлверт присоединяется к ним.

– В этом же не было необходимости! В этом не было никакой необходимости, – без конца повторяет он, и по его пухлым щекам текут слезы.

– Что нам теперь делать? – спрашивает Линда, прижимаясь щекой к плечу Джекки. Марта стоит рядом с ними, смотрит на супермаркет, прижимая руку к быстро растущему синяку на щеке. Из «Мира еды» доносятся радостные вопли, смех, иногда крики боли. Внутри летают какие-то предметы. Линда видит, как взмывает в воздух и разматывается рулон туалетной бумаги, образуя арку над проходом отдела «Товары для дома».

– Дорогая, я просто ума не приложу, – отвечает ей Джекки.

11

Энсон выхватил из руки Роуз список покупок и вбежал в супермаркет, прежде чем женщина успела его остановить. Она задержалась у маленького ресторанного автофургона, сжимая и разжимая кулаки. Гадала: идти следом за ним или нет. Решила не ходить, когда чья-то рука обняла ее за плечи. Она вздрогнула, обернулась и увидела Барби. От безмерного облегчения у нее буквально подогнулись колени. Роуз схватилась за его руку, отчасти чтобы окончательно успокоиться, но в основном чтобы не упасть.

Барби улыбнулся, но как-то невесело:

– Хороша забава, не так ли?

– Я не знаю, что делать. Энсон там… *все* там… а копы *просто стоят*.

– Вероятно, не хотят, чтобы им еще больше накостыляли. И я их не виню. Это прекрасно спланированная и идеально исполненная провокация.

– Что ты такое говоришь?

– Не важно. Хочешь остановить это безобразие, прежде чем станет еще хуже?

– Как? – Барби взял мегафон с капота патрульного автомобиля, куда его положил Тоби Уилен. Когда попытался отдать Роуз, та отпрянула, прижала руки к груди. – Сделай это сам, Барби.

– Нет. Ты кормила их долгие годы, они знают тебя, именно тебя они и послушают.

Роуз нерешительно взяла мегафон.

– Я не знаю, что сказать. Не могу придумать ничего такого, что их остановит. Уилен пытался. Они не обратили внимания.

– Тоби пытался приказывать. А отдавать приказы толпе все равно что муравейнику.

– Но я не знаю…

– Я тебе скажу. – Говорил Барби спокойно, и это вселило в нее уверенность. Он подозвал Линду Эверетт. Та подошла вместе с Джекки. Они обнимали друг друга за талию. – Вы можете связаться с вашим мужем? – спросил Барби Линду.

– Если включен его мобильник.

– Скажите, пусть едет сюда. Если возможно, на «скорой». Если он не ответит, садитесь в патрульную машину и поезжайте в больницу.

– У него пациенты…

– У него пациенты и здесь, только он этого не знает. – Барби указал на Джинни Томлинсон, которая теперь сидела, привалившись спиной к сложенной из шлакоблоков стене супермаркета и закрыв руками окровавленное лицо. Джина и Гарриет Бигелоу присели на корточки по обе стороны от нее. Джина носовым платком пыталась остановить кровотечение из заметно изменившего форму носа Джинни. Та вскрикивала от боли и отворачивала голову. – Начиная, если я не ошибаюсь, с одной из двух оставшихся у него профессиональных медсестер.

– А что собираетесь делать вы? – спросила Линда, снимая с ремня мобильник.

– Мы с Роуз попытаемся остановить толпу. Так ведь, Роуз?

12

Роуз переступила порог супермаркета и остановилась, потрясенная царившим перед ней хаосом. В воздухе стоял жгущий глаза запах уксуса, смешанный с запахами рассола и пива. В проходе номер три линолеум, словно блевотиной, замаран кетчупом и горчицей. Облако сахара и муки стояло над проходом номер пять. Люди толкали сквозь него нагруженные тележки. Многие кашляли и чихали. Некоторые тележки то и дело заносило в сторону, когда они катились по сухой фасоли.

– Постой секундочку, – попросил Барби, хотя Роуз и так стояла как вкопанная, прижав мегафон к груди. – Барби нашел Джулию, когда та фотографировала взломанные кассовые аппараты. – Заканчивай с этим и пойдем со мной.

– Нет, я должна снимать, больше некому. Я не знаю, где Пит Фримен, а Тони…

– Все это ты должна не фотографировать, а остановить. Прежде чем случится что-то похуже. – Он указал на Ферна Боуи, который прошел мимо с полной корзинкой в одной руке и банкой пива в другой. Кровь из разбитой брови капала с лица, но выглядел Ферн страшно довольным.

– Как?

Он отвел ее к Роуз.

– Готова, Роуз? Начинаем!

– Я… ну…

– Помни, *спокойствие*. Не пытайся остановить их. Постарайся только понизить напряжение.

Роуз глубоко вдохнула, потом поднесла мегафон ко рту:

– ПРИВЕТ ВСЕМ. ЭТО РОУЗ ТВИТЧЕЛ ИЗ «ЭГЛАНТЕРИИ».

И голос, за что ей надо поклониться в ноги, звучал спокойно. Люди оглядывались, слыша ее голос – не потому, что в нем слышалась тревога, но потому, что ее в нем не слышалось. Барби видел такое в Такрите, Фаллудже, Багдаде. Главным образом после взрывов в самых оживленных местах, когда подъезжали полицейские и военные.

– ПОЖАЛУЙСТА, ЗАКАНЧИВАЙТЕ С ПОКУПКАМИ КАК МОЖНО СКОРЕЕ И СПОКОЙНЕЕ.

Несколько человек рассмеялись, потом огляделись, будто приходя в себя. В проходе номер семь Карла Вензиано, покрасневшая от стыда, помогла подняться Генриетте Клавар. *«Тексмати» хватит нам обеим,* подумала Карла. *Что на меня нашло?*

Барби кивком предложил Роуз продолжить, беззвучно произнес: «Кофе». Услышал еще далекую, но уже приближающуюся сирену «скорой».

– КОГДА ЗАКОНЧИТЕ, ПРИХОДИТЕ В «ЭГЛАНТЕРИЮ» ВЫПИТЬ КОФЕ. БЕСПЛАТНО, ЗА СЧЕТ ЗАВЕДЕНИЯ.

Несколько человек захлопали. Кто-то с луженой глоткой прокричал:

– Кому нужен кофе? У нас есть *пиво*!

Джулия дернула Барби за рукав. Ее лицо пылало, по ее мнению, республиканским негодованием.

– Они не покупают, они крадут.

– Ты хочешь писать передовицу или выпроводить их отсюда до того, как кого-то убьют из-за банки кофе?

Джулия подумала и кивнула, негодование ушло, уступив место улыбке-загадке, которую он успел полюбить.

– Очко в твою пользу, полковник.

Барби повернулся к Роуз, энергично махнул рукой, и та заговорила вновь, повторяя уже сказанное. Вместе с двумя женщинами Барби принялся ходить взад-вперед по проходам, начав с наиболее пострадавших отделов, деликатесов и молочных продуктов, выискивая тех, кто настолько спятил, что мог продолжать начатое. Но таковых не нашлось. Роуз обретала уверенность, торговый зал затихал. Люди уходили. Многие катили перед собой тележки с награбленным, но Барби все равно видел в этом добрый знак: чем скорее они уйдут, тем лучше, сколь много ни уносили бы с собой. А самое главное, люди услышали, что к ним обращаются как к покупателям. А не грабителям. Верните мужчинам и женщинам самоуважение, и в большинстве случаев – не во всех, но в большинстве – к ним вернется способность более-менее ясно мыслить.

К Роуз подошел Энсон с наполненной продуктами тележкой. На лице читался стыд, из пореза на руке, повыше запястья, текла кровь.

– Кто-то бросил в меня стеклянную банку с оливками, – пояснил он. – Теперь я пахну, как итальянский сандвич.

Роуз передала мегафон Джулии, и она стала озвучивать все ту же мысль приятным для слуха голосом: заканчивайте с покупками и побыстрее расходитесь.

– Мы не можем это взять. – Роуз указала на тележку Энсона.

– Но нам это нужно, Роузи. – Несмотря на извиняющиеся нотки, голос звучал твердо. – Действительно нужно.

– Мы оставим деньги, – решила она. – Если кто-нибудь не украл мою сумочку из кабины.

– Гм… я думаю, это не выход, – покачал головой Энсон. – Некоторые крадут деньги из кассовых автоматов. – Он знал, кто именно, но не хотел говорить. Тем более рядом находилась издательница местной газеты.

Роуз пришла в ужас:

– Да что здесь такое происходит?! Во имя Господа, что *происходит*?!

– Не знаю, – честно ответил Энсон.

К супермаркету подкатила «скорая», сирена смолкла. Через минуту или две, когда Барби, Роуз и Джулия еще ходили по проходам (народу в супермаркете становилось все меньше), за их спинами раздался голос:

– Достаточно. Отдайте его мне.

Барби не удивился, увидев чифа Рэндолфа в парадной форме. Он появился, когда поезд уже ушел. Как и задумывалось.

Роуз все еще звала присутствующих насладиться бесплатным кофе в «Эглантерии», когда Рэндолф вырвал у нее мегафон и принялся отдавать приказы и угрожать:

– УХОДИТЕ НЕМЕДЛЕННО! Я, НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ ПИТЕР РЭНДОЛФ, ПРИКАЗЫВАЮ ВАМ УЙТИ НЕМЕДЛЕННО! ОСТАВЬТЕ ТО, ЧТО ВЗЯЛИ, И УХОДИТЕ! ЕСЛИ ВЫ ОСТАВИТЕ ТО, ЧТО ВЗЯЛИ, ВАМ НЕ БУДЕТ ПРЕДЪЯВЛЕНО НИКАКИХ ОБВИНЕНИЙ!

Роуз в ужасе посмотрела на Барби. Тот пожал плечами: слова Рэндолфа теперь не имели значения – толпу уже лишили воинственного духа.

Копы, которым не требовалась медицинская помощь – даже Картер Тибодо, пошатывающийся, но на ногах, – начали выпроваживать людей из торгового зала. Если «покупатели» не хотели расставаться со своими приобретениями, копы пускали в ход кулаки, нескольких сбили на пол. Френк Дилессепс, с побледневшим, злобным лицом, перевернул нагруженную тележку.

– Ты не собираешься попридержать своих? – спросила Джулия Рэндолфа.

– Нет, миз Шамуэй, не собираюсь. Эти люди – грабители, и к ним относятся соответственно.

– А чья в этом вина? Кто приказал закрыть супермаркет?

– Отстань от меня. Я работаю.

– Жаль, что вас не было здесь, когда люди ворвались в супермаркет, – вставил Барби.

Рэндолф посмотрел на него. Враждебность во взгляде смешивалась с удовлетворенностью. Барби вздохнул. Где-то тикали часы. Он это знал, и Рэндолф тоже. И скоро прозвенит будильник. Не будь Купола, Барби смог бы сбежать. Но не будь Купола, ничего этого не случилось бы.

У дверей Мел Сирлс пытался отнять полную корзинку у Эла Тиммонса. Эл корзинку не отдавал. Мел вырвал ее… а потом тычком уложил старика на пол. Эл закричал от боли, стыда и ярости. Чиф Рэндолф рассмеялся. Коротко, отрывисто, невесело: «Ха! Ха! Ха!» – и Барби подумал, что этот жутковатый смех будет все чаще звучать в Честерс-Милле, если Купол не исчезнет.

– Пойдемте, дамы, – предложил он. – Здесь нам делать больше нечего.

13

Расти и Твитч укладывали раненых – где-то с десяток – в ряд у стены из шлакоблоков, когда из супермаркета вышли Барби, Джулия и Роуз.

Мрачное лицо Расти чуть осветила улыбка, когда он увидел Барби.

– Привет, дружище. Я предлагаю тебе поработать у меня. Ситуация требует, чтобы ты стал медбратом.

– Ты сильно преувеличиваешь мои способности, – ответил Барби, но направился к Расти.

Линда Эверетт пробежала мимо Барби и бросилась мужу на шею. Он обнял ее.

– Могу я помочь, милый? – Линда с ужасом смотрела на Джинни. Та заметила этот взгляд и устало закрыла глаза.

– Нет, – ответил Расти. – Делай что должна. У меня есть Джина и Гарриет, а теперь появился медбрат Барбара.

– Я сделаю все, что смогу, – кивнул Барби и чуть не добавил: «Пока меня не арестуют».

– Все у тебя получится, – заверил его Расти и понизил голос: – Джина и Гарриет всегда рады помочь, но умеют только раздавать таблетки и наклеивать пластырь.

Линда наклонилась к Джинни:

– Мне так жаль.

– Я в порядке, – ответила Джинни, но глаз не открыла.

Линда поцеловала мужа, с тревогой оглядела его и отошла к Джекки Уэттингтон, которая записывала показания Эрни Кэлверта. Рассказывая, Эрни то и дело вытирал руками глаза.

Расти и Барби бок о бок работали больше часа, пока полицейские натягивали желтую ленту перед входом в супермаркет. В какой-то момент подошел Энди Сандерс, чтобы оценить ущерб. Поцокал языком, покачал головой. Барби услышал, как он спросил кого-то: куда же катится мир, если в родном городе жители могут устроить такое? Он также пожал руку чифу Рэндолфу и сказал, что тот чертовски хорошо выполняет работу.

Чертовски хорошо.

14

Когда ты руководствуешься шестым чувством, обломов не бывает. В любой схватке победа на твоей стороне. Неудачи оборачиваются роскошными подарками судьбы. Ты принимаешь все это не с благодарностью (по мнению Большого Джима Ренни, подобное чувство свойственно только хлюпикам и лузерам), а как должное. Шестое чувство все равно что волшебные качели, и тебе следует (вновь по мнению Большого Джима) бесстрашно на них раскачиваться.

Если бы он вышел из своего большого старинного особняка на Фабричной улице чуть раньше или чуть позже, не увидел бы того, что открылось его глазам, и мог повести себя с Брендой Перкинс по-другому. Но Ренни вышел в нужное время. А когда еще можно выйти, если тебя ведет шестое чувство? Тут любая защита рушится, и ты врываешься магическим образом в открывающуюся брешь, чтобы одержать легкую победу.

Скандирование: «От-кры-ВАЙ! От-кры-ВАЙ!» – вытащило его из кабинета, где он готовил основные положения того, что собирался назвать Кризисной администрацией, в которой веселому, улыбчивому Энди Сандерсу предстояло стать номинальным главой, а вся власть сосредоточилась бы в руках стоящего за троном Большого Джима. «Что не ломается, не чини» – так звучало правило номер один в политической инструкции, которой руководствовался Большой Джим, а использование Энди в виде ширмы всегда приносило требуемый результат. В большинстве своем жители Честерс-Милла знали, что Энди – идиот, но это не имело значения. Ты мог вновь и вновь проворачивать с людьми один и тот же трюк, потому что девяносто восемь процентов из них были еще большими идиотами. И хотя Большой Джим никогда ранее не планировал политическую кампанию такого масштаба – речь шла об установлении муниципальной диктатуры, – он не сомневался, что все получится.

Бренду Перкинс Ренни не включал в перечень осложняющих факторов, но и это не имело никакого значения. Если тебя ведет шестое чувство, осложняющие факторы исчезают. И это ты тоже принимаешь как должное.

Он шел по тротуару к Главной улице – расстояние до нее не превышало и сотни шагов, – и его живот мерно покачивался перед ним. Городская площадь находилась прямо по курсу. Чуть дальше, вниз по склону холма, располагались муниципалитет, полицейский участок и площадь Военного мемориала между ними.

Отсюда Большой Джим не мог видеть «Мир еды», зато видел всю деловую часть Главной улицы. И еще он увидел Джулию Шамуэй. С фотоаппаратом в руке она торопливо выскочила из редакции «Демократа» и трусцой побежала в ту сторону, откуда доносилось скандирование, на ходу пытаясь накинуть лямку фотоаппарата на плечо. Большой Джим смотрел ей вслед: забавно, однако, наблюдать, как она стремилась побыстрее попасть на место довольно-таки печального события.

Тут Джулия остановилась, развернулась, побежала назад, дернула за ручку дверь в редакцию, обнаружила, что дверь открыта, заперла ее, вновь затрусила на встречу с друзьями и соседями, которые так нехорошо себя вели.

Сейчас она впервые поймет, что едва чудовище выскакивает из клетки, оно может укусить кого угодно, где угодно, подумал Большой Джим. *Но не волнуйся, Джулия, я разберусь с тобой, как разбирался всегда. Возможно, тебе придется закрыть свою жалкую, назойливую газетенку, но разве это не малая цена за личную безопасность*?

Разумеется, малая. А если она не угомонится…

– Иногда всякое случается, – изрек Большой Джим.

Он стоял на тротуаре, сунув руки в карманы и улыбаясь. А когда услышал первые крики… звон разбитого стекла… выстрелы… его улыбка стала шире. Младший, взглянув на

все это, употребил бы какое-нибудь грубое выражение, но Большой Джим полагал, что государственная машина должна…

Он нахмурился, согнав улыбку с лица, когда заметил Бренду Перкинс. Большинство людей направлялись по Главной улице к «Миру еды», чтобы посмотреть, что там происходит, а Бренда шла в противоположном направлении. Может, к его дому… что не предвещало ничего хорошего.

Зачем я понадобился ей в это утро? Что может быть более важного, чем продуктовый бунт у местного супермаркета?

Возможно, Бренда шла совсем и не к нему, но радар в его голове запикал, и теперь Ренни не спускал с нее глаз.

Она и Джулия разминулись, шагая по разным сторонам улицы. Друг друга не заметили. Джулия бежала, на ходу возясь с фотоаппаратом. Бренда смотрела на красное кирпичное здание «Универмага Берпи». У ее бедра висела большая холщовая сумка на длинной лямке.

Добравшись до магазина, Бренда попыталась открыть дверь, но нашла ее запертой. Постояла, оглядываясь, как бывает с людьми, которые натыкаются на неожиданное препятствие, мешающее выполнению их планов, и раздумывают, что же делать дальше. Она еще могла бы заметить Джулию Шамуэй, если бы посмотрела в сторону «Мира еды», но не сложилось. Она взглянула на вершину холма, где располагалась городская площадь, потом на редакцию «Демократа», которая находилась от Бренды на противоположной стороне улицы.

Бросив еще один взгляд на «Универмаг Берпи», она пересекла улицу, взялась за ручку двери редакции «Демократа». Естественно, дверь не открылась: Джулия заперла ее на глазах Большого Джима. Бренда предприняла вторую попытку, подергала ручку. Постучала. Заглянула в окно. Потом постояла, уперев руки в бока. И когда она вновь, с болтающейся у бедра сумкой, двинулась по Главной улице, целенаправленно, не оглядываясь вокруг, Большой Джим быстрым шагом ретировался в свой дом. Он не знал, почему ему не хотелось, чтобы Бренда заметила его, но *знать никакой необходимости не было*. Когда тебя ведет шестое чувство, ты должен только действовать. В этом вся прелесть.

Знал Ренни только одно: когда Бренда постучится в его дом, он будет готов к этой встрече. С чем бы она ни пришла.

15

Надо, чтобы завтра утром вы отнесли распечатку Джулии Шамуэй, сказал ей Барби. Но дверь редакции «Демократа» оказалась запертой, а свет в окнах не горел. Конечно же, Джулия побежала к супермаркету – разбираться, что там произошло. Пит Фримен и Тони Гуэй, наверное, находились там же.

И что ей оставалось делать с распечаткой файлов из папки «ВЕЙДЕР» из компьютера Гови? Рядом почтовый ящик, и можно опустить в него конверт, который сейчас лежал в ее сумке, но почта не работала.

Бренда подумала, что ей следует или найти Джулию у супермаркета, или вернуться домой и подождать, пока все не успокоится, а Джулия не вернется в редакцию. Ни один из вариантов ей не приглянулся, возможно, из-за охватившего ее волнения. Судя по шуму, доносящемуся от «Мира еды», там разгорелся настоящий бунт, и Бренде не хотелось, чтобы ее засосало в водоворот событий. А насчет возвращения домой…

Определенно – более правильное решение. Логичное решение. Разве не любил Гови говорить: *Кто ждет, тот дождется?*

Но умение выжидать как раз и не относилось к числу достоинств Бренды. И у ее матери тоже была своя поговорка: *Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.* А она хотела сделать это сегодня. Встретиться с Ренни лицом к лицу, выслушать его болтовню, отрицание вины, оправдания, а потом поставить перед выбором: или он передаст свой пост Дейлу Барбаре, или все прочитают о его грязных делишках на страницах «Демократа». Конфронтация – горькая пилюля, но она знала, что лучший способ – быстро ее принять, а потом прополоскать рот. Бренда собиралась прополоскать рот двойной порцией бурбона и не желала ждать до полудня.

Да только…

«Не ходите одна». Барби сказал и это. А когда спросил, кому еще она доверяет, Бренда ответила, что Ромео Берпи. Но «Универмаг Берпи» она тоже нашла закрытым. И что ей оставалось?

Бренда спросила себя, может ли Большой Джим наброситься на нее, и пришла к выводу, что нет. Не сомневалась: физической угрозы Большой Джим для нее не представляет, пусть Барби и думал иначе. Его опасения являлись скорее всего следствием участия в войне.

Тут, разумеется, Бренда допустила серьезный просчет, но объяснить его не составляло труда: она по-прежнему исходила из того, что мир оставался таким же, как и до появления Купола.

16

Однако принятое решение не снимало основной проблемы: что делать с распечаткой файлов из папки «ВЕЙДЕР»?

Бренда боялась языка Ренни больше, чем его кулаков, но понимала, что прийти к нему с распечаткой, лежащей в сумке, – чистое безумие. Он мог отобрать распечатку, даже если бы она и сказала, что у нее есть другие экземпляры. Бренда знала, что на это Большой Джим способен.

Поднимаясь к городской площади, Бренда вышла к Престил-стрит. Первый дом принадлежал Маккейнам, следующий – Андреа Гриннел. И хотя Андреа всегда находилась в тени мужчин, также избранных членами городского управления, Бренда знала, что она – честная и не любит Большого Джима. Как это ни странно, Андреа скорее поддавалась на уговоры Энди Сандерса, хотя Бренда не понимала, каким образом кто-то мог воспринимать его серьезно.

Может, он чем-то держит ее на крючке, послышался в голове голос Гови.

Бренда чуть не рассмеялась. Очень уж нелепо. Но главное – до того как Томми Гриннел женился на ней, Андреа носила фамилию Твитчел, а Твитчелы ни перед кем не прогибались, пусть и предпочитали держаться скромно. Бренда подумала, что сможет оставить конверт с распечаткой у Андреа, если, конечно, не найдет ее дом закрытым и пустым. Но она полагала, что такие опасения напрасны. Вроде бы кто-то говорил ей, что Андреа свалил грипп.

Бренда пересекла Главную улицу, повторяя про себя те фразы, что собиралась сказать: *Не будешь возражать, если этот конверт побудет у тебя? Я вернусь за ним где-то через полчаса. Если не вернусь, передай его Джулии в газету. И дай знать Дейлу Барбаре*.

А если Андреа спросит, с чего такая загадочность? Бренда решила, что скажет правду. Новость, что она собирается заставить Джима Ренни уйти в отставку, возможно, помогла бы Андреа Гриннел больше, чем двойная доза «Терафлю».

Несмотря на желание как можно скорее покончить с этим неприятным делом, Бренда на несколько мгновений задержалась перед домом Маккейнов. Он выглядел покинутым, но в этом не было ничего странного: многие семьи находились вне города, когда его накрыл Купол. Но этот дом чем-то отличался от других. Хотя бы тем, что от него шел слабый запах, словно в доме что-то протухло.

Внезапно день стал жарче, воздух – гуще, а шум, доносящийся от «Мира еды», отдалился. Бренда поняла, в чем причина – она почувствовала, что за ней наблюдают. Постояла, думая, что все эти зашторенные окна очень уж напоминают закрытые глаза. Но не полностью закрытые, нет. *Подглядывающие глаза*.

Перестань фантазировать, женщина. У тебя есть дела.

Она было пошла к дому Андреа, но все же остановилась, чтобы еще раз взглянуть на жилище Маккейнов. Не увидела и не почувствовала ничего нового – дом стоял с задернутыми шторами окнами и источал слабый запах тухлятины, скорее всего мяса. *Должно быть, Донна и Генри держали морозильную камеру набитой до отказа*, подумала Бренда.

17

За Брендой наблюдал Младший, стоящий на коленях, в одних трусах, в голове которого гудело и бабахало. Наблюдал из гостиной в щелочку между шторой и оконной рамой. Когда Бренда ушла, он вернулся в кладовую. Понимал, что скоро ему предстоит расстаться с девочками, но пока хотел побыть с ними. Хотел побыть в темноте. Даже хотел полной грудью вдохнуть вонь, идущую от их почерневших тел.

Годилось все, успокаивающее боль, которая разламывала голову.

18

Трижды повернув барашек старинного звонка, Бренда смирилась с тем, что придется идти домой. И уже отворачивалась от двери, когда услышала медленные, шаркающие шаги. Заранее улыбнулась: «Привет, соседка», – но улыбка разом увяла, едва Бренда увидела хозяйку дома: бледные щеки, темные мешки под глазами, растрепанные волосы, банный халат, под ним пижама. И этот дом тоже вонял – правда, не протухшим мясом, а блевотиной.

Улыбка Андреа вышла такой же бледной, как ее щеки и лоб.

– Я знаю, как выгляжу, – просипела она. – В дом мне тебя лучше не приглашать. Я уже иду на поправку, но, возможно, еще заразная.

– Ты показалась доктору… – Но разумеется, не показалась. Доктор Хаскел умер. – Ты заходила к Расти Эверетту?

– Да, заходила. Он сказал, что я скоро поправлюсь.

– Ты вся в поту.

– Температура еще держится, но уже невысокая. Я могу тебе чем-нибудь помочь, Брен? – Она почти что ответила «нет» – не хотела нагружать эту бледную, явно больную женщину своими поручениями, но Андреа произнесла фразу, которая изменила ее решение. Большие события зачастую начинаются с малого. – Я скорблю по Гови. Я любила этого человека.

– Спасибо, Андреа. – *Не только за сочувствие, но и за то, что назвала его Гови, а не Герцогом*.

Для Бренды он всегда был Гови, ее дорогим Гови, и папка «ВЕЙДЕР» стала последним его расследованием. Бренда внезапно решила дать ему ход без дальнейших задержек. Она сунула руку в холщовую сумку и достала конверт из плотной коричневой бумаги с надписью «ДЖУЛИИ ШАМУЭЙ» на лицевой стороне.

– Может он полежать у тебя? Короткое время? У меня есть одно дело, и я не хочу брать его с собой.

Бренда ответила бы на любые вопросы, но Андреа не задала ни одного. Просто с отсутствующим взглядом взяла конверт. Наверное, поступила правильно. Сэкономила время им обеим. Опять же этот конверт мог спасти политическое будущее Андреа.

– С радостью. А теперь… если ты мне позволишь… думаю, мне лучше лечь. Но поспать не получится, – добавила Андреа, словно боялась, что Бренда начнет возражать. – Я услышу тебя, когда ты вернешься.

– Спасибо. Тебе надо много пить.

– Пью галлонами. Можешь не торопиться, дорогая. Конверт будет у меня в полной безопасности.

Бренда хотела вновь поблагодарить ее, но третий член городского управления уже закрыла дверь.

19

Ближе к концу разговора с Брендой желудок Андреа начал трепыхаться. Она боролась с тошнотой, но не могла не проиграть этот поединок. Сказала Бренде, что та может не торопиться, захлопнула дверь перед лицом бедной женщины и побежала в вонючую ванную, а из горла уже доносилось «эрк-эрк».

В гостиной рядом с диваном стоял приставной столик, и Андреа бросила конверт на него. Он заскользил по гладкой поверхности и свалился с другой стороны столика, в темный зазор между ним и диваном.

Андреа помчалась в ванную, поскольку унитаз уже заполняла густая вонючая масса, которая выходила из тела Андреа всю последнюю бесконечную ночь. Она наклонилась над раковиной, и ее рвало до тех пор, пока, казалось, не оторвался пищевод и не вывалился на заблеванный фаянс, еще теплый и подрагивающий. Этого, конечно, не произошло, но мир начало заливать серым, и он уходил от нее, стуча высокими каблуками, уменьшаясь в размерах и становясь нереальным, тогда как она покачивалась и изо всех сил боролась с подступающим обмороком.

Наконец Андреа полегчало, и она вышла из ванной на ватных ногах, одной рукой держась за стену, чтобы сохранить равновесие. Ее так трясло, что женщина слышала стук зубов, и этот ужасный звук не только заполнял уши, но и отдавался в глазах.

Она даже не попыталась подняться в спальню на втором этаже, пошла на застекленное заднее крыльцо. В конце октября на крыльце обычно царила прохлада, но в этот день тепла там хватало с лихвой. Андреа не прилегла на старый шезлонг, а плюхнулась в его пыльные, но такие успокаивающие объятия.

Я поднимусь через минутку, сказала она себе. *Возьму в холодильнике последнюю бутылку «Поланд спринг» и смою этот мерзкий привкус во рту…*

На том ее мысли оборвались. Она провалилась в глубокий и крепкий сон, из которого Андреа не смогло вырвать даже периодическое подергивание рук и ног. Ей снились разные сны. В одном люди, кашляющие и блюющие, бежали от жуткого пожара в поисках того места, где воздух оставался чистым и прохладным. В другом Бренда Перкинс приходила к ней и отдавала конверт. Когда Андреа вскрыла его, из конверта хлынул бесконечный поток розовых таблеток оксиконтина. Проснулась она уже вечером, позабыв эти сны.

И визит Бренды Перкинс.

20

– Проходи в мой кабинет, – радушно пригласил ее Большой Джим. – Или сначала хочешь что-нибудь выпить? У меня есть кола, но, боюсь, она уже теплая. Генератор сдох этой ночью. Закончился пропан.

– Но ты, как я понимаю, знаешь, где пополнить запасы.

Его брови вопросительно поднялись.

– Метамфетамин, который ты производишь, – терпеливо объяснила Бренда. – Насколько мне известно из записей Гови, именно его твоими стараниями изготовляют в больших количествах. «В объемах, потрясающих воображение», так он написал. Для этого требуется много пропана.

Едва перейдя к делу, она почувствовала, как исчезла внутренняя дрожь. Бренда даже получала удовольствие, наблюдая, как краска заливает сначала щеки, а потом лоб Большого Джима.

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Думаю, твоя утрата… – Он вздохнул, раскинул руки с короткими толстыми пальцами. – Пойдем в дом. Обсудим это, и, думаю, я сумею развеять твои подозрения.

Бренда улыбнулась. Сам факт, что она могла улыбаться, стал для Бренды откровением, и Гови наверняка одобряет это, наблюдая за ней – откуда-то. А также призывает к осторожности. Этому совету она намеревалась последовать.

На лужайке перед домом Ренни среди опавших листьев стояли два складных кресла.

– Давай поговорим здесь. – Она указала на лужайку.

– Я предпочитаю обсуждать дела в доме.

– Ты бы предпочел увидеть свою фотографию на первой странице «Демократа»? Потому что я могу это устроить.

Большой Джим дернулся, словно она ударила его, и на мгновение Бренда увидела ненависть в маленьких, глубоко посаженных, свинячьих глазках.

– Герцог никогда не любил меня, и, полагаю, это естественно, что его отношение ко мне передалось и…

– Его имя – Гови!

Большой Джим раскинул руки, как бы говоря, что для некоторых женщин логика – пустой звук, и повел ее к креслам, стоящим лицом к Фабричной улице.

Бренда Перкинс говорила почти полчаса, с каждым словом становясь все хладнокровнее и злее. Лаборатория по производству мета, в создании которой участвовали Энди Сандерс и, почти наверняка, Лестер Коггинс. Масштабы производства. Примерное местоположение. Оптовые покупатели среднего звена, которые согласились стать свидетелями обвинения в обмен на освобождение от уголовного преследования. Разрастание производства до таких размеров, что местный фармацевт более не мог покупать в Штатах необходимые ингредиенты, не вызывая подозрений, что привело к необходимости импорта.

– В город эти компоненты привозили на грузовиках с надписью на борту «Гидеоновское библейское общество». Комментарий Гови: «Очень уж умно».

Большой Джим сидел, глядя на тихую улицу, на которой находились только жилые дома. Бренда чувствовала кипящие в нем ярость и ненависть. Словно тепло поднималось над подогреваемым блюдом.

– Ты не сможешь этого доказать, – наконец изрек он.

– Мне не будет нужды что-то доказывать, если материалы Гови появятся в «Демократе». У нас не обычное судебное разбирательство, и если кто-то и способен это уяснить, то именно ты.

Он махнул рукой.

– Да, конечно, у Гови что-то есть, но мое имя нигде не упоминается.

– Оно упомянуто в документах «Таун венчурс». – И Большой Джим дернулся, будто она ударила его кулаком в висок. – «Таун венчурс корпорейшн», зарегистрированной в Карсон-Сити. Из Невады денежный след ведет в Чунцин, фармацевтическую столицу Китайской Народной Республики. – Она улыбнулась. – Ты считал себя умником, да? Большим умником?

– Где документы?

– Распечатку этим утром я оставила Джулии. – Упоминать Андреа она не собиралась ни при каких обстоятельствах, поскольку опасалась, что Ренни или Энди Сандерс каким-то образом сумеют заткнуть Гриннел рот. И решила, что Большой Джим станет более сговорчивым, узнав, что материалы расследования Гови уже у издателя местной газеты.

– Другие копии есть?

– А как ты думаешь?

Он задумался, потом ответил:

– Я держал все вне города.

Бренда промолчала.

– Я старался на благо города.

– Ты многое сделал на благо города, Джим. Поэтому канализационная система у нас та же, что и в тысяча девятьсот шестидесятом году, Честерский пруд грязный, деловой район разрушается. – Она сидела с прямой спиной, взявшись руками за подлокотники кресла. – Ты – гребаный самодовольный червяк!

– Чего ты хочешь? – Он по-прежнему смотрел на пустую улицу. На виске пульсировала крупная вена.

– Ты должен объявить о своей отставке. Барби возьмет на себя управление городом, согласно президентскому…

– Я никогда не уступлю свое место этому ёханому бабаю. – Он повернулся к ней. Улыбаясь. Пугающей улыбкой. – Ты ничего не оставила Джулии, потому что та в супермаркете, наблюдает за продуктовым сражением. Ты, возможно, где-то и спрятала компьютер с файлами Герцога, но копии никому не оставила. Ты пыталась зайти к Ромми, потом к Джулии, после чего пришла сюда! Я видел, как ты поднималась по холму к городской площади.

– Я оставила! Оставила. – А если бы она сказала – кому? Только подставила бы Андреа. Бренда начала подниматься с кресла: – Выбор за тобой. А теперь я ухожу.

– Твоя вторая ошибка: ты решила, что на улице тебе ничего не грозит. Но это *пустынная* улица. – Голос звучал совсем по-доброму, и когда Ренни коснулся руки Бренды, она спокойно повернулась к нему. Большой Джим с обеих сторон сжал ее лицо. И повернул.

Бренда Перкинс услышала резкий хруст, словно ветка обломилась под тяжестью снега, и вслед за этим звуком последовала в чернильную тьму, пытаясь на ходу произнести имя мужа.

21

Большой Джим вернулся в дом, из стенного шкафа в прихожей взял подарочную шляпу с надписью «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни», а также перчатки. И тыкву из кладовой.

Бренда по-прежнему сидела в складном кресле, подбородок прижимался к груди. Он огляделся. Никого. Мир принадлежал только ему. Ренни надел Бренде шляпу на голову так, чтобы поля прикрывали лицо, перчатки – на руки, тыкву положил ей на колени.

Пусть посидит здесь, пока Младший не вернется и не отвезет ее туда, где лежат остальные жертвы Дейла Барбары. Сейчас со стороны она вполне могла сойти за хэллоуиновскую набивную куклу.

Он проверил сумку Бренды. Бумажник, расческа, книга в обложке. И хорошо. Сумку никто не найдет в подвале, за неработающим нагревательным котлом.

Он оставил Бренду с надвинутой на лицо шляпой и тыквой на коленях, а сам прошел в дом – спрятать сумку и дожидаться возвращения сына.

В кутузке

1

Предположение второго члена городского управления Ренни, что никто не заметил Бренду, входящую на его участок, оказалось правильным. Но во время утренних хождений ее видели сразу трое человек, причем один из них даже жил на Фабричной улице. Если бы Большой Джим о том знал, его бы это остановило? Едва ли. Он уже ступил на избранный путь и не мог повернуть назад. Но возможно, зная об этом, Ренни призадумался бы (по-своему он был очень вдумчивым человеком) и пришел к выводу, что убийство сродни картофельным чипсам «Лейс»: попробовав один раз, невозможно остановиться.

2

Большой Джим не видел этих наблюдателей, когда подошел к Главной улице. Не видела их и Бренда, поднимавшаяся по склону холма к городской площади. И все потому, что наблюдатели не хотели, чтобы их видели. Они спрятались на мосту Мира, давно уже пребывавшем в аварийном состоянии. Но в тот момент за ними числился проступок и похуже. Если бы Клер Макклэтчи увидела сигареты, она бы вместо дерьма выдавила из себя кирпич. Чего там, могла выдавить и два. И уж конечно, больше не позволила бы Джо общаться с Норри Кэлверт, даже если от их дружбы зависела судьба города, потому что сигареты принесла она – сильно помятую и погнутую пачку «Винстон», которую нашла на полке в гараже. Ее отец бросил курить годом раньше, и пачка покрылась слоем пыли, но сами сигареты, по разумению Норри, выглядели пригодными для использования по прямому назначению. Сигарет в пачке лежало три – идеальный расклад, по одной на каждого.

– Считайте, что это ритуал, приносящий удачу, – заявила Норри. – Мы выкурим их, как индейцы, молящие богов об удачной охоте. Потом займемся делом.

– Звучит неплохо, – кивнул Джо. Курение давно уже интересовало его. Он не понимал, чем оно так привлекательно, но что-то, вероятно, в нем было, раз уж так много людей этим занимаются.

– Каких богов? – спросил Бенни Дрейк.

– Каких выберешь. – Норри посмотрела на него так, будто видела перед собой самого тупого из всех тупиц. – Божественных богов, если тебе так хочется. – В линялых джинсовых шортах и розовом топике, с волосами, обрамлявшими маленькое лисье личико, а не забранными, как обычно, в конский хвост, мотающийся из стороны в сторону, она выглядела для обоих мальчиков такой симпатичной. Если на то пошло, просто ослепительной. – Я помолюсь Чудо-Женщине.

– Чудо-Женщина – не богиня. – Джо взял одну из преклонного возраста сигарет и выпрямил ее. – Чудо-Женщина – супергерой. – Он задумался. – Может, супергероесса.

– Для меня она богиня. – Серьезные глаза Норри светились искренностью, говорившей о том, что признание это – от души. Она осторожно выпрямила свою сигарету. Бенни их примеру следовать не стал. Подумал, что согнутая сигарета придает крутизны. – До девяти лет я носила браслеты Силы Чудо-Женщины, а потом потеряла их. Думаю, браслеты сперла эта сука Ивонн Нидо. – Норри чиркнула спичкой и поднесла к сигарете Пугала Джо, потом Бенни. Когда попыталась прикурить сама, Бенни задул спичку. – Зачем ты это сделал?

– Три на одну спичку. К беде.

– Ты в это веришь?

– Не так чтобы очень, но сегодня нам понадобится вся удача, что у нас есть. – Бенни посмотрел на пакет для продуктов, который лежал в корзинке его велосипеда, затем затянулся. Кашляя, выдохнул дым, глаза наполнились слезами. – По вкусу крысиное дерьмо!

– И много ты его выкурил, а? – Джо затянулся. Не хотел выглядеть слабаком и не хотел кашлять, а то и, возможно, блевать. Дым обжигал, но не без приятности. Может, в конце концов, в этом что-то и было. Только у него уже чуть закружилась голова.

Осторожнее с затяжками, сказал он себе. *Отключиться – также отстойно, как и блевануть*. Если только не упасть на колени Норри Кэлверт. Это было бы клево.

Норри сунула руку в карман и достала крышку от бутылки сока «Верифайн».

– Используем вместо пепельницы. Индейский ритуал курения – это хорошо, но я не хочу сжечь мост Мира. – Норри закрыла глаза. Губы пришли в движение. Сигарета оставалась между пальцами, столбик пепла увеличивался в размерах.

Бенни посмотрел на Джо, пожал плечами, тоже закрыл глаза.

– Небесный пехотинец Джо, услышь молитву смиренного новобранца Дрейка…

Норри пнула его, не открывая глаз.

Джо встал (голова кружилась, но не так чтобы очень, и второй раз он решил затянуться стоя) и прошел мимо велосипедов к концу моста, выходящего на городскую площадь.

– Ты куда? – спросила Норри, по-прежнему с закрытыми глазами.

– Мне молится лучше, когда я смотрю на природу. – Но на самом деле Джо хотелось глотнуть свежего воздуха. Причина крылась не в табачном дыме, чей аромат ему даже нравился. Но на крытом мосту хватало других запахов: гниющей пищи, разлитого пива, чего-то кислохимического – наверное, этот запах поднимался от протекавшего под ними Престил-Стрим (Шеф сказал бы ему, что это тот запах, который он мог бы полюбить).

Но даже снаружи воздух свежестью не отличался. Складывалось ощущение, что его уже использовали, и Джо вспомнилась прошлогодняя поездка в Нью-Йорк. Примерно так же воздух пах и в подземке, особенно вечером, когда люди в переполненных поездах возвращались домой.

Он стряхнул пепел в ладонь. А когда сдувал его, заметил Бренду Перкинс, поднимающуюся на холм.

Мгновением позже рука коснулась его плеча. Слишком легкая и маленькая, чтобы принадлежать Бенни.

– Это кто? – спросила Норри.

– Лицо знаю, имя – нет.

К ним присоединился Бенни:

– Это миссис Перкинс. Вдова шерифа.

Норри ткнула его локтем:

– Начальника полиции, дундук.

Бенни пожал плечами:

– Какая разница?

Они наблюдали за ней, потому что больше наблюдать было не за кем. Остальные горожане отправились в супермаркет, вероятно, принимать участие в крупнейшем в мире сражении за продукты. Трое подростков провели разведку, но к полю боя не приближались: их не пришлось уговаривать держаться подальше, учитывая ценность прибора, который им вручили.

Бренда перешла Главную улицу, свернула на Престил-стрит. Остановилась у дома Маккейнов, прошла дальше к дому Андреа Гриннел.

– Пошли, – предложил Бенни.

– Мы не можем пойти, пока она не ушла, – возразила Норри.

Бенни пожал плечами:

– Большое дело. Если она и увидит нас, мы всего лишь трое подростков, болтающихся на городской площади. И знаете что? Она, возможно, не заметит нас, даже если посмотрит в упор. Взрослые *никогда* не видят детей. – Он обдумал последний вывод. – Если они не на скейтбордах.

– Или не курят, – добавила Норри. Они посмотрели на дымящиеся сигареты.

Джо указал на корзинку, закрепленную на руле «швинна хай плейнс», велосипеда Бенни:

– У них также есть особенность видеть детей, которые что-то делают с дорогими приборами, принадлежащими городу.

Норри сунула сигарету в уголок рта, мгновенно став потрясающе крутой, потрясающе красивой, потрясающе взрослой.

Подростки продолжили наблюдение. Теперь жена начальника полиции разговаривала с миссис Гриннел. Несколькими секундами позже та буквально захлопнула дверь перед носом своей гостьи.

– Вау, как грубо, – покачал головой Бенни. – Неделю оставаться в школе после занятий. – Джо и Норри рассмеялись.

Миссис Перкинс еще постояла перед закрытой дверью, словно в недоумении, потом спустилась по ступенькам с крыльца, и все трое инстинктивно подались назад, в тень крытого моста. В итоге потеряли из виду миссис Перкинс, но Джо тут же нашел подходящую щель в боковой стене.

– Возвращается на Главную, – доложил он. – Ага, поднимается по холму… снова пересекает Главную.

Бенни сунул ему под нос воображаемый микрофон:

– Начинаем съемку.

Джо его проигнорировал.

– Теперь она поворачивает на мою улицу. – Он повернулся к Бенни и Норри: – Думаете, она идет к моей маме?

– Чувак, Фабричная улица – это четыре квартала, – заметил Бенни. – Какова вероятность?

Джо ощутил облегчение, хотя и не представлял себе причину, по которой визит миссис Перкинс мог принести что-то плохое. Но после того, как отец остался за Куполом, мать сильно расстроилась и теперь волновалась по любому поводу. Она практически запретила ему участвовать в этой экспедиции. Спасибо миз Шамуэй, та ее отговорила, заявив, что, по мнению Дейла Барбары, никто не справится с этим заданием лучше Джо (Джо – Бенни и Норри тоже – предпочитали называть порученное им дело миссией).

«Миссис Макклэтчи, – сказала Джулия, – если кто и сможет пустить прибор в дело, так это ваш сын. Барби уверен в Джо. И это очень важно».

Конечно же, настроение Джо от такой характеристики поднялось, но одного взгляда на мать – встревоженную, осунувшуюся – хватило, чтобы оно вновь упало. Не прошло и трех дней после появления Купола, а она уже похудела. И у него щемило сердце, когда он видел, как мать держит фотографию отца. Словно думала, что он умер, а не сидит в уютном мотеле, пьет пиво и смотрит Эйч-би-оу[6].

Впрочем, она согласилась с Джулией Шамуэй.

– В технике он разбирается, это точно. Всегда разбирался. – Она оглядела сына с головы до ног, вздохнула. – Когда ты успел так вымахать, сынок?

– Не знаю, – честно ответил Джо.

– Если я тебе разрешу, ты будешь осторожен?

– И возьми с собой своих друзей, – вставила Джулия.

– Бенни и Норри? Само собой.

– А также, – добавила Джулия, – соблюдайте осторожность. Понимаешь, о чем я, Джо?

– Да, понимаю.

То есть не попадайтесь.

[6] Эйч-би-оу – популярный кабельный канал.

3

Бренда исчезла среди деревьев, растущих вдоль Фабричной улицы.

– Ладно, – кивнул Бенни. – Пошли.

Он аккуратно затушил сигарету в импровизированную пепельницу, потом вытащил из корзинки пакет для продуктов. Внутри лежал желтый счетчик Гейгера, проделавший путь от Барби к Расти, Джулии и наконец к Джо и его команде.

Джо взял крышку от бутылки из-под сока и затушил свою сигарету, думая о том, что хотел бы попробовать вновь, когда у него будет больше времени, чтобы сосредоточиться на ощущениях. С другой стороны, может, и не стоило. Он уже подсел на компьютеры, комиксы Брайана К. Воэна[7] и скейтборд. Возможно, больше одна спина выдержать не могла.

– Люди будут проходить мимо, – напомнил он Бенни и Норри. – Возможно, много людей, как только им надоест эта забава в супермаркете. Нам остается лишь надеяться, что на нас они внимания не обратят.

В голове у него звучал голос миз Шамуэй, говорящей матери о том, какой важной может оказаться эта работа для города. *Ему* она могла и не говорить; он, возможно, понимал это лучше, чем все остальные.

– А если появятся копы… – начала Норри.

Джо кивнул:

– Счетчик отправится в пакет, а из него появится фрисби.

– Ты действительно думаешь, что какой-то инопланетный генератор зарыт под городской площадью? – спросил Бенни.

– Я же сказал, что такое возможно, – ответил Джо, резче, чем собирался. – Все возможно.

По правде говоря, Джо думал, что такое не просто возможно, а очень даже вероятно. Если у Купола не сверхъестественная природа, тогда это силовое поле. Силовое поле должно чем-то создаваться. Так что у Джо сомнений не было, но он не хотел раздувать их надежды. Да и свои тоже.

– Тогда начнем поиск. – Норри проскользнула под желтой полицейской лентой. – Надеюсь, что вы двое хорошо помолились.

Джо не верил в силу молитвы по части того, что человек мог сделать сам, и помолился он по другому поводу: чтобы Норри Кэлверт осчастливила его еще одним поцелуем, если они найдут генератор. Долгим и сладким.

[7] Брайан К. Воэн (р. 1976) – американский художник и сценарист.

4

Утром, когда они проводили короткое совещание в гостиной дома Макклэтчи перед выездом в город, Пугало Джо снял правую кроссовку, а потом и высокий спортивный носок.

– Сладость или гадость! Ты понюхал мои ножки, дай мне жареной картошки! – весело воскликнул Бенни.

– Заткнись, придурок.

– Нехорошо называть друга придурком. – Но, произнося эти слова, миссис Макклэтчи с упреком посмотрела на Бенни.

Норри предпочла промолчать, с интересом наблюдая, как Джо кладет носок на ковер гостиной и разглаживает его.

– Это Честерс-Милл, – пояснил Джо. – Та же форма, так?

– Ты совершенно прав, – согласился Бенни. – Такова наша судьба – жить в городе, похожем на спортивный носок Джо Макклэтчи.

– Или на туфлю старушки, – вставила Норри.

– «В туфле жила старушка одна», – процитировала миссис Макклэтчи. Она сидела на диване, положив на колени фотографию мужа, точно так же, как и вчера под вечер, когда миз Шамуэй принесла счетчик Гейгера. – «Детей нарожала так много она, не знала даже, как ей с ними быть»[8].

– Отлично, мама. – Джо изо всех сил старался не улыбнуться. В средней школе ходила другая версия: «Детей нарожала так много она, что даже у ней отвалилась м…да». – Он вновь посмотрел на носок: – Так где у носка середина?

Бенни и Норри задумались. Джо их не торопил. Среди прочего они нравились ему и потому, что могли заинтересоваться таким вопросом.

– Это не тот центр, как у круга или квадрата, – наконец оборвала паузу Норри. – У нас не геометрическая фигура.

– Я думаю, носок – тоже геометрическая фигура, – не согласился Бенни. – По существу. Только не знаю, как ее назвать. Носкоугольник?

Норри рассмеялась. Даже Клер чуть улыбнулась.

– На карте Честерс-Милл ближе к шестиугольнику, – заметил Джо, – но это не важно. Руководствуйтесь здравым смыслом.

Норри указала на то место носка, где часть, обтягивающая стопу, переходила в верхний цилиндр:

– Вот. Середина здесь.

Джо отметил указанное место шариковой ручкой.

– Я не уверена, что это пятно отойдет, мистер. – Клер вздохнула. – Но наверное, тебе все равно нужны новые. – И прежде чем Джо успел задать следующий вопрос, добавила: – На карте это будет городская площадь. Там вы будете его искать?

– Там мы начнем поиски, – пробубнил Джо, определенно недовольный тем, что идею сняли у него с языка.

– Потому что, если генератор все-таки есть, – продолжила свою мысль Клер Макклэтчи, – его надо бы расположить в самом центре городской территории. Или как можно ближе к нему.

Джо кивнул.

– Круто, миссис Макклэтчи. – Бенни поднял руку. – Дайте пять, мать моего брата по духу.

Чуть улыбаясь, все еще держа фотографию мужа, Клер Макклэтчи шлепнула ладонью по ладони Бенни.

---

[8] Популярный детский стишок из «Сказок матушки Гусыни».

– По крайней мере городская площадь – безопасное место. – Она задумалась, хмурясь. – Я, во всяком случае, на это надеюсь, но кто знает?

– Не волнуйтесь, я за ними пригляжу, – успокоила ее Норри.

– Просто пообещайте мне, если что-то найдете, разбираться с находкой вы позволите специалистам.

Мамуля, подумал Джо, *я думаю, мы и есть специалисты*. Но этого не сказал. Знал, что еще сильнее ее расстроит.

– Даю слово. – Бенни поднял руку с растопыренными пальцами: – Еще раз дайте пять, о мать моего…

На этот раз обе руки остались на фотографии:

– Я тебя люблю, Бенни, но иногда ты меня утомляешь.

Он печально улыбнулся.

– Моя мама говорит то же самое.

5

Джо и его друзья направились к эстраде, которая возвышалась в центре городской площади. За их спинами что-то тихонько бормотал Престил-Стрим, сильно обмелевший благодаря дамбе – той части Купола, что отрезала город с северо-запада. И если бы Купол остался еще на день, то Престил-Стрим, по мнению Джо, превратился бы в ручеек, бегущий среди донного ила.

– Ладно, хватит фигней заниматься. Скейтерам пора спасать Честерс-Милл. Запускаем эту крошку.

Осторожно (с истинным благоговением) Джо достал счетчик Гейгера из пакета для продуктов. Исходная батарея, которая снабжала его электроэнергией, давно уже села, а контакты покрылись толстым слоем ржавчины, но двууглекислая сода справилась с коррозией, а Норри нашла в мастерской отца не одну, а три шестивольтовые батареи. «У него просто крыша едет, если дело касается батареек, – призналась она друзьям, – и он когда-нибудь убьется, учась кататься на скейте, но я его люблю».

Джо положил палец на выключатель, мрачно посмотрел на своих друзей.

– Знаете, эта штуковина способна засечь все, что нас облучает, и генератор таки может быть, и не только тот, что излучает альфа- или бета-ча…

– Ради Бога, включай! – воскликнул Бенни. – Ожидание добьет меня!

– Он прав, – кивнула Норри. – Давай.

Но вот что интересно. Джо уже опробовал счетчик Гейгера дома – поднес к нему старые часы с радием на циферблате, стрелка тогда угрожающе дернулась, счетчик работал отлично. Но здесь – как говорится, в поле – Джо вдруг как захолодило. Чувствовал выступающий на лбу пот. Чувствовал, как тот собирается в большие капли, которые скоро покатятся по лицу.

Возможно, он еще какое-то время стоял бы столбом, если бы Норри не положила свою руку на его. Потом добавилась рука Бенни. Втроем они сдвинули выключатель-ползун. Стрелка на шкале «ИМПУЛЬСЫ В СЕКУНДУ» мгновенно сместилась на +5, и Норри сжала плечо Джо. Но стрелка вернулась к +2, и девочка ослабила хватку. Они не имели опыта работы с радиационными счетчиками, но догадались, что это всего лишь фон.

Медленно Джо обошел эстраду. Трубка Гейгера-Мюллера высовывалась из свернутого спиралью провода, похожего на телефонный. Лампа-индикатор, показывающая подачу электрического тока, светилась янтарем, стрелка время от времени чуть подергивалась, но держалась около нуля. Джо не удивился – какая-то его часть знала, что сразу ничего не получится, – но одновременно испытывал горькое разочарование. Это удивительно, до чего хорошо разочарование и отсутствие удивления дополняли друг друга, прямо-таки близняшки Олсен[9].

– Давай я, – предложила Норри, – может, мне повезет больше.

Он отдал счетчик без единого слова протеста. Следующий час или чуть больше они кружили по городской площади, передавая друг другу счетчик Гейгера. Увидели автомобиль, который повернул на Фабричную улицу, но не заметили Ренни-младшего – ему полегчало, – сидящего за рулем. И он не заметил их. «Скорая» проехала вниз по склону в направлении «Мира еды», с включенными мигалкой и сиреной. Ребята удостоили «скорую» короткого взгляда и вернулись к своему занятию, которое слишком их увлекло, чтобы они заметили вновь появившегося Младшего уже за рулем отцовского «хаммера».

Они так и не воспользовались фрисби, принесенной на случай, если придется отвлекать внимание: с головой ушли в поиски источника излучения. Да и не требовалось им никого отвлекать.

---

[9] Сестры-близнецы Олсен – Мэри Кейт и Эшли Фуллер, актрисы и певицы (р. 1986).

Те немногие горожане, что расходились по домам, на городскую площадь не смотрели. Некоторых занимали собственные раны. Большинство несли награбленные продукты, кое-кто катил полные тележки. Все выглядели пристыженными.

К полудню Джо и его друзья уже были готовы сдаться.

– Пошли ко мне, – предложил Джо, – мама нас чем-нибудь накормит.

– Отлично, – кивнул Бенни. – Надеюсь, это будет тушеное мясо с овощами. Твоя мать классно его готовит.

– Может, мы пройдем через мост Мира и сначала проверим другую его сторону? – предложила Норри.

Джо поморщился:

– Но там нет ничего, кроме леса. Опять же это дальше от центра.

– Да, но… – Она замолчала.

– Что?

– Ничего. Есть одна идея. Возможно, глупая.

Джо посмотрел на Бенни. Тот пожал плечами и протянул Норри счетчик Гейгера.

Они вернулись к мосту Мира, поднырнули под провисшую желтую ленту. На самом мосту царил сумрак, но света хватило, чтобы Джо, заглянув через плечо Норри, увидел, как стрелка дернулась, когда они миновали половину моста, шагая гуськом, чтобы сильно не нагружать прогнившие доски. Когда ребята сходили с моста на другой стороне, щит-указатель сообщил: «ВЫ ПОКИДАЕТЕ ГОРОДСКУЮ ПЛОЩАДЬ МИЛЛА, СООРУЖ. В 1808». Утоптанная тропа вела вверх по склону, заросшему дубами, ясенями, березами. Осенняя листва обвисла на ветках и выглядела не веселенькой, а очень грустной.

К тому времени, когда они подошли к началу тропы, стрелка шкалы «ИМПУЛЬСЫ В СЕКУНДУ» уже стояла между +5 и +10. После +10 шкала быстро добиралась до +500, а потом до +1000. Дальний конец шкалы окрасили красным. Стрелка находилась еще очень далеко от красного, но Джо практически не сомневался, что ее нынешние показатели – не общий фон.

Бенни смотрел на чуть подрагивающую стрелку, тогда как Джо – на Норри.

– Так о чем ты подумала? – спросил он. – Не боись, выкладывай, потому что, похоже, эта идея совсем не глупая.

– Не глупая, – согласился Бенни. Постучал пальцем по окошку над надписью «ИМПУЛЬСЫ В СЕКУНДУ». Стрелка прыгнула, потом вернулась к +7 или +8.

– Я подумала, что генератор и транслятор в принципе одно и то же, – ответила Норри. – И транслятор не обязательно ставить посередине, достаточно установить его повыше.

– Транслятор ХНВ не на горе, – напомнил Бенни. – Стоит на поляне, вещает во славу Иисуса. Я его видел.

– Да, но дело в том, что это очень мощный передатчик. Отец говорил мне, тысяч в сто ватт. Может, то, что мы ищем, транслирует сигнал на меньшее расстояние. Вот я и подумала… какая самая высокая точка города?

– Блэк Ридж, – ответил Джо.

– Блэк Ридж. – Норри подняла маленький кулачок.

Джо стукнул по нему, потом вытянул руку.

– В ту сторону две мили. Может, три. – Он повернул трубку Гейгера-Мюллера в указанном им направлении, и они наблюдали, как стрелка подошла к +10.

– Чтоб меня трахнули! – воскликнул Бенни.

– Может, и трахнут, лет в сорок, – усмехнулась Норри. Крутая, как и всегда… но покраснела. Чуть-чуть.

– На Блэк-Ридж-роуд есть старый яблоневый сад, – сказал Джо. – Оттуда можно увидеть весь Милл… и Ти-Эр-девяносто тоже. Так, во всяком случае, говорил мне отец. Объект может

быть там. Ты – гений, Норри. – Ему не пришлось ждать, пока она поцелует его. Воспользовавшись случаем, поцеловал ее сам, правда, в губы не решился, только в уголок рта.

Норри выглядела довольной, но над переносицей оставалась вертикальная морщинка сомнений:

– Возможно, это ничего не значит. Стрелка не рванула к красному. Сможем мы добраться туда на велосипедах?

– Конечно! – воскликнул Джо.

– После ленча, – добавил Бенни. Он полагал себя самым практичным из троицы.

6

Пока Джо, Бенни и Норри ели ленч в доме Макклэтчи (именно тушеное мясо с овощами), а Расти Эверетт с помощью Барби и двух юных девушек занимался пострадавшими в продуктовом бунте, доставленными в «Кэтрин Рассел», Большой Джим Ренни сидел в своем кабинете, просматривал список и вычеркивал уже сделанное.

Увидел свой «хаммер», вкатывающийся на подъездную дорожку, и вычеркнул еще один пункт: Бренда лежала вместе с остальными телами. Ренни подумал, что теперь он готов, – во всяком случае, для этого сделано все, что можно. Даже если бы Купол сегодня исчез, Большой Джим полагал, что его зад надежно прикрыт.

Младший вошел и бросил ключи от «хаммера» на стол отца. Бледный, с еще больше отросшей щетиной на щеках, но уже не выглядевший как смерть. Левый глаз оставался красным, но не пламенел.

– Все готово, сын?

Младший кивнул.

– Нас посадят? – В вопросе слышалось лишь любопытство.

– Нет. – Идея, что его могут посадить, не приходила Большому Джиму в голову даже после того, как эта ведьма Перкинс появилась здесь и начала выкладывать свои обвинения. Он улыбнулся: – Но Дейла Барбару посадят.

– Никто не поверит, что он убил Бренду Перкинс.

Большой Джим продолжал улыбаться.

– Поверят. Люди испуганы, и они поверят. Так уж устроена жизнь.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я изучаю историю. И тебе не мешает как-нибудь этим заняться. – На кончике языка уже вертелся вопрос: почему он покинул Боудин[10]? Бросил сам, его вышибли или попросили уйти? Но потом решил, что сейчас не время и не место. Вместо этого спросил: может ли Младший выполнить еще одно поручение?

Тот потер висок:

– Наверное. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

– Тебе понадобится помощь. Ты можешь взять Френка, но я бы предпочел Тибодо, если он сможет двигаться после сегодняшнего. Только не Сирлса. Парень хороший, но глупый.

Младший ничего не сказал. Большой Джим вновь задался вопросом: а что не так с его сыном? Но хотел ли он действительно это знать? Может, когда закончится кризис. А пока на плите стояло слишком много кастрюль и сковородок, а до обеда оставалось совсем ничего.

– Что мне нужно сделать? – спросил все-таки Младший.

– Сначала хочу кое-что выяснить. – Большой Джим взял мобильник. Всякий раз, когда это делал, ожидал, что пользы от него будет как от козла молока, но мобильник все еще работал. По крайней мере звонки по городу проходили, а ничего больше ему и не требовалось. Он позвонил в полицейский участок. После третьего гудка услышал голос Стейси Моггин, запыхавшийся, а не деловой, как обычно. Большого Джима это не удивило с учетом утренней заварушки. Сейчас он слышал чьи-то крики.

– Полицейский участок! Если у вас не что-то чрезвычайное, пожалуйста, положите трубку и позвоните позже. Сейчас мы ужасно за…

– Это Джим Ренни, милая. – Он знал, что Стейси терпеть не может, когда к ней обращаются *милая*. Потому и обратился. – Соедини меня с чифом. Скоренько.

---

[10] Боудин – частный колледж высшей ступени в г. Брансуик, штат Мэн.

– Он пытается разнять драку перед столом дежурного. Может, вы сможете перезвонить поз…

– Нет, я не могу перезванивать позже. Думаешь, я стал бы звонить по какому-то пустяку? Пойди туда сама, милая, и прысни в самого агрессивного «Мейсом». Потом отправь Пита в его кабинет, чтобы…

Она не дала ему закончить, но и не попросила подождать. Телефон со стуком упал на стол. Большой Джим удовлетворенно кивнул. Если уж он кого-то достал, ему нравилось об этом знать. Издалека донесся приглушенный голос. Кто-то обозвал кого-то гребаным вором. Большой Джим улыбнулся.

Мгновением позже его перевели на другой телефон. Стейси не удосужилась сообщить ему об этом. Какое-то время он слушал чью-то ругань. Потом кто-то взял трубку. Запыхавшийся Рэндолф.

– Говори быстро, Джим, у нас тут сумасшедший дом. Те, кого не отправили в больницу со сломанными ребрами или с чем-то еще, злые как черти. Каждый винит всех остальных. Я пытаюсь не заполнять камеры внизу, но, похоже, половина из них хочет туда отправиться.

– Идея увеличить численность полиции сегодня кажется тебе более привлекательной, чиф?

– Господи, да. Нам досталось. Одна из моих патрульных, Ру, – в больнице. У нее разломана нижняя половина лица. Выглядит она как невеста Франкенштейна.

Улыбка Большого Джима расползлась на все лицо. Сэм Вердро его не подвел. Но разумеется, это еще одна особенность шестого чувства: когда тебе приходится кого-то о чем-то просить в тех редких случаях, когда ты не можешь что-то сделать сам, ты всегда обращаешься к нужному человеку.

– Кто-то швырнул в нее камень. И в Мела Сирлса тоже. Тот на какое-то время отключился, но теперь вроде бы в порядке. Но рана во весь лоб. Я отправил его в больницу, чтобы его перевязали.

– Это форменное безобразие.

– Кто-то целился в моих патрульных. И думаю, не один человек. Большой Джим, мы можем набрать еще помощников?

– Я думаю, ты найдешь много желающих среди честолюбивых парней этого города. Я и сам могу предложить нескольких, из прихожан церкви Святого Искупителя. К примеру, братьев Кильян.

– Джим, Кильяны тупее полена.

– Знаю, но они парни крепкие и исполнительные. – Он помолчал. – Опять же умеют стрелять.

– Мы собираемся вооружить новых полицейских? – В голосе Рэндолфа звучали и сомнение, и надежда.

– После того, что произошло сегодня? Разумеется. Я думаю, что сначала надо привлечь человек десять – двенадцать. Френк и Младший помогут тебе с выбором кандидатур. И нам понадобится больше, если к следующей неделе все не образуется. Выдай им расписки на жалованье. И в первую очередь снабди товарами, если начнется нормирование. Их самих и семьи.

– Хорошо. Пришли сюда Младшего. Френк уже здесь, Тибодо тоже. Ему у супермаркета тоже досталось, но повязку на плече поменяли, и теперь он в форме. – Рэндолф понизил голос: – Он говорит, что перевязал его Барбара. И перевязал очень неплохо.

– Это хорошо, но нашему мистеру Барбаре недолго осталось менять повязки. Для Младшего у меня есть другая работа. И для патрульного Тибодо тоже. Пришли его ко мне.

– Зачем?

– Если бы я хотел, чтобы ты знал, я бы тебе сказал. Просто пришли его. Младший и Френк смогут составить список новобранцев позже.

– Что ж… раз ты так говоришь… – Рэндолфа прервал какой-то грохот. Кто-то упал или кого-то свалили. Опять грохот, теперь уже что-то разбилось. – *Прекратите!* – проорал Рэндолф. Улыбаясь, Большой Джим отодвинул мобильник на пару дюймов от уха. И так все слышал. – *Схватите этих двоих… не этих, идиот, ДРУГИХ двоих… НЕТ, я не хочу, чтобы их арестовали! Я хочу, чтобы их вышвырнули отсюда! Хоть пинками под зад, если по-другому они не желают!* – Мгновением позже он вновь говорил с Большим Джимом: – Напомни мне, почему я хотел получить эту работу, а то я уже начал забывать.

– Все войдет в норму, – успокоил его Ренни. – Скоро у тебя будет пять новичков, крепких молодых парней. Позже – еще пятеро. Как минимум пятеро. А теперь пришли ко мне юного Тибодо. И проследи, чтобы камеру в дальнем углу подготовили к приему нового постояльца. Мистер Барбара займет ее уже сегодня.

– По какому обвинению?

– Как насчет четырех убийств и организации бунта в местном супермаркете? Подойдет?

И он отключил связь, прежде чем Рэндолф успел ответить.

– И что ты хочешь от меня с Картером? – спросил Младший.

– Днем? Во-первых, разведка и планирование. С планированием я помогу. Потом ты примешь участие в аресте Барбары. Думаю, это тебе доставит удовольствие.

– Доставит.

– После того как Барбара окажется в камере, ты и патрульный Тибодо плотно поужинаете, потому что настоящая работа будет ждать вас ночью.

– Какая?

– Сжечь редакцию «Демократа». Как тебе это?

Глаза Младшего широко раскрылись.

– Зачем?

Вопрос сына его разочаровал.

– Потому что в ближайшем будущем газета городу не нужна. Есть возражения?

– Папа, тебе приходило в голову, что ты, возможно, чокнутый?

– Не то слово.

7

– Столько раз я бывала в этой комнате, – произнесла Джинни Томлинсон новым, невнятным голосом, – но не представляла себе, что окажусь на этом столе.

– Даже если бы представляла, наверняка не думала, что оперировать тебя будет тот парень, который утром приготовил тебе стейк и яичницу. – Барби старался шутить, но он зашивал и перевязывал с того самого момента, как первым же рейсом «скорой» прибыл в «Кэтрин Рассел», и очень устал. Он подозревал, что главная причина усталости – стресс: Барби до смерти боялся навредить кому-нибудь вместо того, чтобы помочь. Ту же тревогу он видел на лицах Джины Буффалино и Гарриет Бигелоу, а у них в голове не тикали часы, заведенные Джимом Ренни, что усугубляло положение Барби.

– Думаю, пройдет немало времени, прежде чем я снова смогу съесть стейк, – вздохнула Джинни.

Расти выправил ее нос, прежде чем заняться другими пациентами. Барби ему ассистировал. Удерживал голову неподвижно, как мог мягко, и бормотал ободряющие слова. Сначала Расти вставил ей в ноздри ватные тампоны, пропитанные медицинским раствором кокаина. Выждав десять минут, чтобы анестезия подействовала (за это время зафиксировал растянутое запястье и наложил эластичную повязку на раздувшееся колено какой-то толстухи), вытащил тампоны и схватил скальпель. Действовал фельдшер с вызывающей восхищение быстротой. Прежде чем Барби предложил Джинни сказать *дужка*, Расти уже вставил державку скальпеля в более широкую ноздрю, прижал к перегородке и использовал как рычаг.

Как человек, подцепляющий колпак на колесе, подумал Барби, прислушиваясь к слабому, но долетающему до ушей хрусту, сопутствующему возвращению носу Джинни прежней (или близкой к ней) формы. Она не закричала, но ногти прорвали бумажную простыню, которой застелили стол, а из глаз покатились слезы.

Теперь Джинни держалась спокойно – Расти дал ей пару таблеток перкосета, – но слезы продолжали течь из менее опухшего глаза. Распухли и ставшие фиолетовыми щеки. Барби подумал, что выглядит она как Рокки Бальбоа после поединка с Аполло Кридом.

– Взгляни на светлую сторону жизни, – сказал он Джинни.

– А она есть?

– Определенно. Вот Ру придется месяц сидеть на супе и молочных коктейлях.

– Джорджии? Я слышала, в нее попал камень. Как сильно?

– Жить она будет, но пройдет много времени, прежде чем она станет красивой.

– Джорджия никогда и не претендовала на звание «Мисс Яблочный Цвет». – Джинни понизила голос: – Это она кричала?

Барби кивнул. Вопли Ру разносились по всей больнице.

– Расти дал ей морфия, но она долго не могла угомониться. Должно быть, здоровья у нее как у лошади.

– А совести как у крокодила, – добавила Джинни все тем же невнятным голосом. – Я бы не хотела, чтобы такое с кем-то случилось, но это чертовски хороший аргумент в пользу неизбежности кармического возмездия. Давно я здесь? Мои чертовы часы сломались.

Барби посмотрел на свои:

– Сейчас половина третьего. То есть получается, ты уже пять с половиной часов на пути к выздоровлению. – Он крутанул бедрами, услышал, что хрустнула поясница, почувствовал, спина чуть расслабилась. Решил, что Том Петти абсолютно прав: ждать – это самое трудное. Предположил, что все станет проще, когда он наконец-то окажется в камере. Если только его не убьют. Ему пришло в голову, что кое-кто может решить, что это наилучший выход – убить его при сопротивлении аресту.

– Чему ты улыбаешься? – спросила Джинни.

– Ничему особенному. – Он взял пинцет. – А теперь лежи тихо и не мешай мне. Раньше начнем, раньше закончим.

– Я должна встать и взяться за дело.

– Если ты встанешь, то сделаешь только одно – грохнешься на пол.

Она посмотрела на пинцет:

– Ты знаешь, как с ним управляться?

– Будь уверена. Выиграл золотую медаль в олимпийском турнире по удалению осколков стекла.

– По части вранья ты перещеголяешь даже моего бывшего мужа. – Джинни слабо улыбнулась. Барби догадался, что улыбка причиняет ей боль, пусть она и приняла болеутоляющее, и ему нравилась твердость ее характера.

– Ты не из тех зануд медиков, которые становятся тиранами, когда им самим приходится лечиться?

– Таким был доктор Хаскел. Однажды он загнал под ноготь большого пальца занозу, а когда Расти предложил ее вытащить, ответил, что ему нужен специалист. – Она засмеялась, скривилась, застонала.

– Если тебе от этого полегчает, коп, который ударил тебя, получил камнем по голове.

– Опять карма. Он уже оклемался?

– Да. – Мел Сирлс двумя часами раньше покинул больницу с повязкой на голове.

Когда Барби склонился над ней с пинцетом, она инстинктивно отвернула голову. Он повернул ее назад, надавив рукой – очень осторожно – на менее распухшую щеку.

– Я знаю, что ты должен это сделать, – сказала она. – Просто очень боюсь за глаза.

– С учетом того, как сильно тебя ударили, тебе повезло, потому что осколки вокруг глаз, а не в них.

– Знаю. Только не причиняй мне боли, хорошо?

– Конечно. Скоро ты будешь на ногах, Джинни. Я все сделаю быстро.

Он вытер руки, чтобы убедиться, что они сухие (перчатки надевать не хотел, боялся, что те повлияют на точность движений), наклонился ниже. С полдюжины маленьких осколков разбитых линз вонзились в брови и вокруг глаз, но больше всего Барби тревожил один – чуть ниже уголка левого глаза. Барби не сомневался, что Расти удалил бы его сам, если б заметил, но он сосредоточился на носу Джинни.

Сделай это быстро, сказал себе Барби. *Неудачу обычно терпит тот, кто колеблется*.

Он ухватил осколок кончиками пинцета и бросил в пластиковый контейнер, стоящий на столике. Крошечная капелька крови выступила из ранки. Барби выдохнул.

– Уф! Остальные – ерунда. Никаких проблем.

– Из твоих уст да в уши Господа.

Он едва успел удалить последний осколок, когда Расти открыл дверь смотровой и спросил: не может ли Барби ему помочь? Фельдшер держал в руке жестянку пастилок «Сукретс».

– Помочь с чем?

– С геморроем, который ходит, как человек. Эта анальная язва хочет уйти с украденными товарами. При обычных обстоятельствах я бы порадовался, увидев, как эта паршивая задница выходит за дверь, но сейчас она может принести пользу.

– Джинни? – спросил Барби. – Ты в порядке?

Она махнула рукой в сторону двери. Когда он двинулся следом за Расти, Джинни крикнула:

– Эй, красавчик!

Барби оглянулся, и она послала ему воздушный поцелуй. Барби его поймал.

8

В Честерс-Милле работал только один стоматолог – Джо Боксер. Его клиника находилась в конце Страут-лейн, и из кабинета открывался прекрасный вид на Престил-Стрим и мост Мира. Прекрасный, если человек сидел. Но большинство гостей занимали горизонтальное положение и смотреть могли только на несколько десятков фотографий чихуахуа Боксера, развешанных по потолку.

«На одной из них эта чертова собака выглядит так, будто собирается нагадить, – поделился Дуги Твитчел с Расти после одного визита. – Не знаю, может, эта порода собак так сидит, но я сомневаюсь. Думаю, я провел полчаса, глядя на эту тряпку с глазами, справляющую большую нужду, пока Бокс удалял мне два зуба мудрости. По ощущениям, отверткой».

Вывеска, которая находилась над входом в клинику Боксера, выглядела как баскетбольные трусы, снятые со сказочного великана. Золотисто-зеленые – в цветах «Диких котов». Поверху тянулась надпись: «ДЖОЗЕФ БОКСЕР, ДОКТОР-СТОМАТОЛОГ». Ниже вторая: «БОКСЕР БЫСТРЫЙ». И он работал достаточно быстро, с этим соглашались все, но не признавал никаких медицинских страховок, брал только наличными. Если к нему приходил больной с пульпитом, десны которого пылали, а щеки раздулись, как у белки, набившей рот орехами, и начинал что-то говорить о страховке, Боксер предлагал ему добыть деньги в «Антеме», или «Синем кресте», или где-то еще, а потом возвращаться к нему.

Небольшая конкуренция могла бы заставить его смягчить такую драконовскую политику, но полдесятка стоматологов, которые пытались практиковать в Честерс-Милле с начала девяностых, быстро отказывались от своих намерений. Ходили слухи, что добрый друг Боксера, Джим Ренни, помогал тому в борьбе с конкурентами, но доказательств никто привести не мог. А пока Боксер каждый день кружил по городу на своем «порше», и наклейка на заднем бампере оповещала: «МОЙ ВТОРОЙ АВТОМОБИЛЬ – ТОЖЕ „ПОРШЕ“!»

Когда Расти вместе с Барби вышел в коридор, Боксер направлялся к выходу. Или пытался направиться: Твитч ухватил его за руку в холле у дверей. В другой руке Боксер держал корзину, набитую вафлями «Эгго». Ничего больше, только упаковки и упаковки вафель. И Барби задался вопросом – уже не в первый раз, – а может, он лежит в канаве, что проходила за автомобильной стоянкой у «Дипперса», избитый до полусмерти, и все это видения, рожденные поврежденным мозгом?

– Я здесь не останусь! – кричал Боксер. – Я должен отнести это домой и положить в морозильную камеру! Из того, что вы предлагаете, все равно ничего не выйдет, так что отцепитесь от меня. – Барби заметил маленькую нашлепку из пластыря на брови Боксера и повязку на правой руке повыше локтя. Дантист, похоже, с боем добывал замороженные вафли. – Скажи этому громиле, чтоб отпустил меня, – обратился он к Расти, едва увидев его. – Мне оказали помощь, и теперь я иду домой.

– Пока еще нет. Вам оказали помощь, и я ожидаю, что вы за это расплатитесь.

Боксер, мужчина невысокий, выпрямился во все свои пять футов и четыре дюйма, расправил плечи и выпятил грудь.

– Ожидай и будь проклят! Я считаю, что челюстная хирургия – на нее у меня, кстати, нет разрешения штата Мэн – очень уж несоразмерная quid pro quo[11] за пару кусочков пластыря. Я работаю, чтобы жить, Эверетт, и исхожу из того, что моя работа должна оплачиваться.

– Вам все оплатят на небесах, – вставил Барби. – Разве не так говорит ваш друг Ренни?

– Он не имеет никакого от…

[11] Компенсация (*лат.*).

Барби приблизился на шаг и всмотрелся в зеленую корзину для покупок, которую Боксер держал в руке. На ручке виднелась четкая надпись: «СОБСТВЕННОСТЬ „МИРА ЕДЫ“». Боксер тут же попытался заслонить корзину, но без особого успеха.

– Раз уж разговор зашел об оплате, вы заплатили за эти вафли?

– Что вы такое говорите? Все брали всё. Я взял только это. – Он воинственно посмотрел на Барби. – У меня очень большая морозильная камера, и я обожаю вафли.

– «Все брали всё» – не такое уж весомое оправдание при обвинении в грабеже, – мягко указал Барби.

Боксер вроде бы не мог вытянуться еще больше, но каким-то образом вытянулся. Его лицо стало не просто красным – пунцовым.

– Так отведите меня в суд! Где он, *этот суд*? Дело закрыто! Ха! – Он начал поворачиваться к двери.

Барби протянул руку и схватился за корзину:

– Тогда я вафли просто конфискую.

– Вы не можете этого сделать!

– Нет? Так отведите меня в суд! – Барби улыбнулся. – Ох, я и забыл… где он, *этот суд*?

Доктор Боксер сверлил его злобным взглядом, губы его чуть разошлись, открыв верхушки миниатюрных, идеально ровных зубов.

– Мы приготовим эти вафли в кафетерии, – поддержал Барбару Расти. – Вкусно! Ням-ням!

– Да, пока еще есть электричество, чтобы поджарить их, – пробормотал Твитч. – Или можем нацепить их на вилки и приготовить над мусоросжигательной печью.

– Вы не можете этого сделать!

– Давайте определимся со всей ясностью, – настаивал Барби, – если вы не сделаете того, о чем просит вас Расти, я не позволю вам вынести отсюда вафли.

Учитель истории Чэз Бендер, с одной наклейкой из пластыря на переносице, а второй – на шее, рассмеялся. Недобрым смехом.

– Расплачивайся! Так ведь ты всегда говоришь, док?

Боксер перевел злобный взгляд на Бендера, потом на Расти.

– Шансы на то, что получится, почти что нулевые. Вы должны это знать.

Расти открыл жестянку из-под «Сукретс». В ней лежали шесть зубов.

– Тори Макдональд подобрала их около супермаркета. Встала на колени и копалась в лужах крови Джорджии Ру, чтобы найти. И если вы хотите в ближайшем будущем завтракать вафлями «Эгго», вам лучше вставить их обратно в челюсть Джорджии.

– А если я просто уйду?

Чэз Бендер сделал шаг вперед. Сжав кулаки.

– В этом случае, мой продажный друг, я изобью тебя в кровь на автостоянке.

– Я помогу, – вставил Твитч.

– А я помогать не буду, но посмотрю, – внес свою лепту Барби.

Послышались смех и аплодисменты.

Барби это позабавило, но при том засосало под ложечкой.

Плечи Боксера поникли. И сразу он превратился в маленького человечка, у которого возникли большие проблемы.

– Челюстной хирург, работая в оптимальных условиях, мог бы имплантировать эти зубы, и, наверное, они бы прижились, хотя он не стал бы давать никаких гарантий. В моем случае она может считать себя счастливицей, если приживутся один или два. Скорее, зубы попадут к ней в дыхательное горло, и она задохнется.

Полная женщина с копной пламенеющих рыжих волос отодвинула Чэза Бендера в сторону:

– Я посижу рядом, чтобы с ней этого не случилось. Я ее мать.

Доктор Боксер вздохнул:

– Она в сознании?

Прежде чем он получил ответ, к больнице подъехали два патрульных автомобиля, один из них – зеленый чифа. Из одного вылезли Фредди Дентон, Ренни-младший, Френк Дилессепс и Картер Тибодо. С переднего сиденья зеленого – чиф Рэндолф и Джекки Уэттингтон. С заднего – жена Расти. Подойдя к дверям больницы, они достали оружие.

Маленькая толпа, наблюдавшая за противостоянием с Джо Боксером, зашумела и подалась назад. Многие, несомненно, ожидали, что их арестуют за участие в грабеже.

Барби повернулся к Расти:

– Посмотри на меня.

– Что ты…

– Посмотри на меня! – Барби поднял руки, показал их ему с обеих сторон. Потом задрал футболку, продемонстрировал сначала плоский живот, потом спину: – Видишь какие-то ссадины? Синяки?

– Нет.

– Проследи, чтобы они об этом узнали.

На большее у него не хватило времени. Рэндолф со своим войском уже миновал двери.

– Дейл Барбара, шаг вперед!

Барби вышел до того, как Рэндолф наставил на него пистолет. Потому что бывали несчастные случаи. Иной раз совсем не случайные.

Барби увидел недоумение Расти и проникся еще большей симпатией к такому наивному фельдшеру. Увидел Джину Буффалино и Гарриет Бигелоу, их широко раскрытые глаза. Но в основном сосредоточился на чифе Рэндолфе и его копах. Все стояли с каменными лицами, разве что в глазах Тибодо и Дилессепса читалась удовлетворенность. Для них это была всего лишь расплата за ту ночь у «Дипперса». И расплачиваться, похоже, предстояло по полной.

Расти встал перед Барби, словно заслоняя его.

– Не делай этого, – прошептал Барби.

– Расти, нет! – вскрикнула Линда.

– Питер, в чем дело? – спросил Расти. – Барби помогает мне и делает это чертовски хорошо.

Барби боялся отодвинуть здоровяка фельдшера, боялся даже прикоснуться к нему. Он лишь поднял руки, очень медленно, ладонями вперед.

Увидев, как Барби поднимает руки, Младший и Фредди Дентон направились к нему. Быстро. Младший даже толкнул Рэндолфа, и «беретта», зажатая в кулаке чифа, выстрелила. Грохот раздался оглушительный. Пуля вонзилась в деревянный пол в трех дюймах от правой ноги Рэндолфа, оставив на удивление большую дыру. В воздухе повис запах сгоревшего пороха.

Джина и Гарриет закричали и бросились бежать к главному коридору, перепрыгивая через ползущего по полу Джо Боксера. Тот втянул голову в плечи, а его всегда аккуратно зачесанные волосы падали на лицо. Брендэн Эллерби, которому свернули челюсть, пнул стоматолога в плечо, когда тот проползал мимо. Жестянка выскочила из руки Боксера, ударилась о стол регистратора, раскрылась. Зубы, которые с таким тщанием собирала Тори Макдональд, разлетелись в разные стороны.

Младший и Фредди схватили Расти, который и не пытался сопротивляться. На его лице читалось полнейшее недоумение. Копы оттолкнули фельдшера в сторону. Ноги его заплелись. Линда попыталась удержать Расти, но они вместе упали на пол.

– Какого хрена?! – проревел Твитч. – Какого хрена?!

Чуть прихрамывая, Картер Тибодо направился к Барби, который видел, что его ждет, но рук не опускал. Потому что, если б опустил, его могли убить. И не только его. После того как выстрелил один пистолет, шансы, что выстрелят другие, повысились.

– Привет, дружище. А ты, однако, даром времени не терял. – Тибодо ударил Барби в живот.

Тот напряг мышцы, готовясь к удару, но все равно согнулся пополам. Силы у Тибодо хватало.

– Прекратите! – прокричал Расти. На лице все еще отражалось недоумение, но теперь к нему добавилась злость. – Немедленно прекратите, к чертовой матери!

Он пытался подняться, но Линда обвила его руками и не пускала:

– Нет! Нет! Он опасен!

– Что? – Расти повернул голову и изумленно посмотрел на жену: – Ты рехнулась?

Барби по-прежнему поднимал руки, показывая копам, что они пустые. Стоял он согнувшись, так что возникало впечатление, что Барби низко кланяется, приветствуя их.

– Тибодо, отойди! – приказал Рэндолф. – Этого достаточно.

– Убери пистолет, идиот! – крикнул Расти чифу. – Хочешь кого-нибудь убить?

Рэндолф бросил на него полный презрения взгляд, повернулся к Барби:

– Выпрямляйся, сынок.

Барби выпрямился. Превозмогая боль, но выпрямился. Он знал, что сейчас катался бы по полу, жадно ловя ртом воздух, если б не приготовился к удару Тибодо. И тогда Рэндолф попытался бы поднять его на ноги пинками? И другие копы присоединились бы к нему, несмотря на большое количество зрителей, которые теперь подбирались поближе, чтобы лучше видеть? Разумеется, потому что кровь в копах кипела. Так уж обычно разворачивались события в подобных ситуациях.

– Я арестовываю тебя за убийства Анджелы Маккейн, Дорин Сандерс, Лестера Коггинса и Бренды Перкинс.

От каждого имени Барби вздрагивал, но последнее поразило его в самое сердце. Эта славная женщина забыла про осторожность. Барби не винил ее – она так горевала по мужу, – но мог винить себя, потому что позволил ей пойти к Ренни. Более того, подтолкнул к этому.

– Что произошло? – спросил он Рэндолфа. – Что, во имя Бога, вы сделали?

– Как будто ты не знаешь, – фыркнул Фредди Дентон.

– Что же ты за маньяк такой? – Лицо Джекки Уэттингтон перекосило от презрения, глаза стали маленькими от ярости.

Барби их проигнорировал. Он всматривался в лицо Рэндолфа, по-прежнему не опуская рук. Требовался лишь малейший повод, чтобы копы набросились на него. Даже Джекки, обычно милейшая женщина, могла к ним присоединиться, пусть ей требовалась веская причина, а не повод. А может, и этого не требовалось. Иногда ломались и хорошие люди.

– Тогда у меня есть вопрос получше, – продолжил Барби. – Почему вы позволяете Ренни творить такое? Это же его дела, о чем вы прекрасно знаете. Все следы ведут к нему.

– Заткнись! – Рэндолф повернулся к Младшему: – Надень на него наручники.

Младший потянулся к Барби, но, прежде чем успел коснуться его, Барби убрал руки за спину и развернулся. Расти и Линда оставались на полу. Линда обнимала мужа, удерживая его.

– Помни, – сказал ему Барби, когда пластиковые наручники стянули запястья, врезаясь в кожу.

Расти встал. Когда Линда попыталась удержать его, оттолкнул ее и одарил взглядом, которого она никогда не видела. В нем читалась суровость, упрек, но и жалость.

– Питер, – обратился он к начальнику полиции, а когда тот начал отворачиваться, возвысил голос до крика: – *Я с тобой говорю!* Смотри на меня, когда я это делаю! – Рэндолф повернулся. Его лицо превратилось в каменную маску. – Барби знал, что вы идете за ним.

– Конечно, знал, – вставил Младший. – Он, возможно, псих, но ведь не дурак.

Расти на него и не посмотрел.

– Он показал мне руки, лицо, поднял футболку, чтобы я мог увидеть его живот и спину. Все чисто, не считая синяка, который появится после удара Тибодо.

– Три женщины! – подал голос Картер. – Три женщины и священник! Он это заслужил.

Расти по-прежнему смотрел на Рэндолфа:

– Это подстава.

– При всем уважении к тебе, Эрик, это не твоя епархия. – Рэндолф убрал пистолет в кобуру. К всеобщему облегчению.

– Совершенно верно, я – лекарь, не коп и не адвокат. И говорю тебе следующее. Если мне доведется увидеть его, пока он будет под твоей опекой, и у него обнаружатся ссадины и синяки, да поможет тебе Бог.

– А что ты собираешься сделать? Позвонишь в Союз гражданских свобод? – Губы Френка Дилессепса побелели от ярости. – Твой друг забил до смерти четырех человек. У Бренды Перкинс сломана шея. Одна из девушек была моей невестой, и она изнасилована. Вероятно, и после смерти, и до нее: так все это выглядит. – Большинство тех, кто разбежались при выстреле, уже вернулись, и теперь по толпе пронесся стон. – И такого парня ты защищаешь? Да тебя самого надо за это посадить в тюрьму!

– Френк, заткнись! – бросила Линда.

Расти посмотрел на Дилессепса, мальчика, которого он лечил от ветряной оспы и свинки, из волос которого выбирал вшей – Френк привез их из летнего лагеря, – которому гипсовал левую руку, сломанную во время игры в бейсбол, а однажды, у двенадцатилетнего, снимал жуткий зуд, вызванный ядовитым плющом. Он видел мало общего между тем мальчиком и этим мужчиной.

– И если меня посадят в тюрьму? Что потом, Френк? Что будет, если у твоей матери случится очередной приступ желчнокаменной болезни, как в прошлом году? Мне придется подождать с лечением, пока ее не пустят в тюрьму?

Френк шагнул к нему, поднимая руку, чтобы отвесить оплеуху или ударить кулаком. Младший перехватил ее:

– Он свое получит, не волнуйся. Все получат, кто на стороне Барби. Когда придет время.

– Стороне? – В голосе Расти слышалось искреннее изумление. – О каких сторонах ты говоришь? У нас тут не футбол. – Младший улыбнулся, словно знал какой-то секрет. Расти повернулся к Линде: – И такое говорят твои коллеги. Тебе это нравится?

Какие-то мгновения она не могла поднять на него глаз. Потом подняла.

– Они озлоблены, это так, но я их не виню. Я тоже зла. Четыре человека, Эрик… или ты не слышал? Он убил их и почти наверняка изнасиловал двух женщин. Я помогала вынимать тела из катафалка у Боуи. Я видела пятна.

Расти покачал головой:

– Я провел с ним все утро, наблюдая, как он помогает людям, а не причиняет им боль.

– Пошли, – подал голос Барби. – Отойди, здоровяк. Сейчас не вре…

Младший ткнул его в ребра. Сильно.

– У тебя есть право молчать, сучий потрох!

– Он это сделал. – Линда протянула руку Расти, поняла, что он не собирается ее взять, и рука упала как плеть. – Его армейские жетоны нашли в руке Энджи Маккейн.

Расти потерял дар речи. Мог только смотреть, как Барби усаживают в автомобиль чифа и запирают на заднем сиденье. Наручники с рук никто не снял. Но на одно мгновение Барби встретился с Расти взглядом. И качнул головой. Один раз, коротко и твердо.

Потом его увезли.

В холле больницы воцарилась тишина. Младший и Френк уехали с Рэндолфом. Картер, Джекки и Фредди Дентон шли ко Второму патрульному автомобилю. Линда стояла и смотрела на мужа с мольбой и злостью в глазах. Потом злость ушла. Она шагнула к нему, подняла руки, ожидая, что ее обнимут, хотя бы на несколько секунд.

– Нет! – отрезал он.

Она замерла:

– Да что с тобой такое?

– А что такое с тобой? Или ты не поняла, что здесь сейчас произошло?

– Расти, Энджи держала в руке армейские жетоны Барби.

Он медленно кивнул:

– И все сразу стало ясно, ты это хочешь сказать?

Ее лицо, на котором отражались боль и надежда, застыло. Линда заметила, что по-прежнему протягивает к нему руки, и опустила их.

– Четыре человека, трое избиты до неузнаваемости. Стороны есть, и ты должен подумать, какую тебе принять.

– И ты тоже, сладенькая.

– Линда, иди сюда! – снаружи позвала Джекки.

Расти внезапно понял, что они не одни и среди тех, кто стоит вокруг, многие постоянно голосовали за Джима Ренни.

– Подумай о происшедшем, Лин. И подумай о том, на кого работает Пит Рэндолф.

– Линда! – вновь позвала Джекки.

Линда Эверетт ушла, опустив голову. Не оглянулась. Расти держался, пока она не села в патрульный автомобиль. Потом его начало трясти. Он подумал, что упадет, если сейчас же не сядет.

Рука легла на его плечо. Твитча.

– Ты в порядке, босс?

– Да. – Как будто от этого слова все могло прийти в норму. Барби увезли в тюрьму, и Расти впервые поссорился с женой за… сколько?.. Четыре года?.. Скорее, за шесть. Нет, он был далеко не в порядке.

– У меня вопрос, – продолжил Твитч, – если людей убили, почему тела увезли в «Похоронное бюро Боуи», а не привезли сюда для посмертного вскрытия? Чья это была идея?

Прежде чем Расти успел ответить, погас свет. Контейнер с пропаном, питающий генератор больницы, опустел.

9

Когда они втроем смели все тушеное мясо с овощами (на том ее запасы мяса и закончились), Клер предложила им встать перед ней. Серьезно смотрела на них, а они – на нее, такие юные и пугающе решительные. Потом со вздохом протянула Джо рюкзак.

Бенни заглянул в него и увидел три сандвича с ореховым маслом и джемом, три яйца, три бутылки «снэппла»[12] и шесть овсяных печений с изюмом. И даже с полным после ленча желудком просиял:

– Великолепно, миссис Макклэтчи! Вы настоящая…

Она не повернулась к нему. Пристально смотрела на Джо.

– Я понимаю, что это важное дело, потому пойду с вами. Даже могу подвезти вас, если…

– Нет никакой необходимости, мама. Доехать туда – пара пустяков.

– И никакой опасности нет, – добавила Норри. – Дороги пустые.

Клер не отрывала от сына строгого материнского взгляда:

– Но я хочу получить два обещания. Первое, вы вернетесь домой до темноты. И я говорю не о том времени, когда сумерки переходят в ночь. Вы должны быть здесь, пока солнце еще будет над горизонтом. И второе, если вы что-то найдете, отметьте место нахождения этого что-то, а потом оставьте его в покое. Я согласна с тем, что в поисках этого что-то лучше вас троих никого нет, но разбираться с ним – дело взрослых. Так вы даете мне слово? Даете, или мне придется ехать с вами в роли наставницы?

На лице Бенни отразилось сомнение.

– Я никогда не бывал на Блэк-Ридж-роуд, миссис Макклэтчи, но проезжал мимо. Не думаю, что эта дорога годится для вашего «цивика».

– Тогда или вы даете слово, или остаетесь здесь. Как это вам?

Джо пообещал. Остальные двое – тоже. Норри даже перекрестилась.

Джо уже собрался закинуть рюкзак за спину, когда Клер сунула в него мобильник:

– Не потеряй его, мистер.

– Не потеряю, мама. – Джо переминался с ноги на ногу, ему не терпелось уйти.

– Норри! Могу я надеяться, что ты не потеряешь голову, если у этих двоих откажут тормоза?

– Да, мэм, – без запинки ответила Норри Кэлверт, как будто за прошлый год не было тысячи случаев, когда на своем скейте она могла не только переломать все кости, но и сломать шею. – Можете быть уверены.

– Я надеюсь на это. Очень надеюсь. – Клер потерла виски, словно заболела голова.

– Потрясающий ленч, миссис Макклэтчи! – воскликнул Бенни и поднял руку: – Дайте пять.

– Господи, что я делаю? – задала риторический вопрос Клер. Потом хлопнула по его ладони своей.

[12] «Снэппл» – прохладительный напиток на основе сока или чая.

10

За высокой, по грудь, стойкой, установленной в просторном холле полицейского участка, куда приходили люди, чтобы сообщить о краже, вандализме или пожаловаться на громко лающую соседскую собаку, находилась дежурная часть со столами, шкафчиками и кофеваркой с ворчливой надписью: «КОФЕ И ПОНЧИКИ НЕ БЕСПЛАТНЫЕ». Там же производилось оформление арестованных. Здесь Барби сфотографировал Фредди Дентон, а Генри Моррисон снял отпечатки его пальцев. Во время этой операции Питер Рэндолф и Дентон стояли рядом с пистолетами наготове.

– Расслабь, расслабь их! – кричал Генри. Это был не тот человек, который обожал поболтать с Барби о соперничестве «Ред сокс» и «Янки» за ленчем в «Эглантерии» (всегда сандвич с беконом, салатом и помидором плюс соленый огурчик). Сейчас он выглядел так, будто с радостью врезал бы Дейлу Барбаре в нос. – Не катай их, я сам это сделаю, просто расслабь!

Барби хотел сказать Генри, что трудно расслабить руки, когда рядом стоят люди с пистолетами на изготовку, особенно если ты знаешь, что они с удовольствием пустят оружие в ход. Но не раскрыл рта и сосредоточился на том, чтобы расслабить пальцы, давая возможность Генри их откатать. И вроде бы получилось у него неплохо. При других обстоятельствах он бы спросил Генри, а зачем им такие формальности, но не высказался и по этому поводу.

– Хорошо. – Генри наконец решил, что отпечатки получились. – Отведите его вниз. Я хочу вымыть руки. Дотронуться до него – что в грязи изваляться.

Джекки и Линда стояли с одной стороны. Теперь, когда Рэндолф и Дентон убрали пистолеты, обе женщины достали свои. Нацеливать на Барби не стали, но могли это сделать в любой момент.

– Если б я мог, выблевал бы все, чем ты меня кормил, – добавил Генри. – Мне противно на тебя смотреть.

– Я ничего не сделал. Подумай об этом, Генри. – Моррисон только отвернулся.

С тем чтобы подумать, здесь нынче туго, напомнил себе Барби. Не сомневаясь в том, что именно к этому и стремился Ренни.

– Линда, миссис Эверетт…

– Не обращайся ко мне. – Ее лицо было бумажно-белым, если не считать лиловых полукружий под глазами. Они выглядели как синяки.

– Топай, золотце, – фыркнул Дентон и ткнул кулаком в спину Барби, чуть выше почки. – Твои апартаменты ждут.

11

Джо, Бенни и Нора катили на велосипедах в сторону Блэк-Ридж-роуд. День выдался по-летнему жарким, в душном воздухе висела дымка. Не чувствовалось ни дуновения ветерка. По обеим сторонам дороги в высокой траве сонно стрекотали цикады. Небо на горизонте пожелтело, и Джо поначалу решил, что видит облака. Потом понял, что это смесь пыльцы и загрязнений, осевшая на Купол. Здесь река Престил-Стрим находилась совсем рядом с дорогой и бежала на юго-восток, к Касл-Року, чтобы влиться в могучий Андроскоггин. До ушей ребят долетали стрекот цикад и карканье ворон, рассевшихся вдоль реки по деревьям.

И вот они подъехали к Блэк-Ридж-роуд, проселочной дороге в больших рытвинах. У съезда стояли два покосившихся щита-указателя. На левом они прочитали: «РЕКОМЕНДУЕТСЯ 4-КОЛЕСНЫЙ ПРИВОД». На правом: «МАКСИМАЛЬНО РАЗРЕШЕННЫЙ ВЕС – 4 ТОННЫ. ПРОЕЗД ПО МОСТУ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛЫХ ГРУЗОВИКОВ ЗАПРЕЩЕН». Оба щита изрешечены пулями.

– Мне нравится город, где жители регулярно упражняются в стрельбе, – заметил Бенни. – Есть уверенность, что Эль Клайдер здесь не пройдет.

– «Аль-Каида», недоумок, – поправил его Джо.

Бенни покачал головой, самодовольно улыбаясь.

– Я говорю об Эль Клайдере, знаменитом мексиканском бандите, который перебрался в Западный Мэн, чтобы избежать…

– Давайте опробуем счетчик Гейгера. – Норри спешилась.

Счетчик вновь лежал в корзинке, закрепленной над задним крылом «швинна» Бенни. Они завернули его в несколько полотенец, позаимствованных из корзины для тряпок в доме Макклэтчи. Бенни достал счетчик и протянул Джо; желтый прибор ярким пятном выделялся на тусклом ландшафте. Улыбка Бенни исчезла.

– Сделай это ты. Я слишком нервничаю.

Джо какое-то время смотрел на счетчик Гейгера, потом отдал его Норри.

– Трусохвосты, – добродушно прокомментировала она и включила прибор. Стрелка тут же прыгнула к +50. Увидев это, Джо почувствовал, как сердце вдруг забилось в горле, а не в груди.

– Вау! – воскликнул Бенни. – Мы взяли след!

Норри оторвала взгляд от стрелки, застывшей на достаточно большом (примерно половина шкалы) расстоянии от красного, и посмотрела на Джо:

– Идем дальше?

– Черт, конечно!

12

В полицейском участке проблем с энергоснабжением не наблюдалось – по крайней мере пока. Выложенный зелеными плитками коридор тянулся на всю длину подвала. Флуоресцентные лампы под потолком круглосуточно заливали подвал ровным депрессивным светом. На рассвете или глубокой ночью – здесь всегда царил полдень. Чиф Рэндолф и Фредди Дентон эскортировали Барби (если так можно сказать, потому что они сжимали ему бицепсы) вниз по ступенькам. Женщины-патрульные шли следом с пистолетами в руках.

Слева находился архив. Справа – пять камер, две на каждой стороне и одна в дальнем конце. Последняя уступала остальным в размерах, с узкой койкой и стальным унитазом без сиденья, и именно к ней потащили Барби.

По приказу Пита Рэндолфа – он получил его от Большого Джима – даже самых худших актеров, участвовавших в пьесе «Погром супермаркета», отпустили на все четыре стороны (не интересуясь, куда они теперь пойдут), так что камеры вроде бы пустовали. Поэтому для всех стало сюрпризом внезапное появление Мелвина Сирлса из камеры номер четыре, где тот затаился. В руке он держал спортивный носок, набитый чем-то тяжелым, – самодельную дубинку. Повязка низко сползла на лоб, черные очки прикрывали синяки вокруг глаз. Поначалу Барби решил, что на него сейчас нападет Человек-невидимка.

– Ублюдок! – прокричал Мел и замахнулся носком. Барби пригнулся. Носок просвистел над головой и ударил Фредди Дентона по плечу. Тот взревел и выпустил руку Барби. Позади них закричали женщины. – Гребаный убийца! Кому ты заплатил, чтобы мне разбили голову? А? – Мел вновь размахнулся и на этот раз попал по левому бицепсу Барби. Рука онемела. В носок Мел насыпал не песок, положил что-то тяжелое. Металлическое или стеклянное, но, во всяком случае, круглое. Если б с острыми углами – потекла бы кровь. – Ты, гребаный, вонючий гондон! – проревел Сирлс и вновь замахнулся носком-дубинкой.

Чиф Рэндолф отскочил назад, тоже отпустив руку Барби. Тот схватился за верхнюю часть носка, поморщившись, когда груз врезался в запястье, с силой дернул на себя, вырвал носок-дубинку из руки Мела. В этот самый момент повязка налезла тому на черные очки.

– Стоять, стоять! – крикнула Джекки Уэттингтон. – Немедленно прекрати, заключенный, это единственное предупреждение!

Барби почувствовал, как холодное металлическое кольцо прикоснулось к его спине между лопатками. Не мог его видеть, но и так знал, что Джекки вдавила ему в спину пистолет. *Если она выстрелит, пуля войдет именно туда. И она может выстрелить, потому что это маленький город, где причина самой большой беды – чужаки, где даже профессионалы являются дилетантами*.

Он выронил носок. То, что в нем лежало, стукнулось о линолеум. Потом поднял руки.

– Мэм, я его бросил. Мэм, я безоружен, пожалуйста, опустите пистолет.

Мел сдвинул ослепившую его повязку. Она начала разматываться, словно тюрбан. Он ударил Барби дважды, в солнечное сплетение и живот. На этот раз к ударам Барби не подготовился, так что воздух вырвался из легких с громким «ПАХ!». Он согнулся пополам, потом упал на колени. Мел врезал ему по шее – а может, это сделал Фредди; насколько мог знать Барби, такой удар мог нанести и сам Бесстрашный Лидер, – и он растянулся на зеленом полу, а мир уходил все дальше и становился все тише. Что он видел ясно и отчетливо – так это выбоину на одной из плит. И почему нет? Она находилась менее чем в дюйме от его глаз.

– Прекратите, прекратите, прекратите его бить! – Голос доносился из далекого далека, но Барби не сомневался, что принадлежит он жене Расти. – Он лежит, разве вы не видите, что он лежит?

Вокруг в сложном танце двигались ноги. Кто-то наступил ему на задницу, споткнулся, крикнул: «Твою мать!» Барби пнули в бедро. Только происходило это где-то далеко. Возможно, потом бедро разболится, но пока все было не так уж плохо.

Чьи-то руки схватили его и привели в вертикальное положение. Барби попытался поднять голову, но потом понял, что лучше позволить ей висеть. Его потащили к камере в конце коридора, зеленые плиты скользили под ногами. Что там сказал Дентон наверху? «Твои апартаменты ждут».

Но я сомневаюсь, что горничная положила на подушку мятную конфетку, подумал Барби. Впрочем, его это не волновало. Он хотел остаться один, чтобы зализать свои раны.

У двери в камеру кто-то приложился ногой к его заду, чтобы придать ему дополнительное ускорение. Барби бросило вперед, он выставил перед собой правую руку, чтобы не врезаться лицом в зеленую стену из шлакоблоков. Попытался поднять и левую, но она оставалась онемевшей ниже локтя. Впрочем, ему удалось защитить голову, и это радовало. Он ткнулся правой рукой в стену, отшатнулся, вновь упал на колени, на этот раз рядом с койкой, словно собирался произнести молитву перед сном. За его спиной с грохотом закрывалась сдвижная дверь-решетка.

Барби оперся руками о койку и поднялся, левая рука начинала слушаться. Повернулся и увидел уходящего Рэндолфа – сжатые кулаки, опущенная голова. За его спиной Дентон поправлял повязку на голове Сирлса, тогда как сам Сирлс смотрел на Барби (ярость его взгляда приглушали очки, чуть съехавшие с носа). За мужчинами, почти у лестницы, стояли женщины, на лицах обеих читались ужас и растерянность. Линда Эверетт побледнела еще больше, и Барби подумал, что ее глаза блестят от слез.

Он собрал всю волю в кулак и обратился к ней:

– Патрульная Эверетт. – Она подпрыгнула от неожиданности. Раньше называл ее кто-нибудь «патрульная Эверетт»? Если только школьники, когда она регулировала переход через дорогу – вероятно, исполняла самое сложное поручение, какое давали копу с частичной занятостью. Во всяком случае, до этой недели. – Патрульная Эверетт! Мэм! Пожалуйста, мэм!

– Заткнись! – рявкнул Фредди Дентон.

Барби не обратил на него ни малейшего внимания. Он думал, что вот-вот лишится чувств, во всяком случае, рухнет, но пока держался на ногах.

– Попросите вашего мужа осмотреть тела! Особенно миссис Перкинс! Мэм, он *должен* осмотреть тела! В больницу они не попадут! Ренни этого не допустит…

Вернулся Питер Рэндолф. Барби увидел, чтó он снял с ремня Фредди Дентона, и попытался прикрыть лицо руками, но те оказались слишком тяжелыми.

– Достаточно, сынок. – Рэндолф просунул между прутьями решетки баллончик с «Мейсом» и нажал на клапан.

13

На середине изъеденного ржавчиной моста Блэк-Ридж Норри остановила велосипед и посмотрела куда-то вперед.

– Нам бы не останавливаться, – заметил Джо. – Надо использовать оставшуюся часть дня.

– Я знаю, но посмотри. – Норри указала, куда надо смотреть.

На другом берегу, под крутым склоном и на сухой глине, появившейся на том месте, где до возникновения Купола текли воды Престил-Стрим, лежали четыре дохлых оленя: самец, две самки и однолетка. Все крупных размеров. Лето в Милле выдалось хорошим, и олени нагуляли вес. Джо видел облака мух, которые роились над трупами, даже слышал их сонное жужжание. В обычный день его перекрыл бы шум бегущей воды.

– Что с ними случилось? – спросил Бенни. – Ты думаешь, причина в той штуковине, которую мы ищем?

– Если ты говоришь о радиации, не думаю, что она убивает так быстро, – сказал Джо.

– Если только это не очень сильная радиация. – В голосе Норри слышалась тревога.

Джо указал на стрелку счетчика Гейгера:

– Возможно, ты права, но радиация не очень сильная. Даже если стрелка пройдет всю красную зону, не думаю, что этого хватит, чтобы убить такое большое животное, как олень, за три дня.

– Самец сломал ногу, это и отсюда видно, – поделился своими наблюдениями Бенни.

– Я уверена, одна из самок сломала две. – Норри прикрывала глаза рукой. – Передние. Видите, как они вывернуты?

Джо подумал, что самка умерла, пытаясь выполнить какой-то сложный акробатический кульбит.

– Думаю, они прыгнули, – предположила Норри. – Прыгнули с берега, как прыгают те похожие на крыс зверушки.

– Лемоны, – подсказал Бенни.

– Лемминги, куриные мозги, – поправил его Джо.

– Пытаясь от чего-то убежать? – спросила Норри. – Поэтому они прыгнули?

Ни один из мальчиков не ответил. Оба выглядели моложе, чем неделей раньше, как дети, которых заставляют слушать у походного костра очень уж страшную историю. Все трое стояли у велосипедов, глядя на мертвых оленей и слушая монотонное жужжание мух.

– Пошли? – предложил Джо.

– Думаю, это наш долг. – Норри перекинула ногу через раму, но поставила на землю.

– Точно. – Джо уселся на свой велосипед.

– Олли, это еще одна передряга, в которую ты меня втянул, – сказал Бенни.

– Что?

– Не важно. Поехали, мой брат по духу. Поехали.

Добравшись до дальнего края моста, они увидели, что ноги сломаны у всех оленей. Однолетка раздробил череп, вероятно, ударившись о валун, который в обычное время скрывала вода.

– Включи счетчик Гейгера, – предложил Джо.

Норри включила. На этот раз стрелка заплясала у +75.

14

Пит Рэндолф достал старый диктофон из одного из ящиков стола Герцога Перкинса, проверил его, убедился, что батарейки не сели. Когда вошел Ренни-младший, Рэндолф нажал на кнопку «ЗАПИСЬ» и поставил маленькое изделие «Сони» на край стола, где молодой человек мог его видеть.

Последний приступ мигрени Младшего практически сошел на нет. Лишь левая сторона головы чуть гудела, и он чувствовал себя совершенно спокойным; они с отцом отрепетировали показания, и Младший знал, что ему говорить.

«Это чистая проформа, – объяснил Большой Джим. – Пустая формальность».

Так оно и вышло.

– Как ты нашел тела, сынок? – Рэндолф откинулся на спинку вращающегося стула. Все личные вещи Перкинса он убрал в шкаф, стоящий у боковой стены. Теперь, после смерти Бренды, полагал, что выкинет их на помойку. Личные вещи могли представлять какую-то ценность только для родственников.

– Ну… – начал Младший, – я возвращался после патрулирования Сто семнадцатого… пропустил всю эту заваруху у супермаркета…

– Считай, что тебе повезло, – сказал Рэндолф. – Полнейшая хренотень, уж прости мой французский. Кофе?

– Нет, спасибо. У меня бывают мигрени, и кофе, похоже, только усиливает головную боль.

– Плохая привычка, между прочим. Не такая плохая, как сигареты, но плохая. Ты знал, что я курил, пока не был Спасен?

– Нет, сэр, не знал. – Младший надеялся, что этот идиот перестанет балаболить и позволит ему рассказать свою историю, чтобы он мог скорее выбраться отсюда.

– Да, Лестером Коггинсом. – Рэндолф прижал руки к груди. – Погружение с головой в Престил-Стрим. Сразу отдал сердце Иисусу. Особо усердным прихожанином, как некоторых, меня не назовешь; конечно же, в этом смысле меня не сравнить с твоим отцом, но преподобный Коггинс был хороший человек. – Рэндолф покачал головой. – На совести Дейла Барбары много чего. При условии, что у него есть совесть.

– Да, сэр.

– И за многое ему придется ответить. Я попотчевал его «Мейсом», и это всего лишь малая часть того, что его ждет. Итак. Ты возвращался с патрулирования и…

– И тут вспомнил, что кто-то говорил мне об автомобиле Энджи, который видел в гараже. Вы понимаете, в гараже дома Маккейнов.

– А кто тебе все-таки сказал?

– Френк? – Младший потер висок. – Думаю, Френк.

– Продолжай.

– Короче, я заглянул в одно из окон гаража и увидел, что ее машина там. Подошел к парадной двери и позвонил, но мне ее никто не открыл. Я пошел к двери черного хода, потому что встревожился. Там… пахло.

Рэндолф сочувственно кивнул.

– В принципе тебя вел нюх. Хорошая полицейская работа, сынок. – Младший пристально взглянул на Рэндолфа, гадая, это шутка или шпилька, но в глазах чифа читалось только искреннее восхищение. Младший осознал, что его отец нашел помощника (первым на ум пришло другое слово – *сообщника*) еще более тупого, чем Энди Сандерс. Хотя Младший представить себе не мог, что такое возможно. – Продолжай. Я понимаю, как это болезненно для тебя. Это болезненно для нас всех.

– Да, вы все говорите правильно. Заднюю дверь я нашел незапертой, сэр. Запах привел меня к кладовой. Я с трудом поверил тому, что там увидел.

– Ты увидел его армейские жетоны.

– Да. Нет. В каком-то смысле. Я увидел, что Энджи что-то держит в руке… на цепочке… но не мог сказать, что именно, ни к чему не хотел прикасаться. – Младший скромно потупил глаза. – Я знаю, что я всего лишь новобранец.

– Правильное решение! Умное решение. Знаешь, при обычных обстоятельствах мы бы вызвали целую команду экспертов из прокуратуры штата, чтобы действительно прижать Барбару к стене, но у нас необычные обстоятельства. Однако улик и так достаточно. Он, должно быть, круглый идиот, если оставил на месте преступления свои армейские идентификационные жетоны.

– Я достал мобильник и позвонил отцу. Судя по разговорам по радио, я понял, что вы здесь очень заняты…

– Заняты? – Рэндолф закатил глаза. – Сынок, ты еще просто мало знаешь. Но ты поступил правильно, позвонив отцу. Он, по существу, сотрудник полиции.

– Отец нашел двух патрульных, Фреда Дентона и Джекки Уэттингтон, и они приехали к дому Маккейнов. Линда Эверетт присоединилась к нам, когда Фредди фотографировал место преступления. Потом на катафалке приехали Стюарт Боуи и его брат. Отец подумал, что это наилучший вариант, потому что после бунта в больницу поступило много раненых и все такое.

Рэндолф кивнул:

– Правильное решение. Помогай живым, хорони мертвых. Кто нашел армейские жетоны?

– Джекки. Она карандашом разжала пальцы Энджи, и они выпали на пол. Фредди все сфотографировал.

– На суде это нам поможет. Нам придется провести его самим, если Купол останется на месте. Но мы это сделаем. Помнишь, что говорится в Библии? С верой мы можем сдвинуть горы. В котором часу ты нашел трупы, сынок?

– Около полудня. – *После того как попрощался с моими девочками*.

– И ты сразу позвонил отцу?

– Не сразу. – Младший посмотрел на Рэндолфа честными и искренними глазами. – Сначала я вышел из дома, и меня вырвало. Их страшно избили. Я никогда такого не видел. – Он шумно выдохнул, содрогнулся. Диктофон, разумеется, этого зафиксировать не мог, но Рэндолф увидел и запомнил. – Когда меня перестало рвать, я позвонил отцу.

– Ладно, думаю, это все, что мне нужно. – Больше никаких вопросов не было, не последовало даже требования написать рапорт (и хорошо, подумал Младший, потому что теперь у него начинала болеть голова, стоило ему взять в руки ручку). Рэндолф наклонился вперед, чтобы выключить диктофон. – Спасибо тебе, Младший. Почему бы тебе не закончить на сегодня? Иди домой и отдохни. Ты выглядишь уставшим.

– Я бы хотел быть здесь, когда вы будете его допрашивать, сэр. Барбару.

– Можешь не беспокоиться, что сегодня ты что-то упустишь. Мы дадим ему двадцать четыре часа, чтобы он поварился в собственном соку. Идея твоего отца, и очень хорошая. Мы допросим его завтра, во второй половине дня или вечером, и ты тут будешь. Даю тебе слово. Мы собираемся допросить его *с пристрастием*.

– Да, сэр. Хорошо.

– Без всей этой хрени о праве молчать.

– Понимаю, сэр.

– И спасибо Куполу, нам не придется передавать Барбару шерифу округа. – Рэндолф пристально посмотрел на Младшего. – Сынок, это будет тот самый случай, когда произошедшее в Вегасе останется в Вегасе.

Младший не знал, отвечать на его слова «да, сэр» или нет, потому что понятия не имел, о чем толкует этот идиот, сидевший за столом начальника полиции.

Рэндолф еще несколько мгновений пристально смотрел на него, словно хотел удостовериться, что они понимают друг друга, потом хлопнул в ладоши и поднялся.

– Иди домой, Младший. Вижу, тебе сегодня досталось.

– Да, сэр. И я думаю, что пойду. Немного отдохну.

– У меня в кармане лежала пачка сигарет, когда преподобный Коггинс окунул меня с головой, – сказал Рэндолф тоном человека, вспоминающего что-то очень дорогое его сердцу. Он обнял Младшего за плечи, когда они пошли к двери. Судя по выражению лица, Младший почтительно внимал, но ему хотелось орать от тяжести этой крепкой руки. Все равно что ему на шею надели мясное ярмо. – Они, разумеется, намокли и больше ни на что не годились. А другую пачку я так и не купил. Спасенный от дьявольской травы Сыном Господа. Как тебе такая милость?

– Захватывает дух, – удалось выдавить Младшему.

– Кто привлечет внимание, так это Бренда и Энджи, что совершенно нормально. Уважаемая женщина и юная девушка, перед которой лежала вся жизнь, но и у преподобного Коггинса были свои поклонники. Не говоря уже о большой и любящей пастве.

Краем левого глаза Младший видел тупые, широкие пальцы Рэндолфа. Задался вопросом, а что бы тот сделал, если б он наклонил голову и вгрызся в эти пальцы. Может, откусил бы один и выплюнул на пол.

– И не забывайте Доди. – Младший не знал, почему он это сказал, но сработало. Рука Рэндолфа соскользнула с его плеча. Чиф застыл как громом пораженный. И Младший осознал: Рэндолф забыл про Доди.

– Господи! – простонал Рэндолф. – Доди. Кто-нибудь позвонил Энди и сказал ему?

– Не знаю, сэр.

– Твой отец наверняка позвонил, а?

– Он так занят.

И Младший говорил правду. Большой Джим сидел в домашнем кабинете, готовил речь для городского собрания в четверг, которую собирался произнести перед тем, как горожане проголосовали бы за наделение членов городского управления чрезвычайными полномочиями на период кризиса.

– Мне лучше позвонить ему. Но сначала, наверное, надо помолиться. Не хочешь преклонить со мной колени, сынок?

Младший предпочел бы вылить жидкость для заправки зажигалок себе в штаны и поджечь собственные яйца, но он этого не сказал.

– Говори с Богом один на один, и ты яснее услышишь Его ответ. Так часто повторяет мой отец.

– Хорошо, сынок. Это дельный совет.

Прежде чем Рэндолф успел сказать что-то еще, Младший выскользнул из кабинета, а потом и из полицейского участка. Он пошел домой, глубоко задумавшись, скорбя о потерянных подружках и гадая, сможет ли он найти новую. Хорошо бы и не одну.

Под Куполом всякое могло случиться.

15

Рэндолф пытался молиться, но одолевали совсем другие мысли. А кроме того, Бог помогал тем, кто помогал себе сам. Он не был уверен, что так написано в Библии, но точно знал, что это правда. Он позвонил Сандерсу на мобильник, взяв номер из списка, приколотого к информационной доске на стене. Надеялся, что не дождется ответа, но услышал голос Энди после первого гудка… Закон подлости, понятное дело.

– Привет, Энди. У меня печальная весть, друг мой. Может, тебе лучше сесть.

Разговор вышел трудный. Ужасный, если по-честному. Закончив его, Рэндолф забарабанил пальцами по столу. Подумал – снова, – что не очень-то огорчался бы, если б сейчас за этим столом сидел Герцог Перкинс. Может, совсем не огорчался. Получалось, что это куда более тяжелая и грязная работа, чем он себе представлял. Отдельный кабинет не стоил такой ноши, что легла теперь на него. Даже зеленый автомобиль чифа не стоил; всякий раз, когда он садился за руль и его зад соскальзывал во впадину, оставленную куда более массивными ягодицами Герцога, в голове мелькала мысль: *Ты для этого не годишься*.

Сандерс уже направлялся сюда. Хотел встретиться с Барбарой лицом к лицу. Рэндолф пытался его отговорить: мол, Энди лучше бы провести ближайшее время на коленях, молясь за упокой жены и дочери, не говоря уж о том, чтобы попросить у Господа сил нести этот крест, но Энди сразу же оборвал связь.

Рэндолф вздохнул и набрал другой номер. После двух гудков в его ухо ворвался раздраженный голос Большого Джима:

– Что? Что?

– Это я, Джим. Я знаю, что ты работаешь, и мне очень не хочется отрывать тебя, но не мог бы ты приехать? Мне нужна помощь.

16

Трое подростков стояли в ярком послеполуденном свете, под небом, определенно отливавшим желтым, и смотрели на мертвого медведя, лежащего у телеграфного столба. Столб наклонился. В четырех футах от земли из пропитанного креозотом дерева торчали щепки, и его марала кровь. И что-то другое. Белое. Похоже, осколки кости. И серое, губчатое. Должно быть, мозги…

Джо отвернулся, пытаясь взять под контроль рвотный рефлекс. И ему это почти удалось, но тут с громким хлюпаньем Бенни вырвало, и Норри последовала его примеру. Тут уж и Джо составил им компанию.

Когда они чуть оклемались, Джо снял рюкзак, откинул клапан, распустил веревку, достал три бутылки «снэппла» и раздал. Первым глотком прополоскал рот и выплюнул. Бенни и Норри повторили. Потом все начали пить. Сладкий чай заметно согрелся, но для пересохшего горла казался бальзамом.

Норри сделала два осторожных шага к черной, облепленной мухами туше у основания столба.

– Та же история, что и с оленями. Бедняга не нашел речного берега, чтобы прыгнуть с него, вот и вышиб себе мозги, колотясь головой о телеграфный столб.

– Может, у него бешенство, – сиплым голосом предположил Бенни. – Может, у оленей тоже.

Джо подумал, что такая возможность существует, но вероятность крайне мала.

– Насчет этих самоубийств… вот что я думаю. – Он ненавидел дрожь в голосе, но иначе говорить не получалось. – Киты и дельфины такое делают – выбрасываются на берег. Я видел по телику. И отец говорил мне, то же случается и с восьминогами.

– О, осьминоги, – поправила его Норри.

– Как ни назови. Отец говорит, когда загрязняется среда их обитания, они отгрызают собственные щупальца.

– Чувак, ты хочешь, чтобы меня снова вырвало? – Голос Бенни звучал устало и раздраженно.

– Именно это здесь и происходит? – спросила Норри. – Загрязнение окружающей среды?

Джо посмотрел на пожелтевшее небо. Потом указал на юго-запад, где на Купол осела сажа после пожара, вызванного ракетным ударом. Высота пятна составляла двести или триста футов, ширина – милю. А то и больше.

– Да, но это другое, – прокомментировала Норри. – Ведь так?

Джо пожал плечами.

– А вдруг у нас может появиться острое желание покончить с собой, так не пора ли нам повернуть назад? – мрачно произнес Бенни. – Потому что мне есть ради чего жить. Я еще ни разу не победил в «Вархаммер».

– Попробуем счетчик Гейгера на медведе, – предложила Норри.

Джо направил трубку на тушу. Стрелка не ушла к нулю, но и не двинулась дальше.

Норри указала на восток. Впереди дорога выходила из рощи черных дубов, которые и дали название этому месту. Джо подумал, что, выйдя из-под деревьев, они смогут увидеть яблоневый сад на вершине Блэк-Риджа.

– Давайте выйдем из-под деревьев, – словно прочитала его мысли Норри. – Там посмотрим, что покажет счетчик. Если стрелка двинется дальше, мы вернемся в город и скажем доктору Эверетту, или этому Барбаре, или им обоим. Пусть они сами разбираются.

На лице Бенни отражалось сомнение:

– Ну, не знаю.

– Если мы как-то странно себя почувствуем, то повернем немедленно, – нашел компромисс Джо.

– Если это может помочь, мы должны это сделать, – настаивала Норри. – Я хочу выбраться из Милла до того, как окончательно свихнусь.

Она улыбнулась, чтобы показать, что это шутка, но слова не прозвучали как шутка, и Джо не воспринял их шуткой. Многие прохаживались насчет того, какой маленький городок этот Милл, – вероятно, потому-то здесь и стала такой популярной песня Джеймса Макмертри. И еще демографический аспект. Он мог вспомнить только одну азиатку – Памелу Чен, которая иногда помогала Лиссе Джеймисон в библиотеке, а черных людей здесь не было вовсе, после того как Лаверти уехали в Обурн. Никакого «Макдоналдса», не говоря уже о «Старбаксе», и кинотеатр давно закрылся. Но раньше этот город казался ему очень большим, ему вполне хватало места, чтобы познавать мир. Удивительно, как сильно сжался Милл в мыслях Джо, едва только выяснилось, что он, и мать, и отец не могут сесть в автомобиль и поехать в Льюистон, чтобы поесть жареных моллюсков и мороженое в «Йодерсе». Конечно, город располагал немалыми запасами, но в какой-то момент закончатся и они.

– Ты права, – кивнул он. – Это важно. Стоит рискнуть. По крайней мере я так думаю. Если хочешь, Бенни, ты можешь остаться здесь. Эта часть миссии сугубо добровольная.

– Нет, я с вами! Если позволю вам пойти без меня, вы приравняете меня к собакам.

– Уже приравняли! – одновременно воскликнули Джо и Норри, потом переглянулись и рассмеялись.

17

– Это правильно, плачь!

Голос доносился очень уж издалека. Барби повернулся на голос, но никак не мог открыть горящие глаза.

– Тебе есть много о чем плакать!

Человек, произносящий эти фразы, похоже, сам плакал. И голос казался знакомым. Барби попытался посмотреть на него, но веки раздулись и отяжелели. А глазные яблоки под ними пульсировали в такт ударам сердца. И носовые пазухи так забились, что в ушах трещало, стоило ему сглотнуть.

– Почему ты убил ее? Почему ты убил мою девочку?

Какой-то сукин сын вырубил меня «Мейсом». Дентон? Нет, Рэндолф.

Барби удалось разлепить глаза, прижав ладони к бровям и потянув их вверх. Он увидел Энди Сандерса, который стоял у его камеры. По щекам катились слезы. И что видел Сандерс? Человека в камере, а сидящий в камере всегда выглядит виновным.

– Она – это все, что у меня было! – прокричал Сандерс.

Рэндолф стоял у него за спиной, выглядел недовольным и переминался с ноги на ногу, будто мальчишка, которому уже минут двадцать как следовало отпроситься в туалет. Даже с горящими глазами и забитым носом Барби не удивился, что Рэндолф позволил Сандерсу спуститься в подвал. Энди Сандерс был первым членом городского управления, и чиф находил практически невозможным сказать ему «нет».

– Ладно, Энди, этого достаточно, – заговорил Рэндолф. – Ты хотел его увидеть, и я тебе разрешил, пусть даже это и не по правилам. Он за решеткой, как и должно, и он заплатит за все, что сделал. А теперь пойдем наверх, я налью тебе чашку…

Энди схватил Рэндолфа за грудки. Чиф возвышался над ним на добрых четыре дюйма, но все равно выглядел испуганным. Барби его не винил. Он смотрел на мир сквозь густо-красную пелену, но мог разглядеть распиравшую Энди ярость.

– Дай мне твой пистолет! Суд для него – большая честь. Он все равно выскользнет. У него друзья в высоких местах. Джим так говорит! Я хочу посчитаться с ним! Я имею право посчитаться с ним, *так что дай мне твой пистолет*!

Барби не думал, что желание Рэндолфа ублажить руководство города простирается так далеко, сомневался, что чиф отдаст пистолет, чтобы Энди смог пристрелить его, как крысу в дождевой бочке, но полной уверенности у него не было. Возможно, существовала какая-то другая причина, помимо желания ублажить, по которой Рэндолф привел Сандерса вниз, и привел одного.

Барби с трудом поднялся на ноги.

– Мистер Сандерс. – «Мейс» попал и в рот. Язык и горло раздулись. Он не говорил, а крякал. – Я не убивал вашу дочь, сэр. Я никого не убивал. Если вы подумаете об этом, то поймете, что вашему другу Ренни необходим козел отпущения, и я – самая удобная…

Но в таком состоянии Энди ни о чем думать не мог. Он схватился руками за кобуру Рэндолфа и начал выдирать из нее пистолет. Перепугавшись, чиф всеми силами пытался оставить оружие на месте.

И в этот момент по лестнице спустился мужчина с внушительным животом, двигающийся, несмотря на габариты, легко и даже грациозно.

– Энди! – прогремел Большой Джим. – Энди, дружище, иди ко мне.

Он раскрыл объятия. Энди прекратил борьбу за пистолет и бросился к Ренни, как плачущий ребенок в руки отца. И Большой Джим обнял его.

– Мне нужен пистолет! – пробормотал Энди, подняв залитое слезами, с соплями под носом, лицо, чтобы посмотреть Большому Джиму в глаза. – Дай мне пистолет, Джим. Сейчас! Прямо сейчас! Я хочу застрелить его за то, что он сделал! Это мое право как отца! Он убил мою маленькую девочку!

– Может, не только ее. Может, не только Энджи, Лестера и бедную Бренду.

Эти слова заставили Энди замолчать. Он в недоумении уставился на массивное лицо Большого Джима. Как зачарованный.

– Может, и твою жену тоже. Герцога. Майру Эванс. Всех остальных.

– Что…

– Ведь Купол появился здесь чьими-то стараниями, дружище. Или я не прав?

– Ну… – На большее Энди не хватило, но Большой Джим уже кивнул, принимая ответ.

– И мне представляется, что люди, которые это сделали, должны иметь здесь своего человечка. Который будет устраивать бучу. И кто подойдет для этого лучше, чем повар из забегаловки? – Он обнял Энди за плечи и повел к чифу Рэндолфу. Большой Джим глянул на красное и распухшее лицо Барби с таким видом, будто перед ним какое-то незнакомое ему насекомое. – Доказательства мы найдем. Я в этом не сомневаюсь. Он уже показал, что ему не хватает ума заметать следы.

Барби смотрел на Рэндолфа.

– Это подстава, – прогнусавил он. – Возможно, все это началось потому, что Ренни хотел прикрыть свой зад, но теперь идет только борьба за власть. Пока вы, возможно, незаменимы, чиф, но, когда замена отыщется, от вас тоже избавятся.

– Заткнись! – бросил Рэндолф.

Ренни гладил Энди по волосам. Барби подумал о своей матери, которая частенько гладила их кокер-спаниеля Мисси, когда та стала старой, глупой и страдающей недержанием мочи.

– Он заплатит свою цену, Энди, даю тебе слово. Но сначала мы должны выяснить подробности: что, где, почему, кто еще в этом участвует. Потому что он не одиночка, можешь поставить на это свой последний зуб. У него есть сообщники. Он заплатит свою цену, но сначала мы должны выжать из него всю информацию.

– Какую цену? – Теперь Энди смотрел на Большого Джима, жадно ловя каждое слово. – Какую цену он заплатит?

– Что ж, если он знает, как убрать Купол, а я этого не исключаю, то мы удовлетворимся тем, что отправим его в Шоушенк. До конца жизни, без права условно-досрочного освобождения.

– Этого недостаточно, – прошептал Энди.

Ренни все еще поглаживал его по голове.

– А если Купол не исчезнет? – Он улыбнулся. – В этом случае нам придется судить его самим. И, признав виновным, мы его казним. Тебе это нравится больше?

– Гораздо, – прошептал Энди.

– И мне тоже, дружище. – Поглаживая, поглаживая. – И мне тоже.

18

Они выехали из леса вместе, рядком, и остановились, глядя вверх на яблоневый сад, занимающий вершину Блэк-Риджа.

– Там что-то есть! – воскликнул Бенни. – Я вижу! – В голосе слышалось волнение, но Джо показалось, что звучит он как-то отчужденно.

– И я тоже, – подхватила Норри. – Это похоже на… на… – Она хотела сказать «радиомаяк», но на все слово ее не хватило. Она сумела произнести только «ppp-ppp-ppp», как малыш, играющий с грузовиком в песочнице. Потом свалилась с велосипеда. Лежала на дороге, и у нее подергивались руки и ноги.

– Норри? – Джо посмотрел на нее скорее в изумлении, чем в тревоге, потом на Бенни. Их взгляды на мгновение встретились, а после уже Бенни повалился на землю, потянув за собой велосипед. Начал дергаться, пинками отбросил «Хай плейнс» в сторону. Счетчик Гейгера вывалился из корзинки лицевой стороной вниз.

Джо шагнул к нему, протянул руку, которая, казалось, растягивалась, как резина. Перевернул желтый прибор. Стрелка прыгнула к +200 и находилась у самой границы красной зоны. Он успел это увидеть, прежде чем провалился в черную дыру, заполненную оранжевыми языками пламени. Те поднимались от огромной кучи тыкв, сложенных в форме погребальной пирамиды. Откуда-то доносились голоса, потерянные и испуганные. Потом Джо поглотила тьма.

19

Когда Джулия пришла в редакцию «Демократа» из супермаркета, Тони Гуэй, ранее спортивный репортер, а теперь взявший на себя весь отдел новостей, что-то печатал на ноутбуке. Она протянула ему фотоаппарат:

– Оторвись от того, что делаешь, и распечатай эти фотографии.

Сама села за компьютер, чтобы напечатать свою статью. Начало держала в голове, пока шла по Главной улице: *Эрни Кэлверт, бывший управляющий «Мира еды», призвал людей войти через служебный вход. Сказал, что открыл им дверь. Но опоздал. Бунт уже набрал силу*. Начало ей нравилось. Проблема заключалась в том, что она не могла это напечатать. Пальцы то и дело били не по тем клавишам.

– Иди наверх и приляг, – предложил Тони.

– Нет, я должна написать…

– В таком состоянии ты ничего не напишешь. Ты дрожишь, как лист на ветру. Это шок. Приляг на часок. Я выведу фотографии и перешлю их в твой компьютер. Расшифрую твои записи. Иди наверх.

Ей не нравились его слова, но он вещал истину. Только прилегла она, как выяснилось, не на часок. Выспаться не удавалось с пятницы, а после нее, казалось, прошла целая вечность, так что Джулия провалилась в глубокий сон, едва ее голова коснулась подушки.

Проснувшись, в панике увидела, какие длинные тени у нее в спальне. Скоро вечер, а Горас не выгулян! Должно быть, напустил лужу в каком-нибудь углу и теперь будет виновато смотреть на нее, хотя сам совершенно ни при чем: вина целиком и полностью ее.

Сунув ноги в кроссовки, Джулия поспешила на кухню и нашла корги не подвывающим у двери, а мирно спящим на своей подстилке между плитой и холодильником. На столе ее ждала записка, прислоненная к солонке и пепельнице.

> *15.00*
>
> *Джулия!*
>
> *Мы с Питом Ф. на пару написали статью про супермаркет. Не такой уж шедевр, но станет им, когда ты пройдешься по ней рукой мастера. Также он говорит, что ты должна написать передовицу. Фотографии ты сделала неплохие. Заходил Ромми Берпи, и он говорит, что бумаги у него предостаточно, так что об этом можно не беспокоиться. Также он говорит, что ты должна написать передовицу о случившемся. «Решение совершенно ненужное, – сказал он о закрытии супермаркета, – и абсолютно некомпетентное. Если только они не хотели, чтобы все так вышло. Я бы этот вариант не отбрасывал, и я говорю не о Рэндолфе». Мы с Питом согласились, что это должна быть передовица, но нам нужно выждать, пока не соберутся все факты. Мы также согласились, что тебе надо выспаться, если мы хотим, чтобы ты написала ее так, как она должна быть написана. У тебя чемоданы под глазами, босс! Я иду домой, чтобы немного побыть с женой и детьми. Пит ушел в полицию. Говорит, случилось что-то важное, и он хочет выяснить, что именно.*
>
> *Тони Г.*
>
> *P.S. Я выгулял Гораса. Он сделал все свои дела.*

Джулия, которая не хотела, чтобы Горас забыл, что она – часть его жизни, разбудила пса и скормила ему половину колбаски «Беггинс стрип», после чего спустилась вниз: выправить

статью и написать передовицу, как предлагали Тони и Пит. И только села за компьютер, как зазвонил ее мобильник.

– Шамуэй, «Демократ».

– Джулия! – раздался голос Пита Фримена. – Я думаю, тебе лучше прийти сюда. Марти Арсено дежурит, и он не пускает меня. Велел мне выйти вон! Он же не полицейский, просто тупой толстяк, который подрабатывает в полиции, регулируя транспорт в летнее время, но теперь ведет себя так, будто самый крутой коп.

– Пит, у меня масса работы, поэтому…

– Бренда Перкинс мертва. И Энджи Маккейн, Доди Сандерс…

– Что?! – Она резко вскочила, опрокинув стул.

– …и Лестер Коггинс. Все убиты. И слушай внимательно: Дейл Барбара арестован за эти убийства. Он внизу, в камере.

– Я уже бегу.

– Ух, черт! Сюда идет Энди Сандерс, и слезы так и катятся из его чертовых глаз. Попытаться задать ему вопрос или…

– Нет, этот человек три дня назад потерял жену, а теперь дочь. Мы не «Нью-Йорк пост». Сейчас приду.

Она разорвала связь, не дожидаясь ответа Пита. Поначалу не испытывала особого волнения, даже вспомнила, что надо запереть дверь редакции. Но когда оказалась на тротуаре, на жаре и под табачного цвета небом, спокойствие ушло, и Джулия побежала.

20

Джо, Норри и Бенни, подергивая руками и ногами, лежали на Блэк-Ридж-роуд под ставшим каким-то рассеянным солнечным светом. Жара плотно окутывала их. Ворона, ни в малейшей степени не проявляющая суицидальных тенденций, села на телефонный провод, уставилась на них блестящими умными глазками. Громко каркнула и, махая крыльями, улетела сквозь странный послеполуденный воздух.

– Хэллоуин, – пробормотал Джо.

– Заставьте их перестать кричать, – простонал Бенни.

– Нет солнца. – Руки Норри хватали воздух. Она плакала. – Нет солнца, Господи, больше нет солнца.

Наверху, в яблоневом саду, из которого открывался вид на весь Честерс-Милл, мигал яркий розовато-лиловый свет.

Вспыхивал каждые пятнадцать секунд.

21

Джулия, с еще опухшим от сна лицом и волосами, торчком стоящими на затылке, взбежала по лестнице к дверям полицейского участка. Когда Пит пристроился к ней, покачала головой:

– Лучше останься здесь. Я, возможно, позову тебя, когда буду брать интервью.

– Я люблю позитивное мышление, но я бы на это не рассчитывал. Как думаешь, кто появился после Энди? – Пит указал на «хаммер», припаркованный перед пожарным гидрантом. Около него стояли Линда Эверетт и Джекки Уэттингтон, увлеченные разговором. Чувствовалось, что обе женщины очень взволнованы.

В участке Джулию прежде всего поразила жара: кондиционер отключили, вероятно, чтобы экономить электричество. А потом – количество находившихся там молодых людей, включая двух из бог знает скольких братьев Кильян: эти узнавались безошибочно по крючковатым носам и круглым головам. Молодые люди заполняли какие-то бланки.

– А если у меня не было последнего места работы? – спросил один другого.

Снизу доносились крики вперемежку с рыданиями Энди Сандерса.

Джулия через просторный холл направилась к лестнице в подвал. Она бывала тут много лет, даже вносила деньги в фонд кофе и пончиков (их клали в проволочную корзинку). Ее никогда не останавливали, но тут Марти Арсено сказал:

– Вы не можете туда пройти, миз Шамуэй. Таков приказ. – В голосе звучали извиняющиеся, примиренческие нотки, которых, вероятно, не было и в помине, когда он выпроваживал из участка Пита Фримена.

И в этот самый момент Большой Джим Ренни и Энди Сандерс появились из Курятника, как называли подвал сотрудники полицейского участка Милла. Энди плакал. Большой Джим обнимал его и что-то говорил успокаивающим тоном. Питер Рэндолф следовал за ними. Форма чифа выглядела так, будто он идет на парад, но лицо принадлежало человеку, который едва спасся при взрыве бомбы.

– Джим! Питер! – обратилась к ним Джулия. – Я хочу поговорить с вами, для «Демократа».

Большой Джим повернулся к ней лишь на мгновение, чтобы одарить взглядом, в котором ясно читалось, что грешники в аду могут хотеть ледяной водицы. Потом повел Энди к кабинету чифа, говоря о том, что сейчас надо помолиться.

Джулия попыталась проскочить мимо стола дежурного. С виноватым выражением лица Марти схватил ее за руку.

– В прошлом году ты попросил меня ничего не писать о ссоре с женой, Марти, – напомнила ему Джулия. – Я не написала. Потому что иначе ты потерял бы работу. Поэтому, если тебе знакомо чувство благодарности, пропусти меня.

Марти отпустил ее руку.

– Я пытался тебя остановить, но ты не послушалась, – прошептал он. – Запомни это.

Джулия последовала за Ренни и компанией.

– Одну минуту! – обратилась она к Большому Джиму. – Ты и чиф Рэндолф – городские чиновники, и вам придется поговорить со мной.

На этот раз во взгляде Большого Джима читались злость и презрение.

– Нет. Не будем мы с тобой говорить. И ты не имеешь права здесь находиться.

– А он имеет? – Джулия указала на Энди Сандерса. – Если то, что я слышала о Доди, правда, он тем более не имел никакого права спускаться вниз.

– Этот сукин сын убил мою любимую девочку! – взвизгнул Сандерс.

Большой Джим наставил палец на Джулию:

– Ты все узнаешь, когда мы будем готовы ознакомить тебя с подробностями. Но не раньше.

– Я хочу видеть Барбару.

– Он арестован за четыре убийства. Ты рехнулась?

– Если отец одной из его предполагаемых жертв виделся с ним, почему нельзя мне?

– Потому что ты не жертва и не родственница жертв. – Верхняя губа Большого Джима приподнялась, обнажая зубы.

– У него есть адвокат?

– Наш разговор закончен, жен…

– Ему не нужен адвокат, его нужно повесить! ОН УБИЛ МОЮ ЛЮБИМУЮ ДЕВОЧКУ!

– Пошли, дружище! Мы скажем об этом Господу в молитве.

– И какие у вас улики? Он сознался? Если нет, какое у него алиби? Как оно соотносится со временем смертей? Вы вообще установили время смерти каждого? Если тела только что нашли, как вы можете так уверенно обвинять его? Их застрелили, зарезали или…

– Пит, избавься от этой болтливой ведьмы, – бросил Большой Джим не оборачиваясь. – Если она не уйдет сама, выстави ее. И скажи тому, кто сидит за столом дежурного, что он уволен.

Марти Арсено скривился, провел рукой по глазам. Большой Джим увел Энди в кабинет чифа и закрыл дверь.

– Ему предъявлены обвинения? – спросила Джулия Рэндолфа. – Нельзя предъявлять обвинения без адвоката, ты знаешь. Это незаконно.

И хотя он не выглядел опасным, только ошеломленным, от слов Пита Рэндолфа у нее похолодело сердце:

– Пока Купол на месте, Джулия, мы решаем, что законно, а что – нет.

– Когда их убили? Уж это ты можешь мне сказать.

– Что ж, похоже, обе девушки были пер…

Дверь кабинета открылась, и Джулия не сомневалась, что Большой Джим стоял с другой стороны двери, вслушиваясь в каждое слово. Энди сидел за столом теперь уже Рэндолфа, закрыв лицо руками.

– Выстави ее отсюда! – рявкнул Большой Джим. – Не хочу больше этого повторять!

– Вы не можете держать Барбару в полной изоляции и не можете лишать информации жителей этого города! – прокричала Джулия.

– Ты не права по обоим пунктам. Слышала выражение: «Если ты не часть решения, то становишься частью проблемы»? Что ж, находясь здесь, ты ничего не решаешь. Ты – надоедливая смутьянка. Всегда такой была. И если ты не уйдешь, тебя арестуют. Последнее предупреждение.

– Отлично! Арестуй меня! Посади в камеру в подвале! – Она вытянула руки запястьями вместе, как бы подставляя их под наручники.

На мгновение подумала, что Джим Ренни сейчас ударит ее. Такое желание явно читалось на его лице. Вместо этого он обратился к Питу Рэндолфу:

– Говорю последний раз: выстави отсюда эту смутьянку. Будет сопротивляться, вышвырни ее. – И он захлопнул дверь.

Не решаясь встретиться с ней взглядом, со щеками цвета только что обожженного кирпича, Пит Рэндолф взял ее за руку. На этот раз Джулия подчинилась. Когда проходила мимо стола дежурного, Марти обратился к ней, скорее печальным, чем злым голосом:

– Видишь, как вышло. Теперь мое место займет один из этих бандитов, которые не могут отличить собственный зад от локтя.

– Ты не потеряешь работу, Марти, – успокоил его Рэндолф. – Я договорюсь.

Мгновением позже Джулия стояла на улице, моргая от яркого солнечного света.

– Как все прошло? – спросил Пит Фримен.

22

Бенни очнулся первым. И чувствовал себя в полном порядке, разве что донимала жара: рубашка прилипла к мокрой от пота и далеко не могучей груди. Он подполз к Норри, тряхнул за плечо. Она открыла глаза, посмотрела на него, ничего не соображая. Пряди волос облепляли влажные от пота щеки.

– Что случилось? – спросила она. – Я, должно быть, заснула. Мне что-то снилось, только не могу вспомнить, что именно. Но плохое. Я точно знаю.

Джо Макклэтчи перекатился на живот, поднялся на колени.

– Джо-Джо? – обратился к нему Бенни. Так он не называл друга уже с четвертого класса. – Ты как?

– Нормально. Горели тыквы.

– Какие тыквы?

Джо покачал головой. Не мог вспомнить. Знал только одно: ему хотелось уйти в тень и допить «снэппл». Потом он подумал о счетчике Гейгера. Вытащил его из канавы и с облегчением увидел, что прибор по-прежнему работает: в двадцатом столетии все, похоже, делали на совесть.

Он показал шкалу Бенни – все те же +200, хотел показать Норри, но та смотрела вверх по склону на яблоневый сад на вершине Блэк-Ридж.

– Это что? – указала она рукой.

Сначала Джо ничего не увидел. Потом полыхнула яркая пурпурная вспышка. Такая яркая, что слепила глаза. Через какое-то время полыхнула вновь. Он посмотрел на часы, чтобы засечь время между вспышками, но они остановились в 16.02.

– Я думаю, это то, что мы искали. – Джо встал. Ожидал, что ноги стали ватными и не удержат его, но ошибся. Если не считать жары, чувствовал он себя прекрасно. – Выметаемся отсюда, пока эта хреновина нас не стерилизовала или что-то в таком роде.

– Чувак, да кому нужны дети? Они могут вырасти такими же, как я. – Тем не менее Бенни оседлал велосипед.

Возвращались они тем же путем и не остановились, чтобы отдохнуть и перекусить, пока не миновали мост и не добрались до шоссе номер 119.

Соль

1

Женщины-патрульные, которые стояли у «хаммера» Большого Джима, всё разговаривали – теперь Джекки нервно курила, – но замолчали, когда Джулия прошествовала мимо них.

– Джулия? – нерешительно позвала Линда. – Что…

Джулия не повернула головы. Она вся кипела, и меньше всего ей хотелось говорить с представителями того закона, который теперь установился в Честерс-Милле. Она отшагала половину пути до «Демократа», прежде чем поняла, что, хотя ее и разбирает злость, доминировало совсем другое чувство. Она остановилась под навесом книжного магазина (в витрине висело написанное от руки объявление «ЗАКРЫТО ДО ПОСЛЕДУЮЩЕГО УВЕДОМЛЕНИЯ») отчасти для того, чтобы чуть успокоить сердцебиение, и в основном – чтобы заглянуть себе в душу. Много времени на это не ушло.

– Я прежде всего напугана. – Она вздрогнула от собственного голоса. Не собиралась произносить эти слова вслух.

Ее догнал Пит Фримен:

– Ты в порядке?

– Все отлично. – Джулия солгала, но вроде бы голос звучал убедительно. Разумеется, она не могла знать, о чем говорит ее лицо. Джулия попыталась пригладить волосы на затылке. Они улеглись… потом снова встали торчком. *Еще и прическа как после постели*, подумала она.

– Я думал, Ренни прикажет новому начальнику полиции арестовать тебя. – Глаза Пита округлились, и выглядел он куда моложе своих тридцати с лишним лет.

– Я на это надеялась. – Джулия руками обвела рамкой невидимый заголовок: – «ПОСАЖЕННЫЙ В КАМЕРУ РЕПОРТЕР „ДЕМОКРАТА“ БЕРЕТ ИНТЕРВЬЮ У ОБВИНЕННОГО В УБИЙСТВЕ».

– Джулия, что происходит? Я не про Купол. Ты видела этих парней, заполняющих бланки? Страшно, однако.

– Я видела и собираюсь об этом написать. Собираюсь обо всем написать. И на собрании, которое состоится в четверг, думаю, серьезные вопросы к Джеймсу Ренни возникнут не только у меня. – Она коснулась руки Пита. – Я собираюсь выяснить все, что смогу, о тех убийствах, а потом напишу об этом. Плюс передовица, резкая и решительная, только что без призывов к самосуду. – Она невесело рассмеялась. – Если дойдет до самосуда, у Джима Ренни преимущество своего поля.

– Я не понимаю, о чем ты…

– Ладно, займемся делом. Мне нужны две минуты, чтобы взять себя в руки. Потом надо определиться, с кем переговорить в первую очередь. Времени у нас немного, если мы хотим напечатать газету сегодня.

– Ксерокопировать.

– Что?

– Хотим ксерокопировать газету сегодня.

Джулия нервно ему улыбнулась, взмахом руки отправила в путь. У двери редакции он обернулся. Джулия вновь взмахнула рукой, показывая, что все у нее хорошо, затем уставилась в пыльную витрину книжного магазина. Кинотеатр в центре города уже лет пять как закрылся, автокинотеатр вне города приказал долго жить еще раньше (там, где большой экран когда-то возвышался над шоссе номер 119, теперь располагалась дополнительная автостоянка салона Ренни), но Рею Таулу каким-то образом удавалось поддерживать на плаву этот маленький мага-

зинчик. Половину витрины заполняли различные самоучители. На второй половине лежали книги карманного формата, обложки которых украшали старинные, окутанные туманом особняки, попавшие в беду женщины и красавцы здоровяки с голой грудью, как твердо стоящие на земле, так и скачущие верхом. Некоторые из вышеуказанных здоровяков, одетых лишь в исподнее, размахивали мечами. Над этими книгами в витрине висел транспарант с надписью: «ПРИСТРАСТИСЬ К ТАЙНЫМ ЗАГОВОРАМ».

Вот уж действительно тайные заговоры.

Мало нам одного Купола, объявился еще и член городского управления из ада.

Она осознала, что больше всего ее тревожит – чего там, больше всего пугает, – темпы, с которыми происходили перемены. Ренни и раньше был самым большим, самым злобным петухом на птичьем дворе, и Джулия ожидала, что он обязательно попытается укрепить свою власть в городе… скажем, через неделю или месяц после того, как их отрезало от остального мира. Но прошло всего три дня, и уже такие изменения. Допустим, Кокс и его ученые этим вечером пробьют Купол? Допустим, тот исчезнет сам? Большой Джим немедленно сожмется до прежних размеров, только на этот раз ему придется держать ответ.

– Какой ответ? – спросила она себя, по-прежнему глядя на «ТАЙНЫЕ ЗАГОВОРЫ». – Он просто скажет, что действовал во благо города, с учетом обстоятельств. И ему поверят.

Вероятно, так и думает Ренни. Но все это не объясняет, почему он проявил такую поспешность.

Видимо, что-то пошло не так и ему пришлось действовать быстро. К тому же…

– К тому же я думаю, что у него не все в порядке с головой, – сказала она книгам в обложке. – И это не возникло только теперь. – Даже если и тут она не ошиблась, как объяснить, что люди, у которых в домах кладовые ломились от продуктов, разграбили местный супермаркет? Это же не имело никакого смысла, если только… – Если только Ренни сам все не подстроил.

Нелепо, блюдо дня на синей тарелке[13] в кафе «Паранойя»? Или нет? Джулия поняла, что должна опросить людей, которые участвовали в погроме «Мира еды», выяснить, что они видели, да только убийства представлялись более важными. Она оставалась единственным настоящим репортером, которым располагала газета, и…

– Джулия? Миз Шамуэй?

Джулия так глубоко ушла в свои мысли, что вздрогнула от неожиданности. Резко развернулась и упала бы, не поддержи ее Джекки Уэттингтон. Рядом с ней стояла Линда Эверетт, это она позвала Джулию. Обе выглядели испуганными.

– Можем мы с тобой поговорить? – спросила Джекки.

– Разумеется. Именно этим я и занимаюсь: слушаю, что говорят люди. Побочный эффект – я публикую все, что они говорят. Вы это знаете, не так ли?

– Но вы не должны упоминать наши имена, – указала Линда. – Если не согласитесь на это, забудьте о нашем разговоре.

– Для меня достаточно, что вы – источник, близкий к расследованию. – Джулия улыбнулась. – Это вас устроит?

– Если вы пообещаете ответить на наши вопросы, – уточнила Джекки. – Ответите?

– Хорошо.

– Вы были в супермаркете, так? – спросила Линда.

Все страньше и страньше, как говорила Алиса в Стране чудес.

– Да. Как и вы двое. Давайте поговорим. Обменяемся впечатлениями.

– Не здесь, – покачала головой Линда. – Не на улице. Слишком уж на виду. И не в редакции газеты.

---

[13] Имеется в виду так называемое блюдо дня, которое стоит ниже принятого в ресторане уровня цен.

– Расслабься, Лин. – Джекки положила руку ей на плечо.

– Это ты можешь расслабиться. У тебя нет мужа, который думает, что ты помогла отправить за решетку невинного человека.

– У меня нет мужа, – кивнула Джекки (*И это правильно*, подумала Джулия, *благоразумно, мужья слишком часто только осложняют жизнь*). – Но я знаю место, куда мы можем пойти. Уединенное место и без замка на двери… – Она запнулась. – По крайней мере до появления Купола замка там не было.

Джулия, которая недавно размышляла, с кого ей начать опрос, не собиралась упускать эту парочку.

– Пошли. Только будем идти по разным сторонам улицы, пока не минуем полицейский участок, хорошо?

Тут Линда выдавила улыбку:

– Дельная мысль.

2

Пайпер Либби осторожно преклонила колени перед алтарем Первой Конгрегациональной церкви, поморщилась от боли, пусть и подложила подушечку со скамьи под поцарапанные и опухшие колени. Помогала себе правой рукой, левая, недавно вывихнутая, осталась прижатой к боку. Вроде бы хлопот она не доставляла – и не болела, в отличие от колен, – но Пайпер старалась не напрягать ее без необходимости. Чтобы вывихнуть плечо вновь, прилагать особых усилий не требовалось; так ей сказали (и очень строго) после первой травмы, полученной на футбольном поле. Пайпер сложила руки перед собой и закрыла глаза. Мгновенно ее язык сместился к дырке, на месте которой еще вчера был зуб. Но в ее жизни появилась дыра куда страшнее этой.

– Привет, Которого-нет, – начала она. – Это снова я, вернулась, чтобы Ты вновь помог любовью и милосердием. – Слеза появилась из-под опухшего века и потекла по опухшей (не говоря уж про изменение цвета) щеке. – Мой пес где-то рядом? Я спрашиваю только потому, что мне его очень недостает. Если рядом, надеюсь, Ты дашь ему духовный эквивалент сахарной косточки. Он заслуживает. – Еще слезы, медленные, и горячие, и щиплющие. – Но большинство основных религий соглашается в том, что собаки на Небеса не попадают, хотя отдельные секты – и, если не ошибаюсь, «Ридерс дайджест» – с этим не согласны.

Разумеется, если не было никаких Небес, обсуждаемый вопрос терял всякий смысл, и идея этого безнебесного существования, этой безнебесной космологии все больше чувствовала себя как дома в том месте, где ранее жила ее вера. Может, всех ждало забвение, может, что-то и похуже. Скажем, бескрайняя, без единого следа, равнина под белесым небом, место, где время – никогда, пункт назначения – никуда, а спутники – никто. Другими словами, одно большое древнее Нигде: для плохих копов, для женщин-священников, подростков, которые случайно подстреливают себя, и немецких овчарок, которые гибнут, пытаясь защитить своих хозяек. Никакого Высшего Существа, отделяющего зерна от плевел. Было что-то фиглярское в молитве подобной идее (если не сказать, богохульное), но иногда такая молитва помогала.

– Но Небеса сейчас не главное, – подвела она итог. – Главное сейчас – понять, сколь многое из того, что произошло с Кловером, моя вина. Я знаю, вина лежит и на мне – вспыльчивость взяла верх над благоразумием. Опять. Моя религия учит, что Ты заложил в меня короткий фитиль, и это моя забота – не дать вспыхнуть пороху, но я ненавижу такой расклад. Я не могу полностью отвергнуть его, но ненавижу. Мне это напоминает ситуацию в автомастерской. Если пригоняешь туда автомобиль, тебе обязательно скажут, что в поломке виновата именно ты. Или слишком много ездишь, или слишком мало ездишь, или забыла снять машину с ручника, или забыла поднять стекла и дождь попортил проводку. И знаешь, что хуже всего? Если Ты – Которого-нет, я не могу переложить на Тебя даже часть вины. И что тогда остается? Гребаная генетика? – Она вздохнула. – Сожалею о нехороших словах; почему бы Тебе не притвориться, что Ты их не слышал? Так обычно поступала моя мать. А тем временем у меня другой вопрос: что мне делать? Этот город в ужасной беде, и я бы хотела что-нибудь сделать, чтобы помочь, только не могу решить что. Я ощущаю себя глупой, и слабой, и сбитой с толку. Полагаю, будь я отшельницей из Ветхого Завета, я бы сказала, что мне нужен знак. В данный момент сгодятся даже «УСТУПИ ДОРОГУ» или «ЗОНА ОГРАНИЧЕНИЯ СКОРОСТИ У ШКОЛЫ».

Едва она произнесла эти слова, открылась входная дверь, потом с грохотом захлопнулась. Пайпер оглянулась, ожидая увидеть ангела с крыльями и в сияющем белом одеянии. *Если он хочет со мной бороться, сначала ему придется излечить мне руку*, подумала она.

Но в церкви появился не ангел, а Ромми Берпи. Подол рубашки наполовину вылез из брюк и болтался у середины бедра; выглядел Ромми таким же подавленным, как и она. Он двинулся по центральному проходу, увидел ее, остановился, удивленный не меньше, чем Пайпер.

– Ух ты! – В голосе явно слышался льюистонский выговор. – Извините, не знал, что вы здесь. Я зайду позже.

– Нет. – Она поднялась, вновь опираясь только на правую руку. – Я все равно уже закончила.

– Вообще-то я католик, – пояснил Берпи (*Один хрен*, подумала Пайпер), – но католического храма в Милле нет… о чем вы, будучи священником, конечно, знаете… и вы знаете, что говорится о тихой гавани во время шторма. Я решил зайти сюда, чтобы помолиться за упокой души Бренды. Всегда любил эту женщину. – Он потер щеку. Шуршание его ладони о щетину в церковной тишине прозвучало очень уж громко. Его кок Элвиса теперь рассыпался по ушам. – Любил ее, никогда не говорил, но, думаю, она знала.

Пайпер смотрела на него с нарастающим ужасом. Она не выходила из дома весь день и, хотя знала о случившемся в «Мире еды» – ей позвонили несколько прихожан, – о смерти Бренды услышала впервые.

– Бренда? Что с ней случилось?

– Ее убили. Других тоже. Говорят, это сделал тот парень, Барби. Он арестован.

Пайпер закрыла рот рукой, пошатнулась. Ромми подскочил к ней, обнял за талию. Так они и стояли перед алтарем, словно мужчина и женщина, готовые пожениться, когда вновь открылась дверь и в церковь вошла Джекки, а за ней Линда и Джулия.

– Может, это не такое уж хорошее место, – усомнилась Джекки в своем же решении.

Церковь отличала отменная акустика, а потому, пусть она говорила негромко, Пайпер и Берпи ее услышали.

– Не уходите! Не уходите, если пришли поговорить о том, что произошло. Я не могу поверить, что мистер Барбара… Я уверена, он на такое не способен. Он вправил мне плечо после вывиха. Сделал все так нежно и осторожно… – Пайпер задумалась. – Нежно и осторожно, насколько позволяли обстоятельства. Пройдите сюда. Пожалуйста, пройдите сюда.

– Человек может вправить вывих плеча и одновременно быть убийцей, – произнесла Линда, но при этом кусала губу и вертела на пальце обручальное кольцо.

Джекки сжала ей запястье:

– Мы хотели не высовываться, Лин, помнишь?

– Слишком поздно, – ответила Линда. – Если Джулия напишет статью, а эти двое скажут, что видели нас с ней, мы окажемся во всем виноватыми.

Пайпер не очень-то понимала, о чем именно речь, но суть уловила правильно. Подняла правую руку, обвела зал:

– Вы в моей церкви, миссис Эверетт, и все, что будет здесь сказано, здесь и останется.

– Вы обещаете?

– Да. Так почему бы нам не поговорить по душам? Я молилась о знаке, и вот вы здесь.

– Я в это не верю, – покачала головой Джекки.

– Если на то пошло, я тоже. – И Пайпер рассмеялась.

– Мне это не нравится, – повернулась Джекки к Джулии. – Что бы она ни говорила, здесь слишком много людей. Потерять работу, как Марти, это одно. Я это переживу, жалованье все равно жалкое. А вот разозлить Джима Ренни… – Она покачала головой. – Идея не из лучших.

– Не так уж нас и много, – возразила Пайпер. – Столько, сколько нужно. Мистер Берпи, вы можете хранить секреты?

Ромми Берпи, который провернул немало сомнительных сделок, кивнул и поднес палец к губам: «Буду нем как рыба».

– Пойдемте ко мне, – предложила Пайпер, когда увидела, что Джекки все еще сомневается, протянула к ней левую руку… очень осторожно: – Пойдемте, вместе все и обсудим. Может, за капелькой виски?

Последнее таки убедило Джекки.

3

31 ОЧИЩЕНИЕ ОГНЕМ ОЧИЩЕНИЕ ОГНЕМ

ЗВЕРЬ БУДЕТ БРОШЕН В

ОЗЕРО ОГНЕННОЕ ГОРЯЩЕЕ (ОТКР. 19:20)

И БУДУТ МУЧИТЬСЯ ДЕНЬ И НОЧЬ

ВО ВЕКИ ВЕКОВ (20:10)[14]

СЖЕЧЬ НЕЧИСТЫХ

ОЧИСТИТЬ ПРАВЕДНЫХ

ОЧИЩЕНИЕ ОГНЕМ ОЧИЩЕНИЕ ОГНЕМ 31

31 ИИСУС ОГНЯ ИДЕТ 31

Трое мужчин, втиснутые в кабину грохочущего грузовика департамента общественных работ, с изумлением смотрели на это загадочное послание. Написано оно было краской на стене складского здания, построенного позади студии ХНВ, черным на красном, такими большими буквами, что заняло едва ли не всю стену.

Круглоголовый Роджер Кильян, фермер, выращивающий кур, повернулся к Стюарту Боуи, который вел грузовик:

– Что это означает, Стюи?

Ответил ему Ферн Боуи:

– Это означает, что чертов Фил Буши стал еще безумнее, вот что это означает. – Он открыл бардачок, вытащил пару запачканных маслом рукавиц, потом достал револьвер тридцать восьмого калибра. Проверил, во всех ли гнездах патроны, легким круговым движением руки вернул барабан на место и засунул револьвер за брючный ремень.

– Знаешь, Ферни, это самый лучший способ отстрелить детородные органы, – заметил Стюарт.

---

[14] Обе цитаты из «Откровения Иоанна Богослова» неточны.

– Обо мне не волнуйся, волнуйся о нем. – Ферн указал на студию. Оттуда до них доносилась церковная музыка. – Большую часть года Фил ловит кайф от продукта собственного производства, и теперь по надежности он – чистый нитроглицерин.

– Нынче Филу нравится, чтобы его называли Шеф, – вставил Роджер Кильян.

Сначала они остановились около студии, и Стюарт нажал на клаксон – не один раз; Фил Буши не показывался. То ли прятался в студии, то ли бродил по лесам, среди которых построили радиостанцию. Стюарт полагал, что Буши мог находиться и в лаборатории. Параноик. Опасный. И тем не менее без оружия лучше. Он наклонился, вытащил револьвер из-за ремня Ферна, положил под водительское сиденье.

– Эй! – недовольно воскликнул Ферн.

– Здесь стрелять нельзя. Ты можешь отправить нас всех на луну. – Стюарт посмотрел на Роджера: – Когда ты в последний раз видел этого тощего козла?

Роджер задумался.

– Недели четыре назад как минимум, когда из города ушла последняя большая партия. Когда прилетал вертолет «чинук». – Название вертолета он произнес, как «шин-уук». Ромми Берпи его бы понял.

Стюарт задумался. Если Буши бродил по лесу, это хорошо. Если чертов параноик, принявший их как-то за федералов, прятался в студии, наверное, тоже не страшно… если, конечно, он не начнет стрелять.

А вот если Буши затаился на складе, тогда… да, могли возникнуть проблемы.

Стюарт повернулся к брату:

– В кузове лежат деревянные бруски. Если Фил появится и начнет бузить, угомони его.

– А если он вооружен? – задал Роджер вполне логичный вопрос.

– Нет, – ответил Стюарт, хотя наверняка знать этого не мог. Он получил приказ: взять два контейнера с пропаном и спешно доставить их в больницу. «И остальные мы должны вывезти оттуда как можно быстрее, – пояснил Большой Джим. – С производством мета мы закончили».

Это радовало. После того как город избавится от Купола, Стюарт собирался выйти и из похоронного бизнеса. Переехать в какое-нибудь теплое местечко. На Ямайку или Барбадос. Не хотел больше видеть ни одного трупа. Не хотел и говорить Шефу Буши, что они закрыли лавочку, о чем прямо заявил Большому Джиму.

«Шефа оставь мне», – ответил Большой Джим.

Стюарт на большом оранжевом грузовике объехал склад и задним ходом подогнал его к воротам. Глушить двигатель не стал, чтобы обеспечить работу подъемника и лебедки. Все вылезли из кабины.

– Вы только посмотрите! – В голосе Роджера Кильяна слышалось восхищение. Смотрел он на запад, где солнце опускалось вызывающим тревогу красным мазком. Скоро светилу предстояло скользнуть под верхнюю границу черного пятна, оставленного лесным пожаром, и изменить цвет и форму. – Видали когда-нибудь такую хрень?

– Хватит пялиться! – одернул его Стюарт. – Я хочу покончить с этим и уехать. Ферни, бери брусок. И поувесистее.

Ферн перелез через лебедку и выбрал дубинку длиной с бейсбольную биту. Ухватился за нее обеими руками, махнул в одну сторону, в другую.

– Пойдет.

– «Баскин Роббинс», – мечтательно произнес Роджер Кильян, он прикрывал глаза и, щурясь, смотрел на запад. Прищуривание его не красило. Он более всего напоминал сказочного тролля.

Стюарт прервал свое занятие: он открывал ворота склада, для чего требовалось отомкнуть два замка и снять металлическую планку.

– О чем ты?

– Тридцать один вкус. – Роджер улыбнулся, открыв гнилые зубы, которые никогда не видел ни Джо Боксер, ни, возможно, какой-либо другой дантист.

Стюарт понятия не имел, о чем говорил Роджер, а его брат все понял.

– Не думаю, что на стене нарисовали рекламу мороженого, – возразил Ферн. – Если только про «Баскин Роббинс» не написано в Книге Откровений.

– Заткнитесь оба! – приказал Стюарт. – Ферни, стой наготове. – Он открыл ворота, заглянул внутрь: – Фил!

– Зови его Шеф, – посоветовал Роджер. – Как повара-ниггера из «Саут-Парка». Ему так нравится.

– Шеф! – позвал Стюарт. – Ты здесь, Шеф?

Ответа не последовало. Стюарт шагнул в сумрак, ожидая, что его в любой момент схватят за руку, повернул выключатель. Вспыхнул свет, открыв помещение, занимающее три четверти складского здания. Отделку стен не закончили, между рейками торчала розовая изоляция. Помещение заполняли контейнеры и баллоны с пропаном самых разных форм и размеров. Стюарт не знал, сколько их здесь, но, если б его попросили ответить навскидку, сказал бы, что от четырехсот до шестисот.

Он медленно шел по центральному проходу, всматриваясь в надписи на контейнерах. Большой Джим дал ему четкие указания, предупредил, что нужные контейнеры находятся в глубине, и, слава Богу, там они и оказались. Стюарт остановился около пяти контейнеров «муниципального размера» с надписью «БОЛЬНИЦА КР». Они стояли между другими, позаимствованными, судя по надписям, из почтового отделения и средней школы Милла.

– Нам велено взять два. – Он повернулся к Роджеру. – Принеси цепь, и начнем. Ферни, иди к дальней стене и проверь дверь в лабораторию. Если она не заперта, запри ее. – И он бросил Ферну кольцо с ключами.

Ферн с удовольствием обошелся бы без этого поручения, но он всегда слушался старшего брата. Пошел к двери. Контейнеры и баллоны громоздились по обе стороны центрального прохода. Лишь последние десять футов до двери оставались пустыми. Сердце Ферна упало, когда он увидел, что дверь приоткрыта. За спиной слышалось звяканье цепи, потом визг лебедки и шуршание: первый контейнер уже тащили к грузовику. Но звуки эти раздавались, казалось, в каком-то далеком далеке, особенно когда он представил себе Шефа, затаившегося по другую сторону двери, с красными глазами и безумного, обкуренного и вооруженного пистолетом-пулеметом «ТЕК-9».

– Шеф! – позвал он. – Ты здесь, дружище?

Ответа не последовало. И хотя соваться туда ему не следовало – только безумец мог пойти на такое, – любопытство взяло верх, и своей дубинкой он полностью распахнул дверь.

В лаборатории горели флуоресцентные лампы, но и эта часть складского здания при радиостанции «Христос наш Владыка» пустовала. Двадцать больших горелок, каждая со своей вытяжкой и баллоном пропана, не работали. Кастрюли, мерные стаканы, дорогие колбы стояли на полках. В лаборатории воняло (*Всегда воняло, всегда будет вонять*, подумал Ферн), но пол чисто подметен и везде царит порядок. На стене висел календарь «Салона подержанных автомобилей Джима Ренни», открытый на августе. *Вероятно, в том месяце этот козел потерял контакт с реальностью*, подумал Ферн. *Просто уплыл в свой мир*. Он продвинулся чуть дальше. Мет их всех озолотил, но ему это дело никогда не нравилось. И здешний запах очень уж напоминал тот, что встречал его в подвальной комнате похоронного бюро, где готовились тела к отправлению в последний путь.

В одном углу часть стены занимала толстая стальная панель с дверцей посередине. Там – Ферн это знал – хранился произведенный Шефом продукт, прозрачные кристаллы мета, расфасованные не в багги объемом с галлон, а в большие мусорные мешки «Хефти». Никакой мелочевки. Не те крохи, которых хватило бы наркоману, рыщущему по улицам Нью-Йорка или

Лос-Анджелеса в поисках дозы мета. Когда хранилище заполнялось, мета хватало для того, чтобы обеспечить потребности всех Соединенных Штатов на несколько месяцев, может, и на год.

Почему Большой Джим позволял ему изготовлять так много мета? – спросил себя Ферн. *Почему мы ему помогали? О чем мы думали?* И не смог найти другого ответа, кроме самого очевидного: потому что имели такую возможность. Сочетание мастерства Буши и дешевизны ингредиентов китайского производства подкупило их. Опять же на эти деньги субсидировалась «ХНВ корпорейшн», творящая добрые дела во имя Господа на всем Восточном побережье. И если кто-то спрашивал, Большой Джим всегда на это указывал. И цитировал Писание: «Ибо трудящийся достоин награды за труды свои» (Евангелие от Луки) и «…не заграждай рта у вола молотящего» (Первое послание к Тимофею).

Ферн так и не понял, как толковать цитату о волах.

– Шеф! – Он еще чуть продвинулся в лабораторию. – Дружище?!

Ответа не получил. Поднял голову, оглядел деревянные галереи, что тянулись вдоль двух стен. Они использовались для хранения ингредиентов, и содержимое коробок, которые там стояли, очень заинтересовало бы ФБР, Администрацию по контролю за продуктами питания и лекарствами, а также Бюро по контролю за продажей алкогольных напитков, табачных изделий и оружия. Наверху тоже никого не было, но появилось нечто новенькое: белый шнур тянулся вдоль поручней обеих галерей, прикрепленный к дереву скобками. Электрический провод? И куда он тянулся? Этот псих поставил горелки и наверху? Провод выглядел слишком толстым, чтобы подводить ток к простому устройству, вроде телевизора или радио…

– Ферн! – От крика Стюарта он вздрогнул. – Если Буши там нет, иди сюда и помоги нам. Я хочу побыстрее убраться отсюда. В шесть вечера по телевизору будут показывать информационный выпуск. Я хочу узнать, что они теперь думают.

В Честерс-Милле под «они» теперь подразумевали всех, кто находился за пределами города.

Ферн вышел, не посмотрев на стену над дверью и не увидев, куда тянулись новые электрические провода: к большому кому белого вещества, внешне похожему на глину, который лежал на маленькой полке. К взрывчатке.

Изготовленной Шефом по собственному рецепту.

4

– Хэллоуин, – произнес Роджер, когда они отъехали от склада. – Это тоже тридцать один.

– Ты – просто кладезь информации, – буркнул Стюарт.

Роджер постучал по виску:

– Я запасаю ее здесь. Не специально. Она сама откладывается.

Ямайка, подумал Стюарт. *Или Барбадос. Обязательно в теплых краях. Как только исчезнет Купол. Не хочу видеть никаких Кильянов. Или кого-то еще из этого города*.

– А еще тридцать одна карта в колоде, – продолжил Роджер.

Ферн резко повернулся к нему:

– Что ты, твою мать, несешь?!

– Пошутил, просто пошутил! – расхохотался Кильян. От этого жуткого, пронзительного смеха у Стюарта заболела голова.

Они уже подъезжали к больнице. Стюарт увидел серый «форд-таурус», выруливающий из «Кэтрин Рассел».

– Эй, это же доктор Расти! – воскликнул Ферн. – Готов спорить, он порадуется возвращению пропана. Погуди ему, Стюи.

Стюарт погудел.

5

Когда безбожники уехали, Шеф Буши наконец-то выпустил из руки пульт дистанционного управления воротами гаража, который держал все это время. Он наблюдал за Роджером Кильяном и братьями Боуи из окна мужского туалета радиостудии. Большой палец лежал на кнопке, пока эти люди находились на складе, что-то там делали. Если они выйдут с продуктом, он нажмет на кнопку, и склад взлетит к небесам.

– Все в Твоих руках, мой Иисус, – пробормотал он. – Как мы говорили в детстве. Я не хочу, но сделаю.

И Иисус все устроил наилучшим образом. Шеф почувствовал, что так и будет, когда Джордж Дау и «Госпел-Тоунс» запели «Господь, как Ты заботишься обо мне», и Шеф почувствовал, что так оно и есть, что это не просто записанная на пленку песня, а Знак Свыше. Те трое приехали не за метом, а за двумя контейнерами с пропаном.

Он наблюдал за их отъездом, потом вышел на тропинку, которая соединяла студию и складское здание, где находилась лаборатория. Теперь это здание принадлежало ему, и весь мет принадлежал ему, по крайней мере пока не придет Иисус и не возьмет все Себе.

Может, на Хэллоуин.

Может, раньше.

Тут было о чем подумать, и в эти дни ему думалось легче после того, как он покурит.

Гораздо легче.

6

Джулия маленькими глоточками пила виски, растягивая удовольствие, а вот женщины-полицейские разобрались с налитым одним махом, как гусары. Они не опьянели, но алкоголь развязал им язык.

– Дело в том, что я в ужасе. – Джекки Уэттингтон не поднимала глаз, вертела в руках пустой стакан для сока, а когда Пайпер предложила повторить, покачала головой. – Такого никогда бы не случилось, будь Герцог жив. И эта мысль не отпускает меня. Даже если бы он имел основания подозревать, что Барбара убил его жену, то следовал бы установленному порядку. Только так и не иначе. А позволить отцу жертвы спуститься в Курятник и оказаться лицом к лицу с подозреваемым? *Никогда.* – Линда согласно мотнула головой. – Я боюсь думать о том, что может случиться с этим парнем. И потом…

– Если такое могло случиться с Барби, то может и с каждым? – спросила Джулия.

Джекки кивнула. Кусая губы. Вертя в руках стакан.

– Если что-то случится с ним… я даже не про суд Линча, просто несчастный случай в камере… не знаю, смогу ли я снова надеть эту форму.

Тревога Линды определялась более простой и очевидной причиной. Ее муж верил в невиновность Барбары. В ярости (и отвращении, вызванном тем, что она увидела в кладовой дома Маккейнов) Линда с порога отвергла эту идею, ведь армейские жетоны Барби нашли в посеревшей и закостеневшей руке Энджи. Но чем больше она об этом думала, тем сильнее нарастала ее тревога. Отчасти потому, что она уважала суждения Расти – не только сейчас, но и всегда, – но также из-за тех слов, которые прокричал Барби, прежде чем Рэндолф вывел его из строя «Мейсом». «Попросите вашего мужа осмотреть тела! Мэм, он должен осмотреть тела!»

– И еще, – Джекки все вертела стакан, – в заключенного не прыскают «Мейсом» только потому, что он кричит. Иногда по субботам, особенно после важных матчей, в камерах кричат, как в зоопарке перед раздачей еды. Но им просто не мешают кричать. Со временем они устают и ложатся спать.

Джулия тем временем изучающе смотрела на Линду. И когда Джекки закончила, обратилась к ней:

– Повторите еще раз, что сказал Барби.

– Он хотел, чтобы Расти осмотрел тела, особенно Бренды Перкинс. Сказал, что в больницу их не привезут. Он это *знал*. Они у Боуи, и это неправильно.

– Чертовски странно, что они убиты, – вставил Ромео. – Извините за грубое слово, преподобная.

Пайпер махнула рукой:

– Если Барби их убил, не понимаю, почему для него так важен осмотр тел. Но если не убивал, он, наверное, подумал, что вскрытие обелит его.

– Бренда – самая последняя жертва, так? – спросила Джулия.

– Да, – подтвердила Джекки. – У нее началось окоченение, но не закончилось. По крайней мере мне Бренда окоченевшей не показалась.

– Она и не окоченела, – сказала Линда. – А поскольку окоченение начинается примерно через три часа после смерти, то, по моим расчетам, Бренду убили где-то около восьми-девяти утра. Но я не врач. – Она вздохнула и прошлась руками по волосам. – Расти тоже, но он смог бы определить время смерти гораздо точнее, чем я, если б его позвали. Никто этого не сделал. Включая меня. Я так испугалась… столько всего навалилось…

Джекки отодвинула стакан.

– Послушай, Джулия, утром ты была у супермаркета с Барбарой, так?

– Да.

– Чуть позже девяти, когда бунт уже начался?

– Да.

– Кто пришел первым, он или ты? Потому что я не знаю.

Джулия пояснила, что она пришла первой, а Барби появился после нее и позже, чем Роуз Твитчел и Энсон Уилер.

– Барби показал нам, как успокоить людей, – добавила она. – Возможно, спас многих от серьезных травм. Это никак не вяжется с вашими находками в той кладовой. Есть у вас какие-то предположения об очередности смертей? Помимо Бренды, которую убили последней?

– Энджи и Доди стали первыми жертвами, – ответила Джекки. – Разложение у них зашло дальше, чем у Коггинса, так что его убили позже.

– Кто их нашел?

– Ренни-младший. Он что-то заподозрил, потому что увидел автомобиль Энджи в гараже. Но это не важно. Куда важнее Барбара. Ты уверена, что он прибыл после Роуз и Энса? Потому что это выглядит не очень хорошо.

– Я уверена. Поэтому если предположить, что Барби не убивал людей, тогда чем он занимался? – Но ответ напрашивался очевидный. – Пайпер, я могу воспользоваться твоим телефоном?

– Разумеется.

Джулия заглянула в телефонный справочник, размером с брошюру, потом по мобильнику Пайпер позвонила в «Эглантерию». Услышала резкий ответ:

– Мы закрыты до последующего уведомления. Эти говнюки арестовали моего повара.

– Роуз? Это Джулия Шамуэй.

– Ох, Джулия. – Голос Роуз смягчился на самую малость. – Чего ты хочешь?

– Пытаюсь установить алиби Барбары. Хочешь помочь?

– Будь уверена. Сама идея, что Барби убивал людей, нелепа. Что ты хочешь знать?

– Я хочу знать, был ли он в «Эглантерии», когда начался бунт в «Мире еды»?

– Естественно. – В голосе Роуз слышалось недоумение. – А где еще он мог быть после завтрака? Когда мы с Энсоном уехали, он отчищал гриль.

7

Солнце садилось, тени удлинялись, и Клер Макклэтчи нервничала все сильнее. Наконец пошла на кухню, чтобы сделать то, что откладывала и откладывала: воспользоваться мобильником мужа (он забыл его субботним утром, постоянно забывал), чтобы позвонить на свой. Она боялась, что после четырех гудков услышит собственный голос, веселый и чирикающий, записанный до того, как весь город оказался в тюрьме за невидимой решеткой. *Привет, это голосовая почта Клер. Оставьте сообщение после звукового сигнала*.

И что она тогда скажет? *Джо, позвони мне, если ты не умер?*

Она поднесла руку к кнопкам, замерла. *Помни, если Джо не ответит в первый раз, значит, он едет на велосипеде и не успеет слезть с него и достать мобильник из рюкзака до того, как включится голосовая почта. Он будет готов принять звонок, когда ты позвонишь второй раз, зная, что это ты*.

А если звонок будет переключен на голосовую почту во второй раз? И в третий? Почему она вообще отпустила его? Должно быть, рехнулась.

Клер закрыла глаза, и перед мысленным взором возникла картинка, четкостью не уступающая тем, что она иногда видела в кошмарных снах: телеграфные столбы и витрины Главной улицы заклеены фотографиями Джо, Бенни и Норри, которые выглядели точно так же, как дети, чьи снимки вывешивают на информационных досках, установленных в зонах отдыха на автострадах. Всегда с надписью: «ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ЕГО/ЕЕ ВИДЕЛИ В…»

Клер открыла глаза и быстро набрала номер, потому что могла струсить. Приготовилась оставить сообщение: *Я позвоню через десять секунд, и тебе лучше ответить, мистер…* Но к ее изумлению, Джо ответил, чисто и ясно, на середине первого гудка.

– Мама! Привет, мама! – Живой, и даже больше чем живой: судя по голосу, его распирало радостное возбуждение.

Где ты? – хотела она спросить, но сначала не могла ничего вымолвить. Ни единого слова. Ноги стали губчато-эластичными. Она привалилась к стене, чтобы не грохнуться на пол.

– Мама! Ты на связи?

Клер услышала шум подъезжающего автомобиля и голос Бенни, приглушенный, но отчетливый, кричащий:

– Доктор Расти! Эй, чувак, стой!

Наконец к ней вернулся дар речи:

– Да. На связи. Вы где?

– На вершине холма у городской площади. Я собирался позвонить тебе, потому что уже начало смеркаться, сказать, чтобы ты не волновалась, и телефон зазвонил у меня в руке. От неожиданности я чуть его не выронил.

Да уж, вечно родители волнуются понапрасну. *На вершине холма у городской площади. Они будут здесь через десять минут. Бенни, наверное, захочет съесть еще три фунта еды. Спасибо Тебе, Господи*.

Норри что-то говорила Джо. Вроде бы: «Скажи ей, скажи ей». Потом в мобильнике вновь зазвучал голос ее сына, такой громкий и радостный, что ей пришлось чуть отнести мобильник от уха.

– Мама, я думаю, мы его нашли. Я практически уверен. Он в яблоневом саду на вершине Блэк-Ридж.

– Нашли что, Джо?

– Я не знаю наверняка, не хочу делать поспешные выводы, но, возможно, штуковину, которая создает Купол. Скорее всего. Мы видели мигалку, вроде той, что ставят на вышках-трансляторах, чтобы предупреждать пилотов, только находилась она на земле и мигала

пурпурным, а не красным. Мы не подходили достаточно близко, чтобы увидеть что-то еще. Мы отключились, все. Очнулись в полном порядке, но поняли, что уже поз…

– Отключились? – чуть ли не выкрикнула Клер. – Что значит – отключились? Быстро домой! Немедленно домой, чтобы я могла взглянуть на тебя!

– Я в порядке, мама, – поспешил успокоить ее Джо. – Я думаю, это… ты знаешь, когда люди прикасались к Куполу, они испытывали что-то похожее на легкий удар током, а потом эти ощущения пропадали. Я думаю, ты отключаешься один раз, а потом приобретаешь иммунитет. Получаешь прививку, и никакой опасности. И Норри так думает.

– Мне без разницы, что думает она или ты, мистер. Немедленно домой, чтобы я убедилась, что ты в порядке, или мне придется делать прививку твоему заду.

– Хорошо, но мы должны связаться с мистером Барбарой. Он первым подумал о счетчике Гейгера и оказался прав. И надо поставить в известность доктора Расти. Он только что проехал мимо нас. Бенни пытался остановить его, но не вышло. Мы найдем Расти и мистера Барбару, чтобы они тоже пришли в дом, хорошо? Надо обдумать наш следующий шаг.

– Джо… мистер Барбара…

Клер замолчала. А что говорить? Что мистер Барбара, которого некоторые люди начали называть полковник Барбара, арестован по обвинению в совершении нескольких убийств?

– Что? – спросил Джо. – Что с ним? – Триумф в его голосе сменила озабоченность.

Клер предполагала, что он чувствует ее настроение точно так же, как она чувствует его. И Джо, несомненно, очень надеялся на Барбару – как и Бенни, как и Норри. Она, разумеется, не смогла бы держать их в неведении (даже если бы и хотела), но не собиралась сообщать об аресте Барбары и предъявленных ему обвинениях по телефону.

– Приезжайте домой, – услышал от нее Джо. – Поговорим здесь. И, Джо… я очень вами горжусь.

8

Джимми Сируа умер во второй половине дня, примерно в то время, когда Джо и его друзья катили на велосипедах в город.

Расти сидел в коридоре, обнимая Джину Буффалино и не мешая ей плакать у него на груди. В другое время он бы чувствовал себя крайне неловко, сидя в обнимку с девушкой, которой едва исполнилось семнадцать, но времена изменились. Одного взгляда на коридор – освещенный теперь лампами Коулмана, а не залитый флуоресцентным светом – хватало, чтобы понять, что времена изменились. Больница превратилась в заполненную тенями аркаду.

– Не твоя вина, – успокаивал он ее. – Не твоя вина, не моя, даже не его. Он не напрашивался на диабет.

Хотя, Бог свидетель, очень многие жили с диабетом долгие годы. Но эти люди заботились о себе. Джимми, предпочитавший жизнь отшельника на Год-Крик-роуд, к таковым не относился. Когда он наконец-то приехал в Центр здоровья – в прошлый четверг, – то не смог самостоятельно вылезти из автомобиля, жал на клаксон, пока Джинни не вышла, чтобы посмотреть, что там такое. И, стянув со старика штаны, Расти увидел, что правая нога – дряблая и посиневшая. Даже если бы Джимми выкарабкался, чувствительность нервных окончаний восстановить бы не удалось.

«Совсем не больно, док», – заверил Джимми Рона Хаскела перед тем, как впасть в кому. С тех пор он то приходил в сознание, то уплывал в забытье, а нога становилась все хуже. Расти откладывал ампутацию, хотя знал, что без этого не обойтись, если он хотел дать Джимми шанс на спасение.

Когда прекратилась подача электричества, Джимми и еще двум пациентам внутривенно вводились антибиотики. Те все равно продолжали поступать, но расходомеры выключились, а потому медсестры не знали, какая поступила доза. Кроме того, отключился кардиомонитор Джимми и респиратор, подающий воздух в легкие. Расти убрал респиратор, положил на лицо старика маску и показал Джине, как пользоваться кислородной подушкой. У нее получалось, и она старалась, но в шесть вечера Джимми все равно умер.

И теперь Джина рыдала.

Оторвала залитое слезами лицо от груди Расти, чтобы спросить:

– Я дала ему слишком много кислорода? Слишком мало? Я задушила его и убила?

– Нет. Джимми, вероятно, все равно бы умер, а так ему не пришлось ложиться под нож и он обошелся без ампутации.

– Не думаю, что я смогу сделать это снова. – Джина вновь зарыдала. – Так страшно. А теперь мне очень плохо.

Расти не знал, как на это реагировать, и тут подоспела неожиданная помощь.

– Ты оклемаешься, – раздался хриплый, гнусавый голос. – Должна, милая, потому что без тебя нам не обойтись. – По коридору к ним медленно шла Джинни Томлинсон.

– Не следовало тебе вставать, – покачал головой Расти.

– Наверное, – согласилась Джинни и со вздохом облегчения села по другую сторону Джины. Заклеенный пластырем нос, полоски пластыря под глазами придавали ей сходство с хоккеистом после трудного матча. – Но тем не менее я возвращаюсь к работе.

– Может, завтра… – начал Расти.

– Нет, теперь. – Она взяла Джину за руку. – И ты тоже, милая. Когда я училась в медицинском училище, одна старая медсестра говорила: «Ты можешь уйти, когда кровь высохнет, а родео закончится».

– А если я ошибусь? – прошептала Джина.

– Все ошибаются. Главное – ошибаться как можно реже. И я тебе помогу. Тебе и Гарриет. Что скажешь?

Джина с сомнением посмотрела на опухшее лицо Джинни: его к тому же не красили и старые очки, которые та где-то нашла.

– Такой энтузиазм можно только приветствовать, – заявил Расти, – но, если почувствуешь, что валишься с ног, найди свободную кровать и приляг. Приказ доктора Расти.

Джинни поморщилась, когда кончики губ в улыбке потянулись к крыльям носа.

– Кому нужна кровать, если я всегда могу воспользоваться старым диваном доктора Хаскела в комнате отдыха.

Зазвонил мобильник Расти. Он махнул женщинам рукой, предлагая заняться делом. Они ушли, разговаривая. Джина обнимала Джинни за талию.

– Алло, это Эрик, – ответил он.

– А это жена Эрика. – Приглушенный голос. – Звонит, чтобы извиниться перед Эриком.

Расти прошел в пустующую смотровую и закрыл за собой дверь.

– Никакие извинения не нужны. – Впрочем, он сомневался в правдивости своих слов. – Влияние момента. Его отпустили? – Вопрос казался ему совершенно логичным. Тот Барби, которого он знал, никого убить не мог.

– Я бы предпочла не обсуждать это по телефону. Ты можешь приехать домой? Пожалуйста! Нам надо поговорить.

Расти полагал, что мог. В критическом состоянии у него был только один пациент, который, умерев, существенно упростил его профессиональную жизнь. Но хотя он ощутил облегчение от того, что в ссоре с любимой женщиной поставлена точка, ему не понравилась осторожность, которая явственно звучала в ее голосе.

– Могу, но ненадолго. Джинни уже на ногах, но, если я не буду ее контролировать, она снова свалится. Пообедаем?

– Да. – У нее словно гора с плеч свалилась, что очень порадовало почувствовавшего это Расти. – Я разогрею куриный суп. Нам лучше съесть побольше замороженных блюд, пока не закончился пропан.

– И еще. Ты по-прежнему думаешь, что Барби виновен? Независимо от того, что думают остальные?

Долгая пауза.

– Мы поговорим дома. – И она отключила связь.

Расти привалился задом к столу, на котором проходил осмотр пациентов. Какое-то время смотрел на мобильник, потом нажал кнопку с красной трубкой. Многое казалось ему неясным – он напоминал себе человека, плавающего в море вопросов, – но в одном сомнений не было: его жена думала, что кто-то может подслушивать их разговор. Кто же? Армия? Министерство национальной безопасности?

Большой Джим Ренни?

– Нелепо, – сообщил Расти пустой комнате. Потом вышел в коридор, чтобы найти Твитча и сказать ему, что на короткое время уезжает.

9

Твитч согласился приглядывать за Джинни и следить, чтобы та не перетрудилась, но поставил условие: Расти перед отъездом осмотрит Генриетту Клавар, которая пострадала во время продуктового бунта.

– Что с ней? – спросил Расти, страшась наихудшего. Генриетта на здоровье особо не жаловалась, но ей, между прочим, восемьдесят четыре года.

– Она говорит, и я цитирую: «Одна из этих никчемных сестер Мерсье сломала мой чертов зад». Она имеет в виду Карлу Мерсье, которая теперь Вензиано.

– Хорошо. Наш город мал, и за команду за одну мы все болеем. Это так?

– Что – так, сэнсэй?

– Зад сломан?

– Не знаю. Она мне его не показывает. Говорит, и я цитирую: «Я покажу мои подштанники только профессиональному глазу».

Оба расхохотались, стараясь приглушить смех.

Из-за закрытой двери донесся хрипловатый и недовольный голос старушки:

– У меня сломана задница, а не уши. Я все слышу.

Расти и Твитч расхохотались еще сильнее. Лицо Твитча побагровело.

– Будь это ваши задницы, – заметила Генриетта, – вам было бы не до смеха.

– Извините, миссис Клавар. – Расти, все еще улыбаясь, вошел в смотровую.

Она стояла, а не сидела и, к безмерному облегчению Расти, улыбалась сама.

– Не за что. В нашей катавасии хоть что-то должно быть смешным. Пусть это буду я. – Она помолчала. – А кроме того, я крала вместе с остальными. Наверное, заслужила сломанный зад.

10

Как выяснилось, Генриетта отделалась синяками, а не переломами. Чему оставалось только порадоваться, потому что в сломанном копчике ничего смешного нет. Расти дал старушке тюбик обезболивающей мази, убедился, что дома у нее есть адвил, и отправил домой, хромающую, но довольную. Насколько могла быть довольна дама ее возраста и темперамента.

При второй попытке Расти покинуть больницу, через пятнадцать минут после звонка Линды, Гарриет Бигелоу остановила его у самой двери на автостоянку.

– Джинни говорит, вы должны знать, что Сэмми Буши ушла.

– Ушла куда? – спросил Расти. Со школы он считал, что самый глупый вопрос – тот, что остался незаданным.

– Никто не знает. Просто ушла.

– Может, она пошла в «Эглантерию», чтобы узнать, будет ли там обед? Я на это надеюсь, потому что у нее могут разойтись все швы, если она пойдет пешком к своему трейлеру.

На лице Гарриет отразилась тревога:

– Она может… истечь кровью и умереть? Если кровь течет из твоей ву-ву… это же плохо.

Расти слышал много синонимов слова «вагина», но этот – впервые.

– Умереть – вряд ли, но ей придется вернуться сюда на более продолжительный срок. А ребенок?

На лице Гарриет отразился ужас. Эта милая девушка, нервничая, начинала часто-часто моргать за толстыми стеклами очков. Такие девушки, подумал Расти, доводили себя до нервного расстройства лет через пятнадцать после окончания колледжей Вассара или Смита.

– Ребенок! Святой Боже, Литл Уолтер! – Она убежала, прежде чем Расти успел ее остановить, вернулась с написанным на лице облегчением. – Все еще здесь. Он не очень шустрый, но, наверное, такой у него характер.

– Тогда Сэмми вернется. Какие бы ни были у нее проблемы, ребенка она любит. По-своему.

– Что? – Гарриет заморгала.

– Не важно. Я постараюсь вернуться побыстрее. Не опускай крылья.

– Не опускай крылья?

– Занимайся больными, я хотел сказать.

Гарриет просияла:

– Это я смогу, доктор Расти, нет проблем.

Эверетт повернулся, чтобы наконец-то уйти, но теперь перед ним стоял мужчина – тощий, симпатичный, если не обращать внимания на крючковатый нос, с густыми седыми волосами, забранными в конский хвост. Расти вспомнил, что не так давно видел его с молодой женщиной и двумя детьми, и задался вопросом: «А удастся ли тебе, доктор, когда-нибудь выбраться из больницы?»

– Могу я вам помочь, сэр?

– Честно говоря, я думал, что, возможно, сумею вам помочь. – Он протянул костлявую руку: – Терстон Маршалл. Мы с коллегой проводили уик-энд у Честерского пруда и угодили сами знаете во что.

– Очень сожалею.

– Дело в том, что у меня есть некоторый медицинский опыт. Я поступил на альтернативную службу во время вьетнамской бойни. Подумывал об эмиграции в Канаду, но я собирался… впрочем, это не важно. Я записался в альтернативщики и провел два года в госпитале для ветеранов в Массачусетсе.

Расти это заинтересовало.

– В «Эдит Ноурс Роджерс»?
– Именно. Я, конечно же, отстал от жизни, но…
– Мистер Маршалл, у меня есть для вас работа.

11

Уже на шоссе номер 117 Расти услышал автомобильный гудок. Посмотрел в зеркало и увидел, что грузовик департамента общественных работ готовится свернуть на подъездную дорожку к больнице. Красный свет заходящего солнца не прибавлял видимости, но ему показалось, что за рулем грузовика сидел Стюарт Боуи. Второй взгляд Расти порадовал: вроде бы в кузове лежали два контейнера с пропаном. Разобраться с тем, откуда они взялись, он мог позже, возможно, даже задал бы несколько вопросов, но пока испытал облегчение: скоро в больнице вновь вспыхнет свет, заработают мониторы и респираторы. Может, ненадолго, но он уже привык жить сегодняшним днем.

На вершине холма у городской площади Расти увидел своего постоянного пациента Бенни Дрейка, известного скейтера, и парочку его друзей. В том числе и Джо Макклэтчи, который организовал видеотрансляцию ракетного удара в режиме реального времени. Бенни махал руками и что-то кричал, несомненно, хотел, чтобы Расти остановился и поговорил с ними. Расти помахал ему рукой, но скорость не сбросил. Ему не терпелось увидеться с Линдой. Конечно, он хотел услышать, что она скажет, но, главное, стремился увидеться с ней, обнять ее и окончательно помириться.

12

Барби хотелось отлить, но он держался. Он проводил допросы в Ираке и знал, как обстояло дело там. Не мог утверждать, что здесь будет то же самое, но случиться могло всякое. Ситуация менялась очень быстро, и Большой Джим показал безжалостную способность не отставать от хода событий. Как и большинство талантливых демагогов, он адекватно оценивал готовность целевой аудитории принимать на веру любой абсурд.

Барби также мучила жажда, и он совершенно не удивился, когда один из новых полицейских появился у его камеры со стаканом воды в одной руке и листом бумаги и ручкой в другой. Да, именно так все делалось в Фаллудже, Такрите, Хилле, Мосуле и Багдаде. А теперь, похоже, и в Честерс-Милле.

Стакан с водой, ручку и лист бумаги держал в руках Ренни-младший.

– Ты только посмотри на себя, – начал он, – не очень-то ты готов к тому, чтобы справляться с парнями хитрыми армейскими приемчиками. – Он поднял руку, в которой держал лист бумаги и ручку, и потер левый висок кончиками пальцев.

– Ты и сам не шибко хорошо выглядишь.

Младший опустил руку.

– Я здоров как огурец.

Однако странно, подумал Барби. Люди говорят, здоров как бык или свеж как огурчик, но выражения «здоров как огурец» он никогда не слышал. Вероятно, это ничего не значило, но…

– Ты уверен? У тебя красный глаз.

– Все у меня чертовски хорошо. И я здесь не для того, чтобы обсуждать меня.

Барби, который знал, почему Младший здесь, спросил:

– Это вода?

Младший посмотрел на стакан, словно уже и забыл про него.

– Да. Чиф сказал, что тебя, возможно, мучает жажда. Четверг во вторник, понимаешь. – Он громко рассмеялся, будто с его губ никогда не слетало ничего остроумнее этой малопонятной фразы. – Хочешь?

– Да, пожалуйста.

Младший протянул стакан. Барби потянулся за ним. Младший отдернул руку. Естественно. Так это всегда и делалось.

– Почему ты их убил? Мне любопытно, *Ба-а-арби*. Энджи тебе больше не дала? А потом, когда ты попробовал Доди, выяснилось, что она больше любит лизать, чем сосать? Может, Коггинс увидел нечто такое, чего видеть ему не следовало? И у Бренды возникли подозрения. Почему нет? Она сама была копом. Муж и жена, сам знаешь. – Младший опять загоготал, но под смехом пряталось настороженное внимание. И боль. Барби мог в этом поклясться. – Что? Нечего сказать?

– Я уже сказал. Хочу пить. Меня мучает жажда.

– Да, еще бы. Этот «Мейс» – мерзость, так? Я понимаю, ты служил в Ираке. И как там было?

– Жарко.

Младший загоготал вновь, плесканул водой себе на запястье. Дрожь в руках? И из уголка воспаленного красного глаза сочились слезы. *Младший, что с тобой? Мигрень? Другая напасть?*

– Ты кого-нибудь убил?

– Ну да, моей стряпней.

Младший улыбнулся, как бы говоря: *Удачный прикол, удачный*.

– Там ты ничего не готовил, *Ба-а-арби*. Ты служил связным офицером. Так, во всяком случае, сказано про твою службу. Отец нашел тебя в Интернете. Написано о тебе немного, но кое-что есть. Он считает, что ты занимался допросами подозреваемых. Может, участвовал в тайных операциях. Эдакий армейский Джейсон Борн. Так?

Барби молчал.

– Выкладывай, ты кого-нибудь там убил? Или мне следует спросить, скольких ты убил? Помимо тех, кого ты прикончил здесь.

Барби молчал.

– Парень, готов спорить, вода хороша. Из кулера наверху. Такая прохладненькая.

Барби молчал.

– Такие парни возвращаются со множеством проблем. По крайней мере так говорят и показывают по телику. Это правильно или ложь? Правда или неправильно?

Нет, причина не в мигрени. Мигрень, насколько я знаю, не приводит к тому, что человек путает слова.

– Младший, как давно у тебя болит голова?

– Совсем не болит.

– Как давно у тебя головные боли?

Младший осторожно поставил стакан на пол. В этот вечер у него на ремне висел пистолет. Он вытащил его и между прутьями направил на Барби. Ствол чуть подрагивал.

– Хочешь и дальше играть в доктора?

Барби посмотрел на пистолет. Пистолета в сценарии не было, он в этом не сомневался – Большой Джим строил на его счет определенные планы, возможно, для Барби не самые радужные, но в эти планы не входил Дейл Барбара, застреленный в камере, поскольку кто-то мог сбежать по ступенькам и увидеть, что дверь камеры по-прежнему заперта, а жертва без оружия. Но он не мог уповать на то, что Младший будет следовать сценарию, ведь этот парень явно чем-то болен.

– Нет. С экскурсом в медицину покончено. Очень сожалею.

– Да, ты сожалеешь, это точно. Ты сожалеющая куча говна. – Но Младшего тем не менее извинение Барбары устроило. Он сунул пистолет в кобуру, поднял с пола стакан с водой. – Моя версия – ты вернулся сюда не в своем уме от того, что ты там видел и что делал. Ты понимаешь, ПТСР, ПМС, ВБ[15]. Моя версия – ты просто рехнулся. Правильно?

Барби молчал.

Но Младшего ответ, похоже, и не интересовал. Он просунул руку со стаканом между прутьями:

– Бери, бери.

Барби потянулся за стаканом в уверенности, что Младший отдернет руку, но этого не произошло. Он попробовал воду. Теплая и непригодная для питья.

– Давай, – поощрил его Младший. – Я вытряс в нее только половину солонки, так что тебе она подойдет. Ты же солишь хлеб, правда?

Барби только посмотрел на Младшего.

– Ты же солишь хлеб? Солишь хлеб, гондон? А?

Барби протянул стакан между прутьями.

– Оставь его себе, оставь. – Младший великодушно махнул рукой. – И это возьми. – Он просунул в камеру бумагу и ручку.

Барби взял, прочитал текст. Все, как он и ожидал. И место для его росписи внизу.

---

[15] ПТСР, ПМС, ВБ – соответственно: посттравматическое стрессовое расстройство, предменструальный синдром, венерическая болезнь.

Барби протянул бумагу Младшему, но тот уже отходил от камеры, пританцовывая, улыбаясь и качая головой.

– И это оставь. Мой отец сказал, что сразу ты не подпишешь, но подумаешь об этом. И подумаешь о том, как получить стакан воды без соли. И еду. Скажем, большой чизбургер. Может, и колу. Наверху в холодильнике есть несколько банок. Ты бы не хотел выпить холодной колы?

Барби молчал.

– Ты солишь хлеб? Говори, не стесняйся, солишь, говнюк?

Барби молчал.

– Ты подпишешь, если как следует проголодаешься и захочешь пить. Так говорит мой отец, и в подобных делах он обычно не ошибается. Пока-пока, *Ба-а-арби*. – Он двинулся к лестнице, потом вернулся. – Не следовало тебе поднимать на меня руку, знаешь ли. Это была твоя большая ошибка.

Когда он пошел по лестнице, Барби отметил, что Младший чуть прихрамывал… или *подволакивал ногу*? Да, подволакивал левую ногу и, чтобы удержать равновесие, хватался за перила правой рукой. Барби задался вопросом: какой диагноз поставил бы Расти Эверетт Младшему по всем этим симптомам? Задался вопросом: а будет ли у него вообще шанс о чем-то спросить Расти?

Барби вновь посмотрел на неподписанное признание. Ему хотелось разорвать его и выбросить обрывки в коридор, но он решил, что это будет ненужная провокация. Барби попал в лапы кошки, и лучшее для него в такой ситуации – сидеть тихо. Он положил лист бумаги на койку, ручку – на бумагу. Потом поднял с пола стакан воды. Щедро сдобренной солью. Барби чувствовал, как она воняет. Подумал, что такой же сейчас и Честерс-Милл… только не стал ли он таким еще раньше? До Купола? С помощью Большого Джима и его друзей? Барби полагал, что да. И он подумал, что только чудом сможет выйти из этой камеры живым.

Тем не менее в этом деле его оппоненты были дилетантами: забыли про туалет. Вероятно, никому из них не довелось побывать в стране, где даже текущая по сточной канаве вода выглядит очень привлекательно, когда ты тащишь на себе девяносто фунтов снаряжения, а температура сорок шесть градусов по Цельсию.

Барби вылил соленую воду в угол камеры. Помочился в стакан и поставил под кровать. Потом опустился на колени перед унитазом, как молящийся, и пил, пока не раздулся живот.

13

Когда Расти подъехал, Линда сидела на ступеньках переднего крыльца. Во дворе Джекки Уэттингтон раскачивала маленьких девочек на качелях, те просили, чтобы она толкала их сильнее, и они взлетали все выше.

Линда подошла к нему, протягивая руки. Поцеловала в губы, отпрянула, чтобы посмотреть на него, поцеловала снова, коснувшись ладонями щек, с открытым ртом. Он почувствовал короткое прикосновение ее языка, и у него тут же все встало. От внимания Линды это не укрылось, и она сильнее прижалась к нему.

– Вау! – вырвалось у Расти. – Нам надо почаще ссориться на людях. И если ты не остановишься, мы прилюдно займемся кое-чем еще.

– Мы займемся, но не на людях. Сначала… я должна снова извиниться?

– Нет.

Она взяла его за руку и повела к крыльцу.

– Хорошо. Потому что нам нужно поговорить о делах. Серьезных делах.

Второй рукой он накрыл ее руку.

– Я слушаю.

Она рассказала ему о произошедшем в полицейском участке – Джулию выгнали вскоре после того, как Энди Сандерсу позволили спуститься вниз и лицом к лицу встретиться с арестованным. Она рассказала о походе в церковь, где они с Джекки собирались поговорить с Джулией наедине, о том, что в доме пастора к ним добавились Пайпер Либби и Ромми Берпи. Когда она начала рассказывать о только начавшемся окоченении тела Бренды Перкинс, которое заметили они с Джекки, Расти навострил уши.

– Джекки! – позвал он. – Насчет окоченения ты уверена?

– Более чем!

– Привет, папуля! – крикнула Джуди. – Мы с Джанни будем вертеть «солнышко».

– Нет, не будете. – Расти поднялся, чтобы с ладоней обеих рук послать им воздушные поцелуи. Обе девочки их поймали: в ловле воздушных поцелуев им не было равных.

– В какое время вы увидели тела, Лин?

– Где-то после полудня. Беспорядки у супермаркета давно закончились.

– И если Джекки права насчет того, что окоченение только началось… но мы не можем быть в этом абсолютно уверены, так?

– Нет, но послушай. Я говорила с Роуз Твитчел. Барбара появился в «Эглантерии» без десяти шесть. С этого момента и до того времени, когда обнаружили тела, у него твердое алиби. И когда он мог ее убить? В пять утра? В половине шестого? Насколько это вероятно, если окоченение только началось?

– Маловероятно, но возможно. Трупное окоченение зависит от многих факторов. К примеру, температуры воздуха там, где находится тело. В той кладовой было жарко?

– Тепло, – признала она, скрестила руки на груди, обхватила плечи. – Тепло и вонюче.

– Видишь, о чем я? При таких обстоятельствах он мог убить ее в четыре утра, притащить в этот дом и бросить…

– Я думала, ты на его стороне.

– Это так, и моя версия в действительности маловероятна, потому что в четыре утра в кладовой было куда прохладнее. Да и как он мог оказаться с Брендой в четыре утра? Что на этот счет могут сказать копы? Что он трахал ее? Даже если ему нравятся женщины старше его… гораздо старше… через три дня после смерти ее мужа, с которым она прожила больше сорока лет?

– Они скажут, что не по взаимному согласию, – сухо ответила Линда. – Они скажут, это изнасилование. То же самое, что они уже сказали про тех двух девушек.

– А Коггинс?

– Если Барбару подставляют, они что-нибудь придумают.

– Джулия собирается все это напечатать?

– Она собирается написать статью и задать некоторые вопросы, но придержит информацию о ранней стадии окоченения. Рэндолф, возможно, слишком глуп, чтобы понять, кто проговорился, но Ренни обязательно поймет.

– Это все равно опасно. Если они заткнут ей рот, она не сможет обратиться в Эй-си-эл-ю[16].

– Я думаю, ей без разницы. Она чертовски зла. Она даже считает, что продуктовый бунт тоже подстроен.

Очень даже вероятно, подумал Расти. Но сказал другое:

– Черт, мне бы очень хотелось увидеть тела.

– Возможно, тебе и удастся.

– Я знаю, о чем ты думаешь, милая, но вы с Джекки можете потерять работу. И не только, если Большой Джим теперь избавляется от тех, кто ему мешает.

– Мы не можем стоять в стороне…

– Опять же будет ли польза от такого риска? Вероятно, не будет. Если трупное окоченение уже наступило, я мало что смогу сказать по внешнему осмотру тела. У судебно-медицинского эксперта округа Касл, возможно, есть специальное оборудование, но он недостижим, как и Эй-си-эл-ю.

– Может, ты увидишь что-то еще. Что-то в ее трупе или других. Ты же знаешь о надписи, которая украшает некоторые из анатомических театров: «Здесь мертвые говорят с живыми».

– Невелик шанс. Знаешь, что лучше? Если бы кто-то видел Бренду живой после того, как Барби пришел на работу в пять пятьдесят. Такую дыру в борту их корабля уже не заткнуть.

Джуди и Джанель, обе в пижамах, прибежали обниматься. Расти их ожидания оправдал в полной мере. Джекки Уэттингтон, которая шла следом, услышала последние фразы Расти.

– Я поспрашиваю.

– Только без лишнего шума.

– Будь уверен. Но… его армейские идентификационные жетоны нашли в руке Энджи…

– И Барби не хватился их в достаточно большой промежуток времени, прошедший от первого убийства до обнаружения всех тел?

– Каких тел, папочка? – спросила Джанни.

Расти вздохнул:

– Это все очень сложно, сладенькая. И не для маленьких девочек.

Глаза Джанни говорили, что такое объяснение ее устроило. Ее младшая сестра тем временем отошла, чтобы сорвать несколько цветочков, но вернулась с пустыми руками.

– Они умирают, – доложила она. – Все коричневые и пожухли по краям.

– Им, вероятно, слишком жарко, – предположила Линда, и на мгновение Расти подумал, что она сейчас заплачет. Бросился на амбразуру.

– Девочки, чистить зубы и спать! Возьмите немного воды из кувшина на столике. Джанни, разливать воду поручаю тебе. Теперь идите. – И повернулся к женщинам. Точнее, к Линде: – Ты как?

– Нормально. Просто… меня все это достает с разных сторон. Я думаю: «Эти цветы не должны умирать». И тут же думаю: «Ничего такого вообще не должно было произойти».

Они помолчали. Потом заговорил Расти:

---

[16] Имеется в виду Американский союз защиты гражданских свобод.

– Нам лучше подождать и посмотреть: предложит ли мне Рэндолф осмотреть тела? Если предложит, я сделаю свою работу без риска подставить вас. Если не предложит – нам это кое-что скажет.

– А пока Барби в тюрьме, – напомнила Линда. – И прямо сейчас, возможно, из него выбивают признание.

– Ну, допустим, вы покажете ваши полицейские жетоны и проведете меня в похоронное бюро. Допустим, я найду что-либо, оправдывающее Барби. Вы думаете, *они* скажут: «Ох, черт, ошиблись!» – и выпустят его? А потом позволят взять власть в городе? Потому что именно этого добивается правительство? Вы думаете, Ренни позволит… – Зазвонил мобильник Расти. – Самое худшее изобретение всех времен, – прокомментировал он, но по крайней мере звонили не из больницы.

– Мистер Эверетт? – Женщина. Голос он знал, но не мог припомнить, кому тот принадлежит.

– Да, но, если нет ничего чрезвычайного, я сейчас немного занят…

– Я не знаю, чрезвычайное ли это дело, но очень, очень важное. И поскольку мистер Барбара – или, точнее, полковник Барбара – арестован, именно вы должны им заняться.

– Миссис Макклэтчи?

– Да, но поговорить вам надо с Джо. Он здесь.

– Доктор Расти?! – Голос взволнованный, срывающийся.

– Привет, Джо! Что у тебя?

– Думаю, мы нашли генератор. И что нам теперь делать?

Свет померк так резко, что все трое ахнули, а Линда схватилась за руку Расти. Но солнце всего лишь опустилось за большое пятно сажи на западной части Купола.

– Где?

– Блэк-Ридж.

– Нашли по радиации? – Но Расти и так знал ответ. Как еще они могли его найти?

– Последнее зафиксированное нами значение – плюс двести. Еще не в красной зоне. Так что нам делать?

Расти пробежался свободной рукой по волосам. Слишком многое происходило вокруг. Слишком многое и слишком быстро. Особенно для костоправа из маленького городка, который никогда не считал, что принятие решений, а тем более лидерство ему по плечу.

– Этим вечером ничего. Уже почти стемнело. А пока, Джо, ты должен мне кое-что пообещать. Никому не говори о вашей находке. Ты знаешь, Бенни и Норри знают, и твоя мама знает. Пусть так и будет.

– Хорошо. – Энтузиазма у Джо поубавилось. – Нам надо столько вам рассказать, но, думаю, с этим можно подождать до завтра. – Он глубоко вдохнул. – Это немного пугает.

– Да, это немного пугает.

14

Мужчина, держащий в своих руках судьбу Милла, сидел за столом в своем кабинете и большими кусками ел бифштекс на ржаном гренке, когда в дверях возник Младший. Ранее Большой Джим поспал сорок пять минут и теперь чувствовал себя бодрым и готовым к дальнейшим действиям. На столе лежали вырванные из блокнота листы, которые он собирался этим же вечером отправить в мусоросжигательную печь. Лишняя предосторожность никому не мешала.

Кабинет освещали шипящие лампы Коулмана, дающие ярко-белый свет. Бог свидетель, Ренни знал, где хранятся немалые запасы пропана – их хватило бы, чтобы пятьдесят лет освещать дом и обеспечивать электроэнергией все бытовые приборы, – но предпочитал пользоваться лампами Коулмана. Он хотел, чтобы люди, проходившие мимо, видели их ярко-белый свет и знали, что член городского управления Ренни не имеет никаких привилегий, что член городского управления Ренни такой же, как они, а потому заслуживает полного доверия.

Младший прихрамывал. Лицо у него осунулось.

– Он не сознался.

Большой Джим и не рассчитывал, что Барбара так быстро сознается, и реплику проигнорировал.

– Что с тобой? Ты ужасно выглядишь.

– Еще один приступ головной боли, но мне уже легче. – И он говорил правду, хотя во время разговора с Барби ему было совсем худо. И эти сине-серые глаза то ли слишком много видели, то ли прикидывались, что видят.

Мы знаем, что ты делал с ними в кладовой, говорили они. *Мы знаем все*.

Младшему потребовалась вся его сила воли, чтобы не нажать на спусковой крючок после того, как он вытащил пистолет. А так хотелось, чтобы эти глаза закрылись навсегда.

– Ты еще и прихрамываешь.

– Это из-за детей, которых мы нашли на Честерском пруду. Я нес одного и, думаю, потянул мышцу.

– Ты уверен, что причина только в этом? Вы с Тибодо должны выполнить одну работенку, – Большой Джим посмотрел на часы, – через три с половиной часа, и напортачить нельзя. Все должно пройти идеально.

– Почему нельзя это сделать до наступления темноты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.